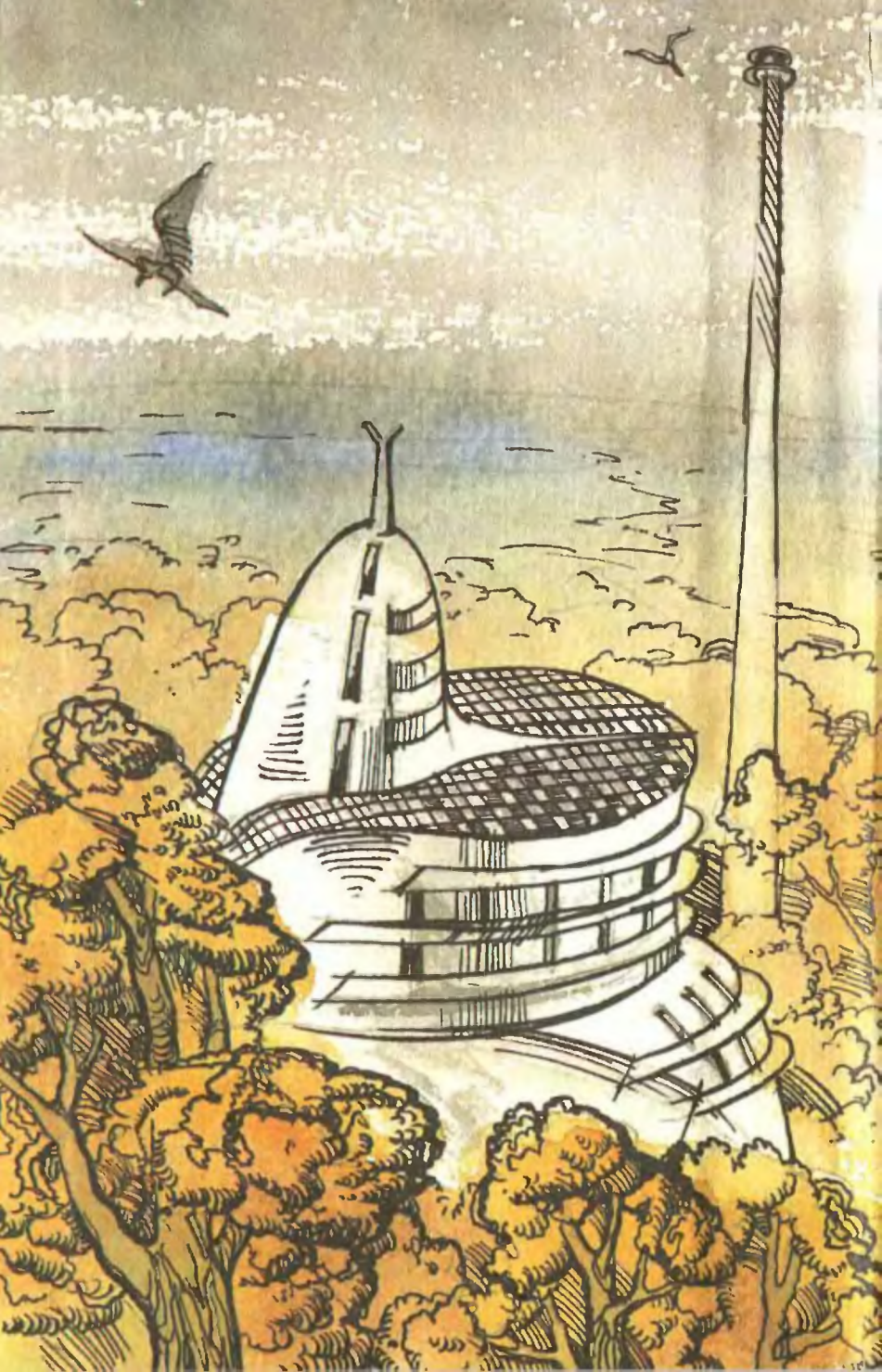

ВЛАДИМИР
САВЧЕНКО
ЗА ПЕРЕВАЛОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКЦИОННО-ОБЩЕСТВЕННОЕ

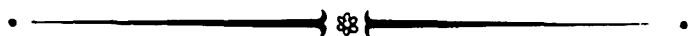

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1984

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

*Научно-
фантастический
роман*

« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »

Послесловие С. А б р а м о в а

Рисунки А. Лебедева

С $\frac{4803010102-366}{M101(03)84}$ 392—84

ПРОЛОГ

1. ГОБИ. XX ВЕК

Место в западной части пустыни, куда долетел вертолет, ничем не отличалось от окрестностей: те же волны барханов, показывающие направление последнего ветра, гнавшего их, такой же серо-желтый песок сухо скрипел под ногами и на зубах; солнце, ослепительно белое днем и багровое к вечеру, так же описывало в небе почти вертикальную дугу. Ни деревца, ни птицы, ни тучки, ни камешка в песке. Только алюминиевая вешка — пирамидка из потускневших за четыре года трубок — отмечала засыпанный вход в шахту.

Сняли пласт песка, открыли люк. Внутри все сохранилось идеально: дощатый сруб, лестница из скоб,

кабели от термоэлементов, пронизывающие доски и сходящиеся внизу к кабине-снаряду.

Опустились. Отдраили крышку иллюминатора, пощелкали тумблерами на внешнем пульتيке. Главным была энергетика, термоэлементы, превращавшие геотермальный поток в грунте в электричество. Они не подвели: шатнувшись, остановились против нужных делений стрелки приборов, загорелись лампочки в кабине, осветили мохнатое тело необычно, по-людски вытянувшейся на пластиковом ложе гориллы, ее лицо, сердито сжатый рот.

Анализ газовой смеси в кабине: состав, давление, влажность — всё в норме. Можно откачивать, входить, пробуждать. По показаниям биодатчиков обезьяна будто спала несколько часов.

Горилла-самка Мими выросла в университетском viva-рии, участвовала во многих опытах, знала и не пугалась людей. Но сейчас, пробудившись, она шарахнулась от двоих исследователей с визгом, оскаленными клыками, защитно выставленными когтями; обрывая провода датчиков, ринулась в дверцу, только ветерок пошел по шахте — так она взлетела по скобам.

— Вот это да! — Нимайер высунулся, позвал: — Мими!.. Что с ней?

— Последействие морфина, — сказал Берн. — Я и на себе его чувствовал. Значит, наркотик из методики исключается — только самогипноз. Если через восемнадцать тысячелетий со мной приключится такое, привести меня в норму будет некому.

Так было сказано главное.

«Берн Альфред (1910—1952), немец, биолог, биофизик, действительный член Швейцарской Академии наук, профессор Цюрихского университета. Работы в области анабиоза позвоночных. Пастеровская премия (1948). Монографии об анабиозе и по палеонтологии». (Из энциклопедии.)

«Нимайер Иоганн. Род. в Моравии в 1924 г., оконч. политехнический ин-т в 1948 г., сотрудник кафедры экспериментальной биологии Цюрихского университета. Женат, двое детей (сын и дочь). Рост 170 см, вес 68 кг, сложение нормальное, внеш. вид — см. фото. Особых примет не имеет.

В предосудительном не замечен». (Из картотеки машинного учета кантональной полиции.)

И был некролог с фотографией Берна в траурной рамке: пряди седых волос над обширным лбом, темные глаза под темными бровями, прямой нос, впалые щеки, нервный рот — губы в иронической полуулыбке. Ректорат и деканат биофакультета с глубочайшим прискорбием извещали о гибели профессора во время катастрофы при изысканиях в пустыне Гоби. Охи, ахи, расспросы, оплакивания близкими, толки о том, кто займет кафедру...

И был отчет чудом спасшегося второго участника экспедиции инженера Нимайера, который показал, что: когда в поиске следов третичной фауны они перебази- ровались в глубь пустыни, на 80 километров восточ- ней колодца Байрым, в первый рейс, нагрузив вертолет приборами и взрывчаткой для выброса породы, отправился профессор; он, Нимайер, остался упаковывать осталь- ное снаряжение;

когда вертолет поднялся метров на двести, он накре- нился, мотор стал давать перебои, заглох; не набрав скорости, машина стала снижаться вертикально и быстро — падать;

когда она коснулась почвы, в ней раздался сильный, в два раската, взрыв — видимо, от удара детонировали запалы к динамитным шашкам; вертолет развалился на куски, дело завершил взрыв бензобака и пожар, спасти Берна было невозможно; сам Нимайер трое суток выби- рался из раскаленных песков.

Отчет был убедительным, а расстояние до места проис- шествия к тому же было столь значительным, что комиссию для расследования решили не посылать. Да и координатные записи маршрута экспедиции сгорели в вертолете; после осенних бурь обнаружить места стоянок с воздуха не было никаких шансов... Словом, ухищрения Берна и Нимайера по тщательной разработке легенды и подкрепление ее тем, что в вертолет перед взрывом сунули обезглавленный труп Мими (чтобы на случай проверки наличествовали обломки костей), оказались лишними.

Для самого инженера все случившееся было немалой неожиданностью. Он отправился с Берном, чтобы прове- рить самочувствие захороненной в Гоби крошки Мими,

в случае успешного оживления ее ликовать, поздравлять профессора и вкусить благ от своей (скромной, но и весомой: аппаратура) доли участия в деле. А оказалось, что опыт только начинается, до конца его Нимайеру не дожить, а о вкушении благ и говорить не стоит.

2. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ДИАЛОГИ

Поэтому между ними все дни подготовки возникали несогласия и споры. К ним вело все — с чего ни начать, о чем ни говорить.

...Багровый закат высоко распространился в насыщенном пылью воздухе. Чернеют тени вертолета и палаток на его фоне. И они двое — шевелящиеся фигурки из черной бумаги — у раскладного столика на полотняных стульчиках. Поглощают опостылевшую свиную тушенку с бобами, которая от жары уже начала пахнуть, запивают зеленым чаем. Крутят ручки портативного приемника: взвизги, морзянка, фразы на многих языках, рев глушилок, марши — выюжный, недобро напряженный эфир начала 50-х годов.

Сердитая английская речь. Берн прислушивается, крутит ручку — ползет темная полоска по светящейся шкале. Бравурный марш: ухают басы, верещат фанфары, гремят литавры.

— Вот-вот...— кривит губы Берн.— Отбивай шаг, задирай подбородок. Ведь погибают всегда другие, не «я». Вперед, кандидаты в мертвецы!..— Крутит дальше, ползет полоска. Французская речь.— Слушайте, слушайте! (Берн полиглот — и не без того, что ему приятно щегольнуть этим.) «Наибольший выброс радиоактивного грунта, как установил профессор Дарье, и оптимальное заражение им местности происходит при внедрении плутониевой бомбы на глубину пятнадцать метров...» Ведь это наука, Иоганн, вершина разумной деятельности, как и у нас. А!

— Э, нет.— Инженер положил вилку, зашвырнул пустую банку в пески.— Там не такая наука. Там нормальная наука, с практическим смыслом. Пусть зловещим, угрожающим одним ради защиты других — но со смыслом все-таки! А какой научный смысл в вашей затее? Анабиоз на годы — это можно понять. Но... на восемнадцать тысяч лет!.. Простите, но это же самоубийство.

— Эй, не пугайте меня сейчас! Думаете, установка откажет?

— Нет, самое смешное, что установка может выдерживать. Вполне. Термоэлементы? Они просты, как булыжник, и надежны, как булыжник. Был бы геотермальный поток, а им ничего не сделается, ток дадут. Герметика идеальная, никаких утечек... То есть я допускаю, что как биологический организм вы сохранитесь. Если мясо ископаемых мамонтов с удовольствием лопают собаки, то... техника может больше. Но все равно: столь категоричное отделение от мира, породившего вас, бросок в неизвестную среду — безумная, самоубийственная авантюра, как хотите! Какой смысл?..

— Научный смысл моего предприятия: проверка гипотезы о возникновении нового человечества. Самая суть: орбита Земли не круговая, а эллиптическая, Солнце в одном из фокусов ее, когда планета ближе к нему, тепла на нее попадает больше, когда дальше — меньше. Из-за наклона оси эта добавка тепла распределяется между Северным и Южным полушариями неравномерно, сейчас, например, больше перепадает Северному. Но ось Земли процессирует, описывает конус — как у игрушечной юлы, только гораздо медленнее: один круг за двадцать шесть тысяч лет. Понимаете теперь, почему счет на тысячелетия? В ходе их меняется положение Земли под Солнцем. Сорок тысяч лет назад больше согревалось Южное полушарие, а у нас, на севере, ползли льды...

— А! — сказал инженер. — Оледенение как причина эволюции обезьян?

— Да. Резкое похолодание, оскудение растительной пищи — и обезьяны посмышленей стали орудовать камнями и палками, познали труд, полюбили огонь. Так возникли племена питекантропов. Дальше дело пошло... Весьма вероятно, что так случалось не однажды — не только сорок тысячелетий назад, но и шестьдесят шесть, и... прибавляйте по двадцать шесть, сами сочтете. То, что в самых древних пластах находят останки людей и их предметов, а в древних знаниях намеки на новейшие достижения науки и техники, — признаки того, что процесс повторяется, возвращается на круги своя.

— Любопытно. Это ваша гипотеза?

— Нет. Одного русского, которому тоже не очень везло в жизни, — Николая Морозова-Шлиссельбуржца.

— Родом из Шлиссельбурга?

— Опять не угадали, Иоганн: эта приставка к фамилии означает, что он провел в Шлиссельбургской каторжной тюрьме ни мало ни много — двадцать лет. И чтобы скоротать время, напридумывал там немало интересных гипотез. Эта возникла у него в самом конце прошлого века. По нынешним временам она выглядит несколько наивно, но верна ее суть — идея, которую я распространяю на все времена: человечество породил некий глобальный, космический процесс. Наша цивилизация объективно — проявление его. Но поэтому же в развитии мира заключена и его гибель.

Совсем стемнело.

Лицо Берна освещала снизу шкала приемника. В нем ритмично постукивал джаз. Голос профессора звучал с пророческой торжественностью:

— Возникают, развиваются, достигают кульминации существа и коллективы, которые в силу ограниченности придают исключительное значение себе, своему месту и времени. Потом происходит нечто — и они сникают. За материальные останки бывшего «разумного» величия принимаются вода и ветер, мороз и коррозия, пыль, сейсмика земной коры. Потом — новое оледенение. Толща льдов, как губка, стирает с лица материков следы энногo человечества, энной цивилизации — и очищает место для эн плюс первой. Морали в этой басне нет... — Он помолчал. — Следующее похолодание начнется через двенадцать-тринадцать тысячелетий. Южные области, как и прежде, оптимальны для развития обезьянолюдей. Пять тысяч лет форы на возможный прогресс.

— Но... ведь здесь безжизненная пустыня.

— Сейчас — пустыня. И Сахара сейчас пустыня, и Каракумы, и Аравия. А буйная растительность и животный мир, что были в них, залегли пластами угля и нефти. Не упускайте из виду счет на десятки тысячелетий, Иоганн: за это время смешаются созвездия, одни звезды потускнеют, другие разгорятся ярче — изменится картина «вечного» неба. Что уж говорить об изменениях климата! Оледенение нагонит влагу — и здесь будут леса, луга и реки.

— О! Я вижу, вы уже на «ты» с вечностью!.. — В голосе Нимайера ирония, уважение, замешательство — все вместе.

— Допустим, вы окажетесь правы. Но зачем вам эта правота? Ведь знания добываются для людей.

Это уже на следующий день, к вечеру, когда все приготовления окончены. Крошка Мими, которая двое суток с уханьем металась за барханами, наконец оголодала, почувствовала прежнее влечение к людям, приблизилась, умильно вытягивая губы трубочкой,— тут ее и прихлопнули выстрелом в голову.

Солнце еще не село. Нимаьер один приканчивает банку консервов. Профессор прихлебывает чаек из пиалы: есть ему ближайшие 180 веков нельзя.

— Для людей? Для их блага, да? Много счастья принесло людям познание атома!.. Хорошо, если вы не поняли то, что я высказал вчера в общих категориях, выскажусь прямо.— Берн отставил чашку, встал, оперся рукой о стол.— Я отрицаю человечество. Отрицаю его как разумную силу и разумный процесс. Его нет — есть лишь стихия, равная с движением вод и воздуха, размножением и миграциями животных. А над этим есть «я». Мое «я». Нет меня — нет ничего. Знания!.. Они приносят удовлетворение только тому, кто познает, они образуют его мир — мой мир! И в мой мир вошла эта возможность,— он мотнул головой в сторону шахты,— возможность стать над временем, над жизнью. Моя жизнь будет состоять не из одного, как у всех, а из двух штрихов на ленте времени, разделенных тысячелетиями. А может, и больше, как удастся. Вот, я сказал все, хоть вам это, наверно, и неприятно.

— Нет, почему же...— пробормотал инженер, отставляя банку: у него пропал аппетит, и вообще он почувствовал себя как-то неуютно один на один с Берном в пустыне. Пришло в голову, что самый надежный способ сохранить эксперимент в тайне — это пристукнуть и его, Нимаьера. От человека, затеявшего безумное дело, всего можно ждать.— Я понимаю... чтобы решиться на такой... м-м... йеобратимый бросок через тысячелетия, надо иметь воистину термоядерный заряд индивидуализма. И замечательно, Альфред, что он у вас есть.

— А для людей,— продолжал профессор,— для их блага... точнее сказать, для потребительской пошлятины — так это вам, Иоганн, и карты в руки. Когда вернетесь, никто не помешает вам разработать этот способ для коммерческих применений: ради жирных многолетних

процентов на вклады, чтобы не сцапала полиция до истечения срока давности.. да мало ли! Не пропадать же добру.

— Я... я не думал об этом,— с облегчением сказал инженер (он и в самом деле не думал),— но если я и предприму что-либо, то для сохранения ваших идей, Альфред, вашего научного имени.

3. СТАРТ

В последнюю ночь обоим трудно было уснуть, хотя выспаться следовало не только Нимайеру, коему предстоял трудный путь, но и — как ни парадоксально — Берну: чтобы успокоить взбаламученную хлопотами и спорами психику.

Нимайер — так тот был рад, что сон не идет. Лучше перетерпеть эту ночь, а то кто знает: уснешь и не проснешься. После объявления своего замысла и особенно после «философских излияний» почтенный ученый, с которым он работал и которого почитал (даже любил в кругу знакомых молвить: «Вот мы с профессором...»), представлялся ему вырвавшимся на волю преступником. «Надо же, в какую историю влез. Да если бы знал, то ни за что и никогда!.. Авантюрист оголтелый, кто бы мог подумать! Чего ему не хватало? А ведь это он и о себе: что-де жизнь талантливых людей несчастна... Другим бы такие «несчастья»: его оклад на кафедре, гонорары за статьи, премии за исследования, его особняк (интересно, кому он достанется: жене или дочери?)... Господи, только бы благополучно выбраться из этого дела и из пустыни! И молчок-молчок до конца дней. И подальше от таких выдающихся... Ну их!»

Он ворочался на надувном матрасике, ощупывал положенный под него пистолет: береженого и бог бережет.

Профессор, лежа с закрытыми глазами, укорял себя за разговоры с Нимайером. Что ему был этот инженер, его мнение! И возвращался к его сомнениям, своим доводам, мысленно подкреплял их новыми... и понял, наконец, что убеждает не инженера — себя. Подбадривает. Потому что ему жутко. Тот подъем духа, который пробудился в нем, великолепное сознание превосходства над миром, над человечеством, которое он отторгает от себя, уверен-

ность, что он сделает это — он, такой отчаянный и молодой... все вдруг кончилось. Берн почувствовал себя маленьким и слабым. Понесло в другую крайность.

...Для Нимайера можно было проще: о том, что разочаровался, устал — в духе обмолвки о Морозове, которому тоже в жизни не везло. Тоже. И ему, если мерить по таланту и силам, приходилось трудно в этой жизни: всего добивался с боем — и чем серьезнее цель, тем более изматывала битва за нее. А добившись, часто убеждался, что цели эти: новая прибавляющая известности статья или книга, дополнительные звания, связи да и обнаруженные в опытах комариные узенькие знания — мишура, на которую не стоило расходовать душу... И о том, что рвались одна за другой привязанности: отошли, замкнулись в своих мирках друзья молодости, выросла и сделалась чужой дочь, опостылела жена.

Иоганн хорошо сказал о мегатонном заряде индивидуализма. Ах, если бы так! Заряд одиночества, безнадёжности.

Э, нет, так нельзя себя настраивать... вернее, расстраивать. Для укрепления духа надо мыслить глобально, отрицать мир, соразмерять себя с вечностью. Ведь была же мысль... Ага, вот даже не мысль — лежащая за пределами логики уверенность: осуществив восемнадцатитысячелетний рывок сквозь время, он настолько поставит себя над жизнью, над всеми ее превратностями, что... все будет хорошо. Изменится небо и климат, исчезнут народы, появятся другие... может, ухнет в тартарары нынешняя цивилизация, готовящаяся к мировой свалке, — а с ним все будет отлично.

Берн ободрился, успокоился, уснул.

Оба открыли глаза, едва лучи солнца коснулись палатки. Над пустыней по-утреннему умытое небо. Апельсиновый диск солнца освещал нежно-розовые барханы.

— Сегодня даже пустыня прекрасна. Или мне это кажется, а, Иоганн?

Вместе опустили в шахту термопластиковое ложе, в котором четыре года пролежала Мими; теперь оно было идеально подогнано по телу Берна, под каждую его косточку, мышцу, связку; установили в кабине. Вместе осмотрели приборы, запасы, каждый уголок — не забыто ли чего, не осталось ли ненужное.

— Все. Прощайте, Иоганн! — Берн коротко улыбнулся, пожал инженеру руку. Тот шевельнул губами, но ничего не сказал, в глазах был ужас. — В старое доброе время немцы на надгробиях высекали «Auf Wiedersehen!»¹ дорогим покойникам. А я говорю: прощайте. Встреча в загробном мире не состоится. И не смотрите на меня так — я переживу вас всех!

Оставшись один, Берн наглухо завинтил герметическую дверь, разделся, сложил одежду в специальный карман, закрыл его. Он держал себя в руках, не давал воли мыслям — только хотел, чтобы все скорей осталось позади.

Опустился на ложе. Поерзал, устраиваясь. Лежал так несколько минут, привыкал, проверял покой и удобство каждой точки тела. В кабине было прохладно. «Через восемнадцать тысяч лет могу проснуться с насморком», — мелькнула мысль. Прогнал и ее, так тоже не нужно сейчас.

Приборный щит был над головой, кнопочный пультик у правой руки. Расположение кнопок он знал на ощупь. «Ну, начнем», — и нажал левую вверх: взрыватель.

Над барханами взметнулась серая копна песка и пыли. Глухой раскат. Копна опала, растеклась. Нимайер глядел: шахты больше не было. Жутко стало инженеру в мертво застывшей пустыне. Он принялся поспешно укладывать рюкзак, носить лишнее имущество в вертолет, складывать на динамитные шашки в кабине.

А на тридцатиметровой глубине Берн нажал уже все кнопки. Укладывает руку в выемку ложа, расслабляет ее, расслабляется сам, устремляет взгляд на блестящий шарик в потолке, дышит глубоко и ритмично, считает вдохи:

— Один... два... три...

Размеренно стучат насосы газообмена, вытесняют из кабины, из легких, из крови человека воздух, заменяют его инертно-консервирующим составом.

— Восемнадцать... девятнадцать... двадцать... — все медленнее поднимается и опускается грудь, слабее шеле-
стят губы.

Белым инеем покрываются радиаторы охлаждающих элементов по углам. Гаснут лампочки на контрольном щите. Смолистый бальзамический аромат наполняет кабину. Но вряд ли Берн его ощущает: кровь уже раз-

---

¹ До свидания! (нем.)

несла газ по всем клеткам тела, нервы притупились, мышцы деревенеют, мысли исчезают.

— Тридцать три... тридцать четыре...

А наверху Нимайер поджигает тянувшийся к вертолету бикфордов шнур. Рюкзак за плечи, палку в руки — и впрочь, впрочь, не оглядываясь. Слишком поспешно уходит он от устоявшегося безмолвия пустыни. Ботинки для лучшей опоры обмотаны тряпьем.

— Семьдесят семь... — беззвучно считает вдохи Берн. — Семьдесят восемь... семь... десять... де...

Затих. Глаза закрываются. Грудь застывает на полном вдохе.

Некоторое время еще стучат насосы. Затем и они стихают. Вот замедлился приводной шкив последнего, уже не проворачивается, дернулся туда-сюда — застыл. Цикл консервации отработан. Теперь только лепестки электро-статического реле, непрерывно заряжаемые альфа-частицами от радиевой пилюли между ними, могут, опав, замкнуть цепь схемы оживления. Но опадут они не раньше, чем количество радия уменьшится вчетверо.

Солнце поднимается над пустыней. Начинается ветер. Порывы его взвихривают струйки песка у подножия насыпанного взрывом холма, качают укоротившийся бикфордов шнур под брюхом вертолета, отдувают извергающийся из него дымок. Песок завивается и вокруг ног Нимайера. Он шагает широко и озабоченно. Когда за спиной раскатывается второй взрыв — останавливается, оглядывается на горящие обломки вертолета, бормочет:

— И черт с тобой! У тебя то ли будет вторая жизнь, то ли нет, а я — вот он. — Поправляет лямки рюкзака и наддает: надо побольше пройти до жары.

Это произошло осенью 1952 года. Семь лет спустя после разгрома фашизма в Германии, Италии, Японии.

И семь лет спустя после первых испытаний и применения атомных бомб.

И за пять лет до запуска первого искусственного спутника Земли.

За девять — неполных — лет до полета в космос человека.

За семнадцать лет до высадки людей на Луну.

За двадцать один год до фашистского переворота в Чили.

...И за разное количество лет до различных кризисов, свершений, открытий, политических убийств, переворотов, конфликтов и иных событий.

Ветер времени, ветер устойчивости и перемен, ветер событий, их отрицания и повторений гуляет по Вселенной. Он вьюжно завихривает материю в галактики, гонит невесть куда светила, вокруг которых — где по эллипсам, где как — мотаются вещественные смерчки-планеты. Он же — по цепочке преобразований — закручивает на планетах круговороты веществ и энергии, атмосферные вихри — то есть становится просто ветром.

И малая часть его, перегоняя по Гоби барханные стада, начисто сглаживает следы экспедиции Берна. Это место совсем перестало отличаться от своих окрестностей. Только иной раз движение воздуха осыплет пласт песка на крутом склоне бархана, обнажится покарёженная лопасть, металлический прут, клочок брезента. С каждым годом останки все ржавее, ветшее — того и гляди, рассыплется в пыль.

А другие воздушные потоки гонят по планете облака и дым заводов, облетевшие листья, обрывки газет — многие обрывки многих газет, на которых что ни день все новое, новое... повторяющееся новое, которое не дает нам как следует задуматься над минувшим.

Ветры доносят эти клочки и до пустыни Гоби — то ли сами ветры стали сильнее, то ли клочков больше: шелест бумаг может заменить шелест листьев, — и ветер гонит их вместе с песком, который стал пятнистым. От копоты? От деятельности новых бактерий? От испытаний новых видов оружия?

Совсем нет следов стоянки: рассыпались в прах, смешались с песком обломки и обрывки над местом, где на тридцатиметровой глубине, в темноте и покое, при пониженной температуре спит одеревенелый Берна. Подбородок его оброс густой щетиной — верный признак, что профессор не мертв, что с ним все в порядке.

4. ПРОБУЖДЕНИЕ

Из темноты надвигался расплывчатый зеленый огонек. В уши проник ритмичный перестук с дребезжащим оттенком. Сознание прояснялось постепенно, как после глубо-

кого сна: свет и звуки приобрели смысл — сигнальная лампа и насосы. Дребезг — неладно со смазкой.

Загорелась газоразрядная трубка под потолком — одна из трех. Полусонный взгляд Берна блуждает по кабине: шарик в потолке стал тускло-серым, колба реле времени в радужных разводах. Лепестки в ней опали, висят вблизи отметки «20».

Профессор приподнялся на ложе: как — уже? Двадцатое тысячелетие?! И все мышцы живота и рук, которые участвовали в резком движении, заныли, закололи, застреляли. БERN лег. Так нельзя. Спокойно. Проверить тело. Глубокие плавные вдохи и выдохи — одеревенение отпустило грудь. Пошевелить пальцами рук, ног, ступнями, кистями. Контрольные напряжения остальных мышц. Пошевелить шеей. Мимика.

Что-то стесняло лицо. Осторожно поднял правую руку, тронул: борода, усы — довольно густые.

Так... осторожно сесть. Привыкнуть. Осторожно встать. Пойти. Контрольные наклоны, повороты тела. Уф-ф... Жив и, кажется, здоров!

БЕРН раскрыл карман с одеждой и — хоть она выглядела мятой, слежавшись, и к тому же отдавала затхлостью (это не учли) — с удовольствием оделся. Достал из куртки очки, протер стекла, тоже надел: мир стал четок. Огляделся внимательно. И... заметил нечто, от чего внутри сразу похолодело: по стеклу колбы радиоактивного реле времени от верхнего зажима до самого низа тянулась трещина. «Значит... там воздух и всё нарушилось? Реле включило кабину на пробуждение не потому, что прошло сто восемьдесят веков, — просто вышло из строя! Вот тебе на!.. Отчего бы? От сейсмических толчков? Да, скорее всего. За это время их могло произойти немало. Какой-то особенно сильно потрянул местность и кабину — и единственный стеклянный предмет здесь треснул. Черт, надо было ставить дублирующее реле! Э, но ведь и оно могло лопнуть... всего не предусмотреть. За это время — за какое?! Больше или меньше прошло ста восьмидесяти веков? Насколько больше? Насколько меньше? Попробуй теперь угадать!..»

И он начал цепко всматриваться во все, пытаясь понять, сколько же на самом деле прошло времени? Внутренние ощущения — как и в двух первых опытах, в которых БЕРН засыпал на шесть и одиннадцать недель. И бородой

да усами тогда тоже обрастал, хоть и не так сильно. Предметы в кабине? Все посерело, выцвело, в пыльно-блеклых разводах; на стыках металлов, где сцарапаны лаки и никель, чуточные следы ржавчины. Но все это — признак того, что в бальзамирующей смеси была малая доля активных веществ: они могли прореагировать в первые годы. Приборы? Стрелки вольтметров в серединах запыленных шкал, давление и влажность тоже в норме.

На ложе четкая граница мест, соприкасавшихся с его телом: они светлее. И что?..

Нет, ничего здесь не определишь — только наверху.

И вот теперь начинается самое-самое... Берн почувствовал, как все в нем напрягается. Он представил тридцатиметровую (или теперь больше?) толщу грунта над ним. А там может быть что-то еще. Кабине-снаряду надо пробуравить все. А если упрется в неодолимое, то вверх кабины кумулятивный пиропатрон. А если и он не одолеет (сохранила ли свойства взрывчатка?), то... погребен заживо. На этот случай — пистолет. Или лезвие для вены, если и порох изменил свойства. Или — лучше всего — цикл анабиоза с финишем в вечности.

«Ну — подъем? — Он поднес палец к темной кнопке с надписью «Aufstieg»¹, но спохватился: — Стоп, аккумуляторы, как я мог забыть! Паникую».

Пластмассовые коробки с заряженными еще тогда (когда?!) пластинами; электролит в запечатанной воском канистре. Залил, завинтил крышки, соединил провода: есть ток! Вот теперь...

— Aufstieg! — нажал кнопку.

Вой набирающих обороты двигателей; пол кабины дернулся, заскрежетало по стенам. Берна понесло влево, он схватился за обшивку.

...Острые огромного шурупа медленно вывинчивается из темной почвы, разворачивает ее, рвет корни дерева. Вот снаряд завяз в них. Поворот обратно, новый рывок вперед... Это Берн в холодном поту переключает двигатели, наддает обороты — диски шурупа режут корни. Дерево кренится, с гулом и треском падает и вместе с вывернутой землей выносит на поверхность снаряд.

Берн рычагом отвинчивает запоры люка. Они не поддаются. Уперся ногами, приложился плечом, рывок —

---

¹ «Подъем» (нем.).

поддались. Несколько оборотов — в щель потянуло сырым и свежим. Еще — с грохотом откинута стальная дверь; профессор выходит наружу, в ночь.

Сначала только счастье, что на воле, жив, выполнил задуманное. «Это самоубийство», — говорил Нимайер... Ха! Отрезвляющая мысль — а легкие пьют терпкий, настоящий на лесной росе, травах, хвое, иве воздух! а ноги попирают мягкую почву! — о том, что Нимайера давно нет, все вчерашнее ухнуло в пропасть веков. А что есть?

Ущербная луна в ясном небе, над верхушками деревьев; ее свет, проникая сквозь ветки, пятнит траву и снаряд зелено-пепельными бликами. Деревьев много, они толпятся вокруг, стволы лоснятся в лунном свете; дальние тонут в зыбкой тьме. На месте пустыни — лес. Устоявшийся, вековой. «Значит, в самом деле?.. Миновал еще ледниковый период? Все сходится».

...И все разбивается о живую память недавних переживаний: прилет в пустыню, Мими, работа и споры с Нимайером, спуск в шахту... Вот решающая проверка: звезды!

Берн сунул руку в карман куртки, достал листок, осветил фонариком. На пожелтевшей бумаге — рисунки выразительных созвездий северного неба: Большой Медведицы, Лиры, Кассиопеи, Ориона, Лебедя — какими они должны стать через 18 000 лет. Как предусмотрительно он запасся этими данными у астрономов! Остается сравнить.

Небо над ним ограничивали кроны деревьев. Профессор нашел ствол с низкими ветвями, стал неумело карабкаться. Сучья царапали руки, шум спугнул птицу — она крикнула, метнулась прочь, задев Берна крылом по щеке. Наконец поднялся высоко, устроился на ветке, прислонясь к стволу, достал листок и фонарик. Осветил, поднял голову — сравнивать.

Но сравнивать было нечего: над ним расстилалось обильное звездами, но совершенно незнакомое небо. Нет, не совсем незнакомое — сам Млечный Путь наличествует, пересекает небо размытой полосой сверкающих пылинок. Ага, вон в стороне Луны (она подсвечивает, мешает) ковшик Плеяд; узнать легко, не изменились — но от них этого и ждать не следует: компактная группа далеких звезд. А где остальные созвездия? В плоскости эклип-

тики что-то совсем немыслимое. Берн был уверен, что уж созвездие Лиры он отыщет, как бы оно ни исказилось: по Веге, ярчайшей звезде северного неба; ее он узнавал всегда. И насчитал в обозримом пространстве по крайней мере десяток столь же, если не более, ярких бело-голубых звезд! О других фигурах в обилии новых сочетаний светил на небе не имело смысла и гадать.

Берн слез с дерева, долго сидел на пороге кабины ошеломленный: в какие же времена его занесло?

«Меня пронесло мимо намеченной остановки в начале нового цикла прецессии, когда должны — по гипотезе — развиться новые неандертальцы? Сколько таких циклов минуло, пока я спал? Заглядывал на один — и то все в тумане предположений. А на многие и вовсе бессмысленно... Вот лес — значит, растительная жизнь сохранилась. Птицу спугнул — стало быть, животная жизнь тоже есть. А люди?.. У птиц и деревьев не спросишь, какой сейчас год, век, эра. У питекантропов, буде они окажутся, — тоже. Неужели никого?!»

И понял вдруг Берн, что своим надменным, страстным отрицанием он был привязан к человечеству не слабее, чем другие — согласием. Всякое бывало в той жизни: случалось, что обманывали, обижали — и он чувствовал себя одиноко. Но то одиночество было ничто против испытываемого сейчас, в лесу, под незнакомыми звездами, от мысли, что на Земле, может быть, никого уже нет — никого-никого, даже тех, кто мог обмануть и обидеть!.. И как ни сомнительна была цель: заглянуть в следующий цикл прецессии — все-таки это была цель, ниточка смысла, тянувшаяся из его (его!) мира идей и волнений. Ниточка оборвалась — смысл исчез.

Ночь прошла в таких размышлениях. О сне не могло быть и речи. Наконец звезды потускнели, исчезли в сереющем небе; между деревьями повисли клочья тумана. Берн тронул траву под ногами, рассмотрел: это был мох — но какой пышный, гигантский!

Постепенно проявлялись краски утра: медная, серая, коричневая кора стволов, темная и светлая зелень листьев, металлический блеск снаряда. Поголубело небо; невидимое за лесом, поднялось солнце: вершины деревьев вспыхнули зеленым огнем. «Солнце есть — уже легче». Лес оживал: прошелестел листьями ветерок, засвистала птичья мелочь, пролетел, сбивая росинки со стеблей мха, жук.

Он вернулся в кабину, сунул в карман куртки пистолет, вышел и двинулся в глубь леса — в сторону солнца. Надо осматриваться, определяться, искать. Лучше какая угодно действительность, чем сводящие с ума догадки.

Ноги путались в длинных стеблях мха и травы, в побегах кустарника. Туфли скоро промокли от росы. На поляне между деревьями Берн увидел солнце. Прищурясь, смотрел на него в упор: солнце было как солнце — нестающее в своем блеске светило.

Треск ветвей и хорканье справа — на прогалину выскочил кабан. Профессор, собственно, толком и не рассматривал, кабан ли: коричневое щетинистое туловище, безобразно поджарое, конусообразная голова... Зверь замер и кинулся обратно. Запоздалая реакция: руку в карман, за пистолетом.

«Эге! Испугался человека!»

5. ВСТРЕЧА

Он двинулся бодрее, внимательно глядя по сторонам и под ноги. И не прошел и сотни метров — замер, сердце сбилось с ритма: полянка с серой от росы травой, а по ней — темные следы босой ступни человека! Берн снял очки, протер полую куртки, надел, пригнулся: след был плоский, широкий, отпечаток большого пальца отделялся от остальных. «Неужели я настолько прав?!»

Профессор забыл про все и, пригибаясь, чтобы лучше видеть, двинулся по следу.

Великий Эхху стоял под Великим Дубом, опираясь на палицу, и думал о своем величии. Поднявшееся солнце сушило намокшую за ночь шерсть. Вокруг на поляне расположилось племя. Большинство, как и он, согревались после сырой ночи; самки искали друг у друга. Великий Эхху зашарил глазами по поляне и увидел, как в дальнем конце ее появился под деревьями Безволосый!

Безволосые в лесу, опасность! Эхху хотел тревожно крикнуть, но сдержал себя. Безволосый был один.

А Берн, выйдя на поляну, так и подался вперед, жадно рассматривая двуногих — покрытых коричневой шерстью обезьянолюдей. Их около сотни — освещенные солнцем, на фоне темной зелени. Они сидели на корточках,

сутуло стояли, держась руками за ветки, что-то искали в траве и кустах, жевали. Пятипалые руки, низкие лбы за крутыми дугами надбровий, выпяченные челюсти, темные носы с вывернутыми ноздрями. На некоторых были накидки из шкур. Один в накидке — угрюмо-властный, крижистый — стоял под дубом, сжимал в лапе суковатую дубину.

Значит, так и случилось. Цикл замкнулся: то, что было десятки тысячелетий назад, вернулось через тысячелетия будущего. «Ну, ликуй — ты прав. Ты этого искал? Этого хотел?.. Хотел что-то доказать миру и себе. И — счастья. Необыкновенного счастья, достигнутого необыкновенным способом. Вот и получай!» Берн почувствовал злое, тоскливое одиночество.

Человекообразные повернулись в его сторону. Дикарь с дубиною косолапо шагнул, крикнул хрипло:

— Эххур-хо-о!

Может, это была угроза, может, приказ подойти? Берн осознал опасность, попятился в кусты.

...Это была не угроза, не приказ — пробный звук. И Безволосый отступил! Великий Эхху воспрял: значит, он боится?

— Эх-хур-хо-о!! — Теперь это была угроза и приказ.

Вождь, то махая дубиной, то опираясь на нее, неуклюже, но быстро двинулся через поляну. Прочие дикари ковыляли за ним на полусогнутых ногах, склоняясь туловищем вперед; некоторые помогали себе руками.

Берн отступил еще. Вспомнил о пистолете, вытащил, откинул предохранитель. «Первый выстрел в воздух, отпугну». Слабый щелчок... осечка! Вторая... третья... восьмая. Время испортило порох. Профессор бросил ненужную игрушку, повернулся, побежал по своему следу в росе. Теперь спасение — добежать до кабины.

В редколесье преимущество было на его стороне. Но вот деревья сблизились, ветви и кусты преграждали путь — и шум погони приблизился. Дикари цеплялись руками за ветви, раскачивались и делали огромные прыжки. Некоторые резво галопировали на четвереньках. Теперь они орал все.

Он убегает, Безволосый. Значит, виноват. Значит, он их обидел. Оскорбил, обманул — и хочет уйти от наказания. Справедливость на их стороне. И они ему покажут, уааа!..

Ветка смахнула очки с лица Берна. Где-то здесь надо

повернуть на прогалину, на которой он увидел эти треклятые следы, — к кабине, к спасению... Но где?! Он водил глазами на бегу: всюду расплывались контуры деревьев, зеленые, желтые, сизые пятна; солнце просвечивало листья. А крики позади все громче.

Великий Эхху и его соперник молодой самец Ди ковыляли впереди всех на полусогнутых — настигали Убегающего.

А Берн уже и не убегал: встал спиной к дереву, смотрел во все глаза на приближающееся племя, хотел в последние секунды жизни побольше увидеть.

Первым набегал вождь. Берн в упор увидел маленькие глазки, свирепые и трусливые, в красных волосатых веках, ощутил зловоние из клыкастого рта.

— Ну что ж... здравствуй, будущее! — И профессор от души плюнул в морду Великого Эхху.

— Ыауа! — провыл тот, взмахивая палицей.

Удар. Взметнулись вверх деревья. И не обращая внимание на боль, на новые удары, Берн смотрел в небо — в удивительно быстро краснеющее небо. Трепещут под ветром красные листья — разве уже осень? Заслоняют небо красные фигуры дикарей. Станные красные птицы стремительно опускаются с высоты на полупрозрачных крыльях.

Страшный удар по черепу. Мир лопнул, как радужный пузырь.

Красная тьма...

6. ЧЕЛОВЕК ПОГИБ — ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ

Он летал, как летают только во сне. Впрочем, были и крылья — прозрачные, почти невесомые. И тело слушалось так идеально, что казалось невесомым.

Он летел прямо в закат, подобный туннелю из радуг. На выходе из туннеля — слепяще белая точка Альтаира. Под ним — расплавленное закатом спокойное море с клыками островков, утыканных по берегам белыми пальцами скал.

— А острова тоже похожи на амёб! — доносится певучий и счастливый женский голос, голос Ксены. Вон она — выше и впереди — парит, купается в огнях заката.

При взгляде на нее теплеет сердце.

— Ага, похожи! — кричит он ей.

Не кричит. И от нее — не доносится. Они переговариваются через ларинги в шлемах. Здесь опасно пьянящий избыток кислорода, без гермошлемов нельзя. Здесь не так все просто.

Они последний раз кружат над островками, над «живым» морем. Через два часа старт, к своим. С удачей — и с какой!

— Прощай, закатный мир! Сюда мы не вернемся. Тебя нам долго будет не хватать... — поет-импровизирует Ксена. И прерывает себя: — Дан, ты что-то сказал?

Он ничего не говорил. Но чувствует щемящий озноб опасности, чье-то незримое присутствие. Амебы? Да, они — бесформенные прозрачные комки в воздухе; они заметны только тем, что преломляют свет: прогибаются закатные радуги, пляшет зубчатая линия островов на горизонте. Они не с добром.

— Ксена, скорей вниз!

Э, да их много: воздух вокруг колыхается, искривляются линии и перспектива. Неспроста они, не любящие яркого света, поднялись из моря. «Да, неспроста, — ответливо воспринимает он их мысли. — Тебе пришел конец, млекопитающее. А ту предательницу мы уже уничтожили. Все наше останется здесь».

...И самое бредовое, самое подлое, что приходящее от них не видишь, не слышишь — вспоминаешь, как то, что достоверно знал, только запамätовал. Или еще хуже: заблуждался, а теперь понял. Озарило. Понял, что ему конец, что ту уничтожили, понял, как решение головоломки, и чуть ли не рад.

Подлецы. Подлецы и подлецы! Приходящему извне психика сопротивляется. А от них — будто выношенное свое.

Но он это знает, уже учен. И не думает сдаваться. «Чепуха, ничего вы мне не сделаете, Высшие Простейшие или как там вас! — мыслями отбивается он от навязанных ему мыслей. — Я знаю, вы не умеете ничего делать в воздухе — только в воде. Здесь вы бессильны». А сам энергичней загребает крыльями, чтобы вырваться из окружения. «О, ты ошибаешься, млекопитающее! (И он уже понял, что ошибается.) Мы не умеем созидать в воздушной среде. Нам это ни к чему. Но разрушать гораздо проще, чем созидать. Это мы сумеем...»

— Разрушать проще, чем созидать, куда проще! говорит он Нимайеру; у того мрачно освещенное снизу лицо на фоне тьмы. — Один безумец может натворить столько бед, что и миллионы умников не поправят.

Над ними тусклые звезды в пыльном небе. Новые звезды? Нет, те ярче, обильнее. А есть и совсем не такие, немерцающие, сверкают всеми красками в пустоте.

...И мордочка Мими с умильно вытянутыми, просящими губами освещена закатом — не тем, багровым, пустынным. А какой тот? И какие звезды — те?

...И у дикарей, которые настигали его, были морды Мими — только искажены яростью, азартом погони.

— Ксена, вниз! — кричит он, работая крыльями. — Они напали на нас! Сообщи на спутник связи, на корабль...

И с непонятной беспечностью отзывается в шлеме ее голос:

— Хорошо, Дан! Хорошо, милый! Здесь так славно...

«Выше, Дан! Выше, млекопитающее! — издеваются в мозгу бесцветные мысли. — К самым звездам. Вы ведь так стремитесь к звездам. С высоты удобней падать. И не волнуйся за свою самочку, с ней все будет хорошо».

Мимолетное сознание просчета: не вверх надо было вырываться, повинаясь инстинкту, а вниз, к почве. Но мускулы уже подчинились чужой воле; да не чужой, он убежден теперь — вверх надо!.. Остров стоянки виден малым светлым пятнышком, Ксена, кружащая внизу, — многоцветная бабочка в лучах заката...

Но почему — Дан? Он Берн, Альфред Берн, профессор биологии, действительный член академии, и прочая, и прочая... Почему так душно? Кто водит его руками?

«Вот и все, млекопитающее, — понимает он, как непреложную истину, чужие мысли. — Тебе осталось жить пятнадцать секунд». Руки будто набиты ватой, крылья увлекают, заламывают их назад. Море, острова, радуги заката, фиолетовое небо в белых полосах облаков — все закручивается в ускоряющемся вихре.

— Ксена! Я падаю. Передай всем, что меня... ох! — Страшная боль парализовала челюсть и язык.

Барахтанье крыльев, рук, ног неотвратимо и точно несет его на «нож-скалу» на их острове, она и освещена

так, будто кровь уже пролилась: одна сторона девственно белая, а другая красная. Живая скала...

И последнее: беспечный голос Ксены:

— Ничего, Дан, ничего, мой милый! Я ведь люблю тебя!

И горькая, вытеснившая страх смерти обида: Ксена, как же так? Как ты могла?..

Острый край скалы: красное с белым. Удар. Режущая и рвущая тело боль заполняет сознание. «Ыуа!» Дикарь заносит дубину. Зловоние изо рта, пена на губах. Удар.

Вспышка памяти: он стоит высоко-высоко над морем, держит за руки женщину. Ветер лихо расправляется с ее пепельными волосами, забивает пряди в рот, мешает сказать нежное. Они смеются — и в синих глубоких-глубоких глазах женщины счастье... Где это было? С кем?

Удар! Все кружится, смешивается. Самой последней искрой сознания он понимает, что это его голова в гермошлеме легко, как мяч, скачет и кувыркается по камням.

Красная тьма.

Из тьмы медленно, как фотография в растворе, проявляется круглое лицо с внимательно расширенными серыми глазами; короткие пряди волос, свисая над лбом, тоже будто выражают внимание и заботу.

Он встретился с взглядом, понял вопрос серых глаз: «Ну, как?» — «Ничего, — ответил немо. — Вроде жив». — «Очень хорошо, — сказали глаза. — Над тобой пришлось здорово потрудиться». — «Где я? Кто ты?» — напрягся Берн. «Тебя подобрали в лесу. Но об этом потом, хотя нам тоже не терпится... (Он читал все это в глазах с непостижимой легкостью.) А теперь спи. Спи!» Лицо удалилось, Берн закрыл глаза.

Или и это был бред?

Так или иначе, но он уснул. Снова виделось прозрачно-зеленое море, звонко плескавшее волнами на белый и легкий, как пена, берег; та женщина с синими глазами, только загорелая; сложные механизмы в черном пространстве; звезды под ногами — и чувство не то падения, не то невесомости.

От этого видения вернулись к прежнему: к полету, закончившемуся параличом, к мысленному диалогу с призра-

ками, к обморочному падению на скалу. Но Берн напрягся, стал вырываться из обрекающего на ужасы круга снов, переходил от видения к видению, отрицал их, стремясь проснуться... И наконец, протнулся — весь в поту.

7. ПРОБУЖДЕНИЕ № 2

Или и это еще был бред?

Он лежал голый, как и в первое пробуждение. Но ложе было не такое, кабина не такая. Собственно, это и не кабина: за прозрачным куполом небо, кроны деревьев.

Мир был непривычно четок. Листья деревьев освещало низкое солнце, он различал в них рисунок прожилок. Почуть уловимой свежести и ясности красок Берн понял, что сейчас утро.

Если это не бред, почему он так отчетливо видит? Вон паучок-путешественник на конце зацепившейся за ветку паутинки. Две ласточки, маленькие, как точки, играют высоко в небе, — но у каждой видны поджатые к белому брюшку лапки, хвост из двух клинышков. Очков на лице не было, он чувствовал... Но в бреде ведь, как и во сне, все видно смутно, расплывчато!

Мир был непривычно внятен. Звеняще шелестели листья над куполом. Трава прошуршала под чьими-то быстрыми шагами — и Берн, дивясь себе, по шороху определил: трава росистая, пробежало четвероногое. Волк? Во всяком случае, не двуногое, не эти... При воспоминании о дикарях он почувствовал страх и угрюмую решимость не поддаваться. Что было? Где он, что с ним?

Сокращениями мышц и осторожными движениями Берн проверил тело. Все было цело. Только в голове, в области правого виска, что-то зудело, мозжило — что-то заживало там. Странно... дикари должны были его уходить насмерть. Во всяком случае, он цел, не связан, может за себя постоять. И стоит!

Темя ощутило сквознячок. Дверь не заперта? Берн приподнялся. Ложе податливо спружинило.

— Черт побери! — рассердясь на свою нерешительность, вскочил на ноги. Замер. Гладкая стена отразила его настороженную фигуру.

Какой-то ячеистый шар в углу, какие-то полки, одежда... не его одежда. Это, собственно, и одеждой назвать

трудно: полупрозрачные шорты (Берн не терпел шорт из-за своих худых и волосатых ног), такая же куртка с короткими рукавами. Из чего они — пластик? Ладно, выбора нет. Надел.

Теперь — разведка местности. Надо найти более надежное убежище, чем эта пластиковая халупа. Что ни говори, а придется прятаться. Жить, чтобы жить... Он подошел к двери, выглянул наружу: никого, — вышел.

Широкое темное отверстие — таким мог быть и вход в подвал, и вход в метро — бросилось в глаза. Это может быть убежищем. Туда вела дорожка из графитово-темных плит попеременно с травой.

Туннель полого, без ступенек, шел вниз. Берн осторожно ступал по подающемуся под ногами, будто толстое сукно, полу, всматривался. Уменьшающийся поток света от входа освещал только гладкий сводчатый потолок да ровные стены.

Поворот — и за ним совершенная тьма. Берн заколебался: не повернуть ли обратно? Оглянулся — и сердце упало, тело напряглось: два темных силуэта на фоне входа! Они двигались бесшумно и осторожно, как он сам. Профессор не тратил времени на рассматривание, легкие ноги сами понесли его вглубь.

Глаза, привыкнув к тьме, различили вдоль стен полосы; они испускали странный сумеречный свет. Такой бывает поздно вечером или в начале рассвета, когда еще нет красок. Берн тронул рукой: полосы были теплые.

Еще поворот. Полосы отдалились, исчезли. Берн скорее почувствовал, чем увидел, что находится в обширном помещении. И в нем — он замер в ужасе — тоже сидели и стояли существа! Они были освещены тем же сумеречным светом, лившимся непонятно откуда. Он всмотрелся: странно, ярче всего светились места, куда свету трудно попасть. Выделялись рты, языки и зубы; теплыми кантами на телах тлели места, где рука прижималась к туловищу, нога была положена на ногу... Диковинно переливались глаза, будто висящие во тьме отдельно от лиц. «Они не освещены, — понял профессор, чувствуя, как страх стягивает кожу, поднимает волосы на голове, — они светятся!» И их глаза, многие пары светящихся глаз, обращены к нему. Они заметили его, объемные живые негативы. «Морлоки! — вспыхнуло в уме Берна. — Бежать!»

Он кинулся обратно, но из туннеля как раз вышли те двое. Они тоже светились!.. Нет, не готов был профессор Берн ко встрече с будущим: нервы не выдержали, он дико вскрикнул и рухнул на пол.

— Что такое? Кто? — слышались возгласы.

Вспыхнул свет.

— Ой, да это наш Пришелец!

— Ило, вызовите Ило!

— Разве можно оставлять его одного!

— Но он спал.

— Он без сознания...

— Где Ило? Вызовите же наконец Ило!

Книга первая

ПЛЮС-МИНУС СОВРЕМЕННОСТЬ

Часть I. ВКЛЮЧАЮ БОЛЬШОЙ МИР

1. СООБЩЕНИЯ ИРЦ О БЕРНЕ

«Чрезвычайное,
немедленное,
по Гобийскому району,
повторять!

Час назад егерский патруль Биоцентра обнаружил в лесной зоне вивария труп (в состоянии клинической смерти) неизвестного человека. Он подвергся нападению стада гуманоидных обезьян-эхху. У него — помимо нелетальных повреждений тела и конечностей — разрушены значительные области черепа и мозга.

Датчики ИРЦ не зафиксировали пребывания этого человека ни в зоне вивария, ни в Гобийском районе вообще. Мозг и память ИРЦ не выдают никаких сведений о нем.

Внимание всем! Для спасения этого человека как личности необходимы сведения о нем. Вспомните в его облик, в необычные одежды: кто видел его? Общался с ним непосредственно или по ИРЦ? Кто знает что-то о нем от других? Сообщать немедленно в Биоцентр Иловие-наандру 182».

Через полтора часа:

«Чрезвычайное немедленное по Гоби отменяется. В районе происшествия найден аппарат подземного захоронения с анабиотической бальзамирующей установкой. Особенности конструкции и материалов позволили установить время захоронения: середина последнего века Земной эры. Одежда неизвестного относится к тому же времени. Все это позволяет сделать вывод: он — пришелец из прошлого, который пролежал в своей примитивной,

но надежной установке не менее двух веков. Только неудачная встреча с гуманоидами помешала полному успеху его отважного предприятия.

То, что этот человек — из прошлого, с пониженной против нашего уровня жизнеспособностью (так называемый горожанин), осложняет задачу возвращения его к жизни. В Биоцентре организована творческая спасательная группа, она исследует Пришельца и разрабатывает проекты его оживления»

(Это сообщение, с дополнениями из предыдущего, было передано по общепланетному ИРЦ с ретрансляцией на Космострой, Луну, орбитальные станции Венеры, Юпитера, Сатурна — по всей Солнечной)

Через сутки, общепланетное:

«Восстановить Пришельца таким, каким он погрузился в анабиоз, оказалось невозможным: слишком обширные участки его мозга разрушены. Для сохранения его жизни и, в возможных пределах, психики и интеллекта ему были пересажены лобные и частично затылочные доли мозга астронавта Дана (Эриданой 35), погибшего в экспедиции к Альтаиру. Биозаконсервированная голова астронавта хранилась в Гобийском Биоцентре. Состояние Пришельца после операции удовлетворительное, восстановились все функции организма; сейчас он спит

Ответственность за информационный ущерб, который может быть нанесен человечеству нашим решением, берем на себя.

Исполнители операции. Иловиенаандр 182
Эолинг 38».

2. КОСМОЦЕНТР ВЫЗЫВАЕТ ИЛО

ИРЦ Соединяю Иловиенаандра 182, Гоби, Биоцентр и Линкастра 69/124, Луна, Космоцентр

АСТР Добрый день Ило! Поздравляю тебя и Эолинга с блестящей операцией. Вам аплодирует Солнечная!

ИЛО. Здравствуй. Благодарю.

АСТР. Сожалею, но приятная часть разговора на этом вся. Далее иная. Поскольку предмет серьезный и мы можем не прийти к единому мнению, разговор наш частично или полностью будет передан на обсуждение человечества. Не возражаешь?

ИЛО. Нет.

АСТР. Так вот, о голове Дана. Эриданой 35, увы, далеко не единственный астронавт, сложивший голову в дальнем космосе. Но первый и единственный, чья биозаконсервированная голова доставлена на Землю от Альтаира, за пять парсеков! Суровая реальность дальних полетов такова, что доставить бы обратно собранную информацию да уцелевших. В памяти людей вечно будут жить те экспедиции, от которых обратно пришла только информация! Сейчас, после открытия Трассы, это отходит в прошлое, но, пока летали на синтезированном аннигиляте, было так: всё на пределе. И голову Дана астронавты Девятнадцатой звездной доставили, потому что в силу сложившихся там, у Альтаира, трагических обстоятельств его мозг оказался единственным носителем информации об Одиннадцатой планете этой звезды. Замеры, съемки, образцы оказались малоинформативны. Напарница Дана Алимоксена 29... теперь уже 33/65 — была снята с планеты невменяемой, точнее, некоммуникабельной. Ничего от нее узнать не удалось...

ИЛО. Ас, извини, перебью. Золи хочет участвовать в разговоре. Не возражаешь?

АСТР. Нет.

ЗОЛИ. Здравствуй, Астр! Ты огорчен и сердит. .

АСТР. Здравствуй. Продолжаю о том, что вы оба хорошо знаете, но я говорю не только для вас — для всех... Голова Дана была передана нами в Гобийский Биоцентр в надежде на то, что если не сейчас, то через годы удастся установить с его мозгом информационный контакт. Такую надежду внушили нам разрабатываемые вами методы «обратного зрения», биологической регенерации высших организмов в машине-матке и другие. И вот мы узнаем... узнаем, что мозг Дана использован как заурядный трансплантат!

ЗОЛИ. У нас не было выбора: Дан или эхху.

АСТР. Так почему?..

ЗОЛИ. Не подсадили мозг эхху? Потому что это превратило бы Пришельца в одного из них. Мы используем материал от гуманоидных обезьян при операциях мышц, костей, внутренних органов — но мозг и нервную ткань никогда!

АСТР. Но почему вы не известили нас о своем намерении?

ЗОЛИ. А что бы вы могли предложить?

АСТР. Да... хоть свою голову вместо Дановой! Многие бы предложили. Ведь в ней была информация ценой в звездную экспедицию.

ЭОЛИ. Ого!

АСТР. А как вы думали? Осталось белое пятно. Главное, планета интересная: с кислородной атмосферой, морями, бактериями... одна такая из двенадцати у Альтаира.

ЭОЛИ. А почему не произвели дополнительные исследования?

АСТР. Потому что кончился резерв времени и горючего — в самый обрез улететь... Ило улыбается, я вижу: чужую беду руками разведу. Да, у нас тоже случаются просчеты. Командир Девятнадцатой наказан... Ну, скажи же что-нибудь, Ило! Скажи, что еще не все потеряно.

ИЛО. Сначала не о том. Ас, ты, я уверен, сам понимаешь цену своему предложению: отрезать голову у одного, чтобы приставить другому.

АСТР. Да-да, это я... Ну, а?..

ИЛО. Думаю, что так же ты оценишь и упреки в наш адрес. Существует шкала ценностей, в которой на первом месте стоит человек, а ниже — всякие сооружения, уголья, звездные экспедиции... Здесь не о чем спорить.

АСТР. Да, согласен. Ну, а?..

ЭОЛИ. Вот если бы Пришелец не пережил операцию, мы выглядели бы скверно — и в собственных глазах, и в чужих.

ИЛО. Да. Но он жив. И поэтому могу сказать: не все еще потеряно.

АСТР. Уф... гора с плеч! Значит, когда наш приятель очухается, можно его кое о чем порасспросить?

ИЛО. Нет!

ЭОЛИ. Нет? Почему же, Ило? Порасспросить об Одиннадцатой планете, потолковать о новых веяниях в теории дальнего космоса, об обнаружении не-римановых пространств... очень мило! Он сегодня утром, Ас, уже, как ты говоришь, очухался. Забрел в наш читальный зал — и упал в обморок, увидев нас в тепловых лучах. Кто ж знал, что в его время диапазон видимого света оканчивался на 0,8 микрона!.. Сейчас его усыпили, поставили гипнопедическую установку — пусть смягчит первый шквал впечатлений, подготовит...

АСТР. Значит, зрение у него теперь дановское?! Это уже хорошо.

ИЛО. Да, к нему перешло зрительное и слуховое восприятие Дана, частично моторика Дана, его речь... Но спрашивать ни о чем нельзя! Больше того, не следует спешить рассказывать ему, что с ним произошло. И это мое мнение ИРЦ пусть доведет до сведения всех. Я знаю, что и без того можно положиться на сдержанность и чуткость людей — ну, а все-таки. Пусть взрослые удержат любопытство и свое и особенно детей. Пусть каждый поставит себя на место Пришельца: пережить все, что довелось ему, плюс вживание в новый мир — не ребенку, сложившемуся человеку! Если сверх этого навалить еще прошлое и драму Дана — нагрузка на психику запредельная. Конечно, если он спросит, никто не вправе уклониться от истины. Но велика вероятность, что о самом больном и страшном он не спросит, приятного мало. Ему и без того будет о чем нас расспрашивать. Как и нам его... Обживется, глубоко вникнет в наш мир, в нового себя — тогда и знания Дана в себе он осознает как реальность — и сам их сообщит, без расспросов.

АСТР. Но не исключена возможность, что он не дозреет, не осознает и не сообщит?

ИЛО. Не исключена.

АСТР. Тогда как?

ИЛО. Тогда никак. Пошлете новую экспедицию.

3. КАК ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ?

И вот он среди них. На лужайке между деревьями и домиками, в кресле-качалке возле лиственной сосны. И другие вокруг — кто в кресле, кто сидит на траве, скрестив ноги, кто лежит, подпершись, — смотрят на него. Ночь сверкает звездами, шумит листвою, навевает из леса терпкую хвойную прохладу. Стены ближних домов посылают на лица мягкий ненавязчивый свет.

Людей здесь не так и много. Посреди лужайки вытянулся из травы на ножке ячеистый шар; в центре его трепещет, меняет очертания, притягивает взгляд малиновый язычок. Это — сферодатчик ИРЦ.

Он уже кое-что знает... И что яркие звезды над ним — не только звезды, но и станции, ангары, заводы Космостроя — заполнившей стационарную орбиту вокруг Земли зоны космического строительства, производства, сборки,

заправки и загрузки планетолетов и звездолетов; там же космовокзалы, станции связи по Солнечной, места тренировки астронавтов и многое, многое другое. Эти тела и сбили его с толку, когда он пытался по звездам определиться во времени.

И что занесло его не на геологическую эру, не на цикл прецессии даже — на два века. Теперь иное летосчисление, от первого полета человека в космос; на счетчике 205 лет с месяцами. 2166 год по-старому — всего-навсего. Двадцать второй век...

И что ИРЦ, чьи шары-датчики и здесь, и в коттеджах, повсюду, расшифровывается как Информационный Регулирующий Центр. Это общепланетная система электронных машин с многоступенчатой иерархией: планета, материки, зоны, районы, коллективы — с ответвлениями на Космострой и Луну; в ведении ИРЦ связь, нетворческая информация, производство и распределение нужного людям по их потребностям.

Он, как и все, обладает теперь индексным именем, которое является и именем, и краткой характеристикой, и адресом для связи и обслуживания через ИРЦ — документом. Оно составляется из индексов событий, занятий, дел, в которых человек оставил след. Имя его Альдобин 42/256. Аль — от Альфреда, остальное: биолог, специалист по анабиозу; в числителе дроби биологический возраст, в знаменателе календарный.

В обиходе он был уже просто Аль — как и первые знакомцы его, носители длинных индексных комбинаций, были для всех просто Ило, Тан, Эоли.

И он владел языком этих людей, даже знал, как новая речь выражается письменно. Принесли ему из читального зала, где он так глупо грохнулся в обморок, книги с разноцветно светящимися текстами: смысл передавали знаки, более близкие к линейчатым спектрам, чем к буквам.

И он знал, почему так много понимает и помнит, почему видит тепловые лучи: ему сделали трансплантацию особо поврежденной части мозга. Пересадили от кого-то погибшего. Удивляться здесь нечему, пересадки тканей осуществляли и в XX веке, Берн сам участвовал в таких опытах. Правда, на мозг тогда не покушались — но должна же была медицина продвинуться! Словом, с ним все обошлось. И с человечеством тоже.

Вот они сидят, потомки десятого колена по роду человеческого, смотрят на него с таким же интересом, как он на них. Сегодня день первый как опекуны Ило и Эоли решились пустить его ко всем, день ярких и сумбурных впечатлений.

Сначала все они были для него какие-то одинаковые. «В Китае все люди китайцы и даже сам император китаец». Здесь было что-то в этом роде: общее, объединявшее всех, что бросалось в глаза более индивидуальных различий. Только что оно, общее?

Профессор всматривался. Нет, все они — несхожие. Вот напротив сидит под деревом, обняв колени, мужчина: рельефные выпуклости мышц, лицо с мягкими чертами негра (хотя и светлокож), большие губы, обритая голова с покатым лбом и — неожиданно синие глаза, ясные и удивленные: это Тан. Что у него общего с покойно устроившейся в кресле рядом темноволосой худощавой женщиной? Она похожа на испанку классической четкой женственностью всех линий тела, разлетом бровей, страстными чертами удлиненного лица; в карих глазах — умудренность немало пережившего человека, какая-то неженская твердость.

Вон Ило, главный человек в его жизни, да, похоже, и не только в его, — тоже в кресле-качалке. У него тело спортсмена, лицо молодое, круглое, простецкое; здесь есть люди, которые выглядят старше. А он самый старший — и не только по возрасту, но своего рода старейшина, аксакал, человек выдающийся. По нему это не скажешь — это заметно по отношению других к нему. Лицо Ило сейчас в тени, он тактично избегает смотреть на профессора, но тот помнит: его серые глаза смотрят сразу и на человека, и «за него», на весь мир, с каким-то требовательным вопросом. Почему? О чем вопрос?

Левее, в плетеном кресле, — Ли. Индексное имя ее Лио 18, но дополнительной информации оно почти не несет. Она сама — информация о себе, вся как на тарелочке, золотистоволосая юная лаборантка Ило.

Берн уже знает ее, любительницу приятных сюрпризов, имел случай.

...Апельсины, гроздья винограда, груши, бананы, рубиновые, желтые, фиолетовые, янтарные, радужные соки в тонких чашах, распространяющие душистые ароматы; подвижные ленты несут их, плетенки с теплым хлебом,

блюда, от которых текут умопомрачительные — особенно для проголодавшегося после осмотра Биоцентра профессора — запахи. И вся атмосфера этого зала в зелени, с цветами на столах, в солнечных полосах, зала, где говорят, смеются и, главное, поглощают отменную разнообразную еду и напитки, обещает простое плотское счастье.

И Ли, отворачивая негодующий носик, приносит профессору, жаждущему такого счастья, на прекрасном, едва ли не золотом блюде... свиную тушенку с бобами:

— Вот, кушай. Автоповар не смог, это мы сами... — и садится рядом — сопереживать, радоваться гастрономическим утехам Пришельца Аля.

Берн подцепил вилкой клочок темно-бурого с белыми вкраплениями месива, смотрел с негодованием: опять свиная тушенка, будь она неладна! Потянул носом: лежалая. Осторожно взял в рот, пожевал — на зубах захрустел песок. «Ну, это уж слишком! Издевательство какое!» Он бросил вилку.

— Не понравилось? — У Ли вытянулось лицо. — А мы думали, что угадали твое любимое блюдо...

И профессор, все поняв, хлопнул себя по бокам, расхохотался так, что многие прибежали поглядеть, как смеялись века назад. «Ну конечно, пищевые остатки! В моем желудке не обнаружилось ничего, кроме этой треклятой тушенки. Они проанализировали и точно воспроизвели. Даже с песком и запахом».

...И вот она сидит, Ли. Лицо у нее смуглое, в веснушках — и по нему ясно, что все на свете должно быть хорошо, и всем на свете тоже; и что ее недавно только допустили в круг взрослых, хочется выглядеть солидно, но не сидится; и что ей понятно, почему рядом устроился Эоли — это смешно и здорово, только пусть он не думает: веснушки из-за него она выводить не станет.

Берн улыбнулся ей, а она — на все ровные зубки — ему, потупилась, ерзнула в кресле. И конечно, нельзя было не обратить внимания на смутные и от этого еще более притягательные линии ее девичьего тела под полупрозрачной одеждой. (Одежды, заметил Берн, имели не совсем прежнее назначение. Ткани, из которых состояли блузы, шорты, накидки, куртки, были легки, красивы, защищали тело от холода и жары, от влаги и веток, от чего угодно... только не от чужого глаза. Они не скрывали тело и не

украшали его. Так считалось красивым. Так и было красиво.) Для него, впрочем, добыли кремовый халат и брюки, которые раньше сочли бы пижамными; к его бородке, усам и потрепанно-интеллигентному виду одежда эта домашнему шла.

Эли сидит в траве подле кресла девушки, скрестив ноги. Он худощав, долговяз, вьющиеся черные волосы, нос с горбинкой, темные, влажно блестящие глаза, мелко-ватый подбородок. Красивым его не назовешь. Ли, пожалуй, преувеличивает: сегодня в центре внимания первого помощника Ило не она, а Берн. Оливковые глаза его устремлены на профессора с откровенным, прямо неприличным — по меркам двадцатого века — любопытством.

Нет, все они — разные. И вместе с тем близки друг к другу несравнимо больше, чем он к ним; являют единое впечатление... чего? Красоты? Выразительности? Верно, никогда Берн не видел вместе столько чистых умных лиц, хорошо сложенных тел, которые действительно незачем приукрашивать тканями и фасонами, столько гармонично точных движений и жестов, столько хороших улыбок. В красоте людей не было ни стандарта, ни кинематографической подмалеванности — все естественное, свое.

И еще объединяла их простота. Простодушие? Простоватость? Простодушие людей не недалеких — о нет! — а таких, которым не надо быть себе на уме; не было и нет в том нужды.

Никто не спешил начать разговор — и Берну это было на руку. Он сейчас не просто смотрел, набирался новых впечатлений, но и, как опытный лектор, вживался в аудиторию. И напряженно обдумывал стратегию поведения. Момент был важный, это он понимал: от того, какое впечатление он произведет сейчас, могло зависеть его место в новом мире. Сенсационный драматизм его появления — в его пользу. Первенство в анабиозе, отмеченное в индексном имени, тоже. Теперь важно и дальше не ударить в грязь лицом, показать, что он, хоть и из прошлого, но по уму и духу близок к ним.

Наконец Тан, тот сидевший под деревом светлокожий негр, задал вопрос, который у всех был на уме:

— Так зачем ты пожаловал? Какая цель у тебя?

Берн почувствовал некоторое замешательство: вопрос

Иоганна Нимайера — только задан не на старте, а на финише. На финише бега. И так прямо... Что ответить? Я отрицаю человечество? Что более рассчитывал на встречу с дикарями, чем с разумными потомками? Да, все это было тогда в его усталом, озлобившемся уме, но... профессор с сомнением посмотрел на сидевших: нет, это истина — не для простых душ.

Видите ли, я... — он откашлялся (эти звуки вызвали изумленное «О!» у кого-то), — я был неудовлетворен... м-м... обществом своего времени, примитивными и жестокими отношениями людей. Я верил, что в будущем все сложится лучше. Кроме того... кроме того, — Берн заметил, как Ли смотрит на него во все глаза, будто впитывает — почувствовал себя в ударе, — когда имеешь на руках идею и способ огромной значимости, естественно стремление вырваться из узких рамок своей эпохи, раздвинуть тесные пределы биологической жизни, соразмерить ее с планетными процессами. Вот я и...

Он все-таки тянул на героя.

И был среди собравшихся человек, который смотрел на него как на героя — вроде тех, кто прививал себе пандемические болезни, чтобы проверить свои вакцины, или в изобретенных аппаратах впервые поднимался в воздух, опускался под воду, входил в огонь. И он, Аль, такой. У некоторых из тех Ли на портретах видела похожие усы и бородки. И вообще, вот разве она смогла бы вырвать себя из своего времени, из окружения близких людей — Ило, Тана, Эоли, всех, — уйти от жизни, где так хорошо, и кинуться через века в неизвестность? Да никогда и ни за что! А он смог. И все, что он сегодня делал, было поэтому необыкновенным, чудесным. Вот и это...

Ой, — сказала Ли, — как ты это сделал?

Как? М-м... Это способ прижизненного бальзамирования, с облегчением («Пронесло!») начал объяснять профессор, — путем вдыхания консервирующего газа, с последующим охлаждением тела до...

Да нет, это-то ясно. — Ли тряхнула волосами. — Как тебе удастся думать одно, а говорить другое?

В самом деле, — поддержал Тан, — ведь в твоих мыслях созревал иной ответ?

То есть... позвольте! — Профессор с достоинством откинулся в кресле. — Что вы этим хотите сказать? Вы не смеете!..

Сейчас это был целиком, без примесей, человек своего времени, человек, для которого боязнь лжи сводилась к опасению быть уличенным в ней. Он гневно поднял голову — и осекся: на него глядели без осуждения, насмешки, просто с любопытством к казусу, который сейчас разъяснится. Только Ило нахмурился.

Обеспокоенный Эоли поднялся, подошел, взял Берна за руку жестом одновременно и дружеским, и медицинским:

— Мы поторопились, Ил, психическое осложнение. Может, на сегодня хватит?

— Это не осложнение.— Ило тоже встал, подошел. Другое: целесообразная выдача правдоподобной, но не истинной информации.

— Не хотите ли вы сказать, что я...— поднял голову БERN, что я... э-э... произнес... э-э... die Lüge?!¹

— «Ди люге»? — озадаченно повторил Эоли.

И БERN понял все, опустил голову. Богат, гибок, выразителен был язык людей XXII века — но обиходных понятий для обозначения его поступка в нем не было. Только косвенно, многими словами — как описывают нечто диковинное, уникальное. Что ж, проиграл — надо платить.

— Успокойся, Эоли, я здоров.— Он поднял глаза, слабо улыбнулся.— Во всяком случае, в наше время это болезнью не считалось...

— Внимание! Не заслоняйте Альдобьяна,— прозвучал на поляне чистый, отчетливо артикулированный голос из сферодатчика.— Помните о других. Идет прямая трансляция.

Ило и его ассистент отступили в стороны. Берна будто оглушили:

— Что?! Прямая трансляция — и не предупредили меня?! Да это... это... schuftig² с вашей стороны!

Это снова была ложь, ложь чувствами, хорошо разыгранным возмущением. Не мог БERN не понимать, почему собрались именно у шара-датчика ИРЦ. Понимал и был не против — пока шло гладко. А теперь сознание, что оказался вралею перед человечеством — и каким: расширившим пределы по всей Солнечной (и радиоволны

---

¹ Ложь (нем)

² Подло (неч)

сейчас разносят всюду скандальное о нем)! — просто плющило его в кресле.

Люди — первая Ли — опустили глаза: на Альдобиаана было трудно смотреть. Лишь Эоли упивался открытиями в психике человека из прошлого. Во-первых, Пришельца огорчило не то, что он исказил истину, а что об этом узнали, во-вторых, какие эмоции выражаются у него на лице сейчас — растерянность и вызов, испуг и стыд, отрицание стыда, мучительные и бессильные вспышки ярости... Интересно!

— Послушайте,— в отчаянии показал профессор на шар,— выключите эту штуку или я... разобью ее!

— Зачем же — разобью? хмуро молвил Ило.— Достаточно сказать.

Алый огонек в сферодатчике угас. Секунду спустя весь шар осветился, стал многосторонним экраном. ИРЦ с середины включил вечерние сообщения.

Белая точка среди обильной звездами тьмы. Она становится ярче, объемнее, приближается, будто фара поезда; разделяется на ядро и три вложенные друг в друга искрящиеся кольца... Сатурн! Он приближается еще, в сферодатчик вмещается только покатый бок планеты да часть внутреннего кольца. Но это лишь образный адрес — он уплывает в сторону. Теперь мельтешат возле планеты какие-то огоньки в черном пространстве; прожекторы выделяют там из небытия веретенообразные блестящие тела, ошетиленные щупальцами-манипуляторами, фигурки в скафандрах около и среди звезд. Паутинные сплетения блестящих тяжей — ими монтажники сводят громадные, заслоняющие созвездия лепестки. Когда лучи прожекторов касаются их, они сияют черным блеском.

— Заканчивается монтаж нейтрального рефлектора первого АИСа — аннигиляторного искусственного солнца — у Сатурна,— сообщил автоматический голос. Для экономичного освещения и обогрева планеты потребуется шесть таких «солнц», горящих в согласованном ритме. Если испытания пройдут успешно и конструкция оправдает себя, будет создано 70 АИСов для оснащения всех дальних планет и их крупных спутников по проекту Колонизации...

Ах, как интересно было бы Берну видеть и слушать это в иной ситуации! Но сейчас ему было не до Сатурна, не до АИСов — передаваемое только еще больше уничто-

жало его. Он плавился от стыда в своем кресле. Все рухнуло. Как постыдно он ударил лицом в грязь! И винить некого: эту незримую грязь он притащил с собой.

Ило понял его состояние, тронул за плечо:

— Ладно, пойдем...

Они направились к коттеджу Берна ночным парком. Ило положил теплую ладонь ему на плечо:

Ничего. Дело и время, время и дело — все обрзается.

Берн почувствовал себя мальчишкой.

4. «ОБРАТНОЕ ЗРЕНИЕ»

Может, иной раз это было не по-товарищески, некорректно, но Эоли ничего не мог с собой поделаться: каждый человек был для него объектом наблюдений.

К тридцати восьми годам он немало узнал, немало попробовал занятий, бродил по всем материкам Земли, работал на энергоспутнике Космосстрога, на виноградниках Камчатки, проектировал коралловые дамбы и водораздельные хребты; девятый год он в Биоцентре. Но везде и всегда его увлекало одно: чувства, мысли и поступки людей, их характеры, спектры ощущений и поведения в разных состояниях, мечтания, прошлое... все от простого до сложного, от низин до высот.

Мир прочей живой природы, как и мир техники, был проще, скучнее. Там все — от поведения электрона или бактерии до работы вычислительных систем и до жизни зверей — подчинялось естественным законам, укладывалось в несложные цепочки причинных связей; зная начала, предскажешь концы. Иное дело — человек. И нельзя сказать, чтобы он не был подвластен законам природы, — подчинен им, да сверх того наложил на себя законы социальные, экономические, нравственные. А при всем том свободнее любой твари!.. Он реализует законы с точностью до плюс-минус воли, плюс-минус мысли, творческой дерзости и усилий — и неясным оказывается в конечном счете, что более повлияло на результат: законы или эти, складывающиеся по годам, по людям и коллективам «плюс-минус погрешности»?

Во всяком случае, это было интересно. Дело на всю жизнь.

Правда, пока больше приходилось заниматься другим: проектом Биокolonизации, полигонными испытаниями. Это тоже надо. Во-первых, Ило есть Ило; другой такой человек, от которого черпаешь и знания, и умение, и ясное, беспощадно честное мышление исследователя... и который все равно остается недостижимо богатым по идеям, по глубине мышления, — не встретится, может быть, за всю жизнь. Во-вторых, надо накопить побольше биджей — залога самостоятельности. «Может быть, для меня в моем положении это главное? Проект Ило в этом смысле баснословно перспективен. Честно говоря, сама идея Биокolonизации меня не воспламеняет, странно даже, что Ило меня избрал первым помощником. Ведь есть люди способнее меня. Или я способнее? Лестно, если так».

То, что во время облета леса группа Эоли заметила расправу эхху с Берном, было случайностью. Но дальнейшее — нет: это Эоли убедил Ило пожертвовать ради спасения пришельца из прошлого мозгом Дана, прервать опыты, исполнить сложнейшую операцию... сделать его, **короче говоря**, тем, кем он сейчас является. Получилось **интересно** — но это еще далеко не все!

Сейчас, с утра пораньше, Эоли спешил к Берну — завлекать, приобщать. План был тонкий: сначала заинтересовать Аля «обратным зрением», продемонстрировав его на эхху, а потом предложить и у него считать глубинную память. Увидеть картины прошлого двухвековой давности — и то интересно, а если еще приоткроется память Дана!.. «Хитрый я все-таки человек», — с удовольствием думал Эоли.

Вот он, «объект» Аль: вышел из дома, стоит, хмуро глядя перед собой. Серебристо-серые волосы всклокочены, лицо обрюзгшее и помятое, под глазами мешки... Интересно! Трет щеки, подбородок, ежится. И вдруг — оляля! — раскрыл до предела рот, будто собираясь кричать, откинул голову, зажмурился, застыл. Из рта вырвался стон, в уголках глаз показалась влага.

— Ой, как ты это делаешь?

Профессор захлопнул рот, обернулся: Эоли стоял в тени орехового дерева. Опять тот же вопрос! И без того омраченное утренней неврастением настроение Берна упало при напоминании о вчерашнем скандале.

— Не видал, как зевают? — неприятливо осведомился он.

— В том-то и дело! — Эоли приблизился легким шагом. — Не покажешь ли еще?

Берн хмыкнул:

— По заказу не получится. Это произвольная реакция организма.

— На что?

— На многое: сонливость, усталость, однообразие впечатлений или, напротив, на избыток их.

— А... какие еще были реакции? Только не сердись на мое любопытство, ты ведь сам был исследователем.

Берн не сердился, разговор развлек его.

— Еще? Много. От воздействия сквозняка или сырости люди чихали, кашляли, сморкались. Перегрузившись едой, отрывгивали, икали, плевались. Иногда у них бурчало в животе. Во сне храпели, сопели... Чесались. В минуту задумчивости иные чистили ноздри пальцем — от наслоений. Неужели у вас этого нет?

— Нет. Утратили.

— И не жалеете.

— А не мог бы ты... когда с тобой приключится одна из таких реакций поблизости от сферодатчика, сказать ИРЦ: «Для Эолинга 38»? Для знания. Его-то ни в коем случае не стоит утрачивать!

Берн пообещал.

— А теперь, — не теряя времени Эоли, — не желаешь ли встретиться с одним своим знакомым?

Профессор удивленно поднял брови: какие у него могут быть здесь знакомые!

— Это сюрприз для тебя, но еще больший — для него. Пошли.

По дорожкам из матовых плит, мимо домиков и туннеля к читальному залу они направились к большой поляне, где высился первый лабораторный корпус Биоцентра, корпус Ило. Здание это удивительно сочетало в себе наклонные линии и изгибы буддийского тибетского монастыря (их Берн видывал в этой местности прежде) со взлетом прибойной волны. Оно и выглядело стометровой волной из пластика, стекла и металла, взметнувшейся над лесом.

Эоли по пути переваривал первую порцию наблюдений:

— Странно. Таких реакций и у животных, как правило, нет. То, что человеческое тело — орган, который пережи-

вает удовольствия и неудовольствия, приятное и неприятное, было известно за тысячи лет до твоего времени. В ваше время вырабатывался другой, тоже неплохой, взгляд: тело — универсальный чуткий прибор познания мира. Так ли, иначе ли — но при твоей, с позволения сказать, «регулировке» этого инструмента и удовольствия можно ощутить только самые грубые, и вместо познания выйдет одно заблуждение: помехи все забывают!

Берн отмалчивался. После вчерашнего он решил без крайней необходимости не высказываться.

Великий Эхху сидел на гладком, блестящем дереве. Побег его оплели лапы. Он жмурился от яркого света и с бессильной яростью наблюдал за Безволосым вдали, на возвышении. Тот указывал на него кому-то невидимому. Видно, что-то замышляет...

У, эти Безволосые, ненавистные существа с силой без силы! Племя эхху побеждало всех, загоняло в болото даже могучих кабанов. Он сам, Великий Эхху, ломал им хребты дубиной, тащил дымящуюся от крови тушу в стойбище. Но с Безволосыми, Умеющими летать — они ничего не могли сделать.

Безволосые уводили время от времени соплеменников: самцов, самок, детенышей — но не убивали, боялись! Те возвращались невредимые, но злые, напуганные. И никогда не умели объяснить, что с ними было. И его они не раз заманивали в свои блестящие западни с ярким светом. Но он, Великий Эхху, благодаря хитрости и силе своей всегда освобождался. Уйдет и теперь! Он знает это, верит в себя, не боится их. Пусть они его боятся, уааа!

Вождь рванул, завизжал: проклятое дерево держало крепко!

— Узнаёшь?

Они находились на галерее лабораторного зала: Эоли у перил, Берн в глубине. Здесь были приборы, экраны, клавишные пульты. Берн зачарованно смотрел вниз, на дикаря в кресле: как было не узнать эти разбухшие на пол-лица челюсти, заросший шерстью нос с вывернутыми ноздрями, глазки в кровяных белках. Как было забыть эти лапы, мускулистость которых не скрывала рыжая шерсть, — лапы, занесшие над ним дубину! Сейчас они покоились в зажимах-подлокотниках.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Проникать в душу и читать мысли. А если проще, то наблюдать представления, которые возникнут в его мозгу от сильных впечатлений, выделять из них что интереснее. Вот, скажем, раздражитель номер один — «Гроза в лесу»... — Эоли нажал клавишу на пульте.

В «пещере» Безволосых вдруг наступила ночь. Или это налетела туча? Впереди, во тьме, теплилась красная точка. Уголек? Глаз зверя?.. Она притягивала внимание Эхху. Безволосого не видно, но он здесь.

Вдруг полыхнул голубой Небесный Огонь, зарычал Небесный Гнев. Снова Огонь и еще громче Гнев. Вождь съежился. Налетел ветер, понес листья, пыль, ветки. Застонало и ухнуло сломанное дерево. Хлынула струями вода. Красная точка вспыхивала в такт Небесному Огню и грохоту Гнева.

...Гроза была на славу, Бери забыл, что он в лаборатории: дождь полосовал отсек с дикарем, струи серебрились в свете молний.

Овальный экран возле пульта показывал зыбкие, пляшущие картины: кроны деревьев, синие тучи, ветвистые разряды раскалывают их, освещают мокрые стволы, скорчившихся дикарей.

В лесу Великий Эхху боялся бы Небесного Гнева по-настоящему и спасался бы по-настоящему. Но здесь не то, это не Небо.

Картины на экране сменились беспорядочными бликами.

— Нет, не то. — Эоли выключил имитацию. — К этому он привык, не впервой... «Обратное зрение», — ответил он на немой вопрос Берна. — Наши каналы информации — зрение, в частности — не целиком однонаправлены; какая-то часть ее течет по ним и обратно. За выражениями типа «Он прочел ответ в ее глазах» всегда что-то есть. Мысли, переживания и ощущения незрительного плана выдают нервные импульсы, пусть очень слабые, и в зрительных участках мозга. Оттуда они попадают в сетчатку и слегка, чуть-чуть возбуждают ее в далекой инфракрасной области. Мы посылаем красный блик, приковывающий внимание, затем импульсы выразительных впечатлений — и можем, усилив и очистив от помех, прочесть ассоциативный ответ в чужих глазах. Вот ты и увидел, что тво-

рилось в мозгу эхху от нашей «грозы». Ничего особенного там не творилось...— Эоли вздохнул.

— А что ты рассчитывал увидеть особенное?

— Что?.. Что-то, позволяющее уяснить, почему они стали иными. Эхху меняются в последних поколениях. В общих чертах понятно: изменения климата, потепление и увлажнение, из-за чего гуманоидные обезьяны распространились в новых местах, межвидовые скрещивания горилл, шимпанзе и орангутангов... да и наши био- и психологические исследования — все это влияет, расшатывает их наследственность. Но в какую сторону они меняются? Раньше это были веселые и покорные твари, для них высшим счастьем было получить от человека лакомство за правильно выполненный тест. А в последние десятилетия отношения между эхху и нами что-то портятся. В лесу около их стойбищ стало опасно показываться в одиночку, да и для лабораторных исследований их так пеленать,— биолог указал вниз,— прежде не приходилось.

Долговязая фигура Эоли моталась вдоль барьера. С одной стороны на него смотрел Берн, с другой, снизу,— настороженный Великий Эхху, от шкуры которого шел пар. Он ждал, что после «грозы» гладкое дерево отпустит его в запутанные норы Безволосых — выбираться на свободу.

— «Обратным зрением» человек может, сосредоточась на глазок считывателя, и без ассоциативных понуканий выдавать, что пожелает: реальную информацию, выдуманные образы, воспоминания... даже идеи. Все, что и так может выразить. Иное дело — эхху. Им надо расколыхать психику, взволновать болото подсознания до глубин. Надо сильное потрясение. Но... какие у нашего мохнатого приятеля возможны движения души, какие потрясения? Грозы не боится, привык. Лишить самки? У него их много. Как я ни мудрил, придумал только одно...

Он замолк, вопросительно глянул на Берна.

— Хм! — Тот понял. — Что ж, правильно. Я бы и сам такое придумал! — и поднялся с места.

— Подожди, переоденься в это,— Эоли протянул профессору его брюки и куртку с пятнами засохшей крови.

5. ПЕРВОЕ СЛОВО

В пещере Безволосых снова наступила ночь. Только красный зрачок тлел впереди. Великий Эхху затаился, напрягся: что они теперь задумали?

И вдруг из тьмы ясно, будто в солнечный полдень, возник... Тот Безволосый. Тот Что Убегал! Которого Убили!.. Великий вождь заскулил от удивления и страха, стал рваться из объятий державшего его дерева. Как же так?! Он сам первый догнал его. Разбил дубиной череп. Бил, потому что тот убегал. Все били. После такого не живут — превращаются в мясо, в падаль. А Белоголовый Безволосый жив! И он приближается, смотрит, агуа! А вот другой рядом — такой же! Тоже он?! А за ними еще, еще!..

Засверкали голубые зарницы, зарычал гром — Небесный Гнев. Эоли, манипулируя клавишами на пульте, нагнетал страсти.

...Они все подходят, подступают, смотрят! Они... они сейчас сделают с ним то, что он сделал с Этим. Зачем?! Нельзя! Другие — это другие, а он — это он! Его нельзя! И — он больше не будет!.. Не надо! Не на-адо!!!

— Мыа-мыа-аа!!! — в ужасе завыл дикарь.

Берн не без облегчения удалился от дергавшегося вождя.

— Слушай,— ликующе сказал ему Эоли, когда он поднялся вверх,— он ведь слово произнес! «Мама». На каком языке?

— Мама — на очень многих языках мама.

— Замечательно! — Биолог ткнул пальцем клавишу: зажимы кресла раскрылись.

Великий Эхху плюхнулся на четвереньки и, не поднимаясь, ринулся в темный лаз в углу.

— Будь здоров, голубчик, до встречи! Ты нам здорово помог.

— В лабиринт? — спросил Берн.

— В прямой туннель, на волю, на травку. Он и так хорошо поработал.

...Вождь стремглав пронесся длинной, тускло освещенной «пещерой», ударяясь на поворотах и от этого еще больше распаляясь. Как они его унизили, Безволосые, как оскорбили! Ну ничего, он им покажет. Он всех их,

всех!.. Вырвавшись на поляну, он катался, кусал траву, корни, ломал ветки. Потом прибежал в стойбище, пинками расшвырял самок, детенышей, с дубиной ринулся на молодого Ди. Тот увернулся, взобрался на Великий Дуб, занял там удобную позицию, звал к себе вождя — сразиться.

И долго они обменивались — один наверху, другой внизу — боевыми возгласами:

— Эххур-рхоо!!

И этот день был для Берна щедр на впечатления. Главным для него был не успех опыта, он принадлежал Эоли. Он участвовал в исследовании, в продвинувшейся на два века науке — и понимал, мог! И похоже, что тема Эоли, тема, которой Берна сейчас был готов посвятить жизнь, — не исключение: вокруг не суетились ассистенты и лаборанты. Многие здесь, наверно, разрабатывают не менее интересные идеи.

Было далеко за полночь. Берна лежал в домике, глядел на звезды и спутники над куполом, перебирал в уме впечатления, строил догадки, ставил вопросы — не мог уснуть. Да и зачем откладывать на завтра то, что можно узнать сейчас! Вот датчик ИРЦ, надо назвать полное имя, четко ставить вопросы — и получишь ответ на любые.

Но раньше, чем он раскрыл рот, шар у стены сам осветился, произнес:

— Иловиенаандр 182 просит связи.

— Да, конечно! — Берна сел на ложе. — Прошу.

Ило возник на фоне полупрозрачной стены; за и над ней металлические мачты, с них лился водопад зеленого пламени.

— Не спишь, — он смотрел добродушно-укоризненно, — возбужден, хочется узнавать еще и еще!.. А еще несколько немедленных впечатлений — и твоя психика взорвется. Пропала моя работа... — Он прошелся вдоль стены; эффект присутствия, обеспечиваемый ИРЦ, был настолько полным, что Берна казалось, будто Ило прохаживается в домике. — Я весь день на Полигоне, упустил тебя из виду, извини. Эоли рано принялся тебя тормошить. Я ему попенял.

Ило снова прошелся, качнул головой, сказал будто про себя:

— Страстен, жаден... к хорошему жаден, к знаниям — а все не в меру. Себя не пожалеет и других... — Он поднял на Берна серые глаза: — Не давай никому на себя влиять. Никому! И мне тоже. Спокойной ночи!

Шар погас.

Эоли тоже долго не мог уснуть в эту ночь. Он лежал на траве, закинув руки за голову, смотрел на небо, на кроны деревьев, колдовски освещенные ущербной луной. Он любил — особенно под хорошее, победное настроение — засыпать на лужайке или в лесу, целиком отдаваясь на милость природы. Сыро так сыро, жестко, муравьи... ничего! Не нуждается он в комфорте, пальцем не шевельнет ради благ и комфорта.

А настроение было самое победное. Правда, получил от Ило выволочку за Аля — ну, так что? Тянуть было нельзя, у эхху короткая память. Выветрился бы облик убитого — и все.

(Альдобиан заинтересовался. И был так возбужден опытом, что Эоли едва удержался, чтобы не посадить и его в кресло — считываться. Но это было бы бестактно. Ничего, все еще впереди.)

«Постой, я не о том. Вожак эхху не визжал, не выл от страха — позвал маму. Стресс исторг из глубин его темной психики первое слово младенца. Слово! Значит, через поколения и младенцы-эхху пролепечут его... а затем другие?! Так ведь это же...»

Эоли сел. У него перехватило дыхание. Нет, как угодно, но ему надо немедленно с кем-то поделиться. Иначе он просто лопнет. С кем? Он огляделся: городок спал. Ну, что за безобразие!.. Разбудить Ли? Она всплеснет руками и скажет: «Ой!...» Но она намаялась на Полигоне, жаль тревожить. Аля? Тоже нехорошо, бессовестно. Тогда... никого другого не остается.

— Эолинг 38 требует связи с Иловиенаандром 182! — сказал он сферодатчику в коттедже. — Сигнал пробуждения, если спит.

Через минуту запрокинутое лицо в шаре приоткрыло один глаз.

— Ило, послушай, Ило!.. Они эволюционируют!

6. ЛЮДИ НА КРЫЛЬЯХ

Кто не достиг значительного в делах, в познании, в творчестве — да будет значителен в добрых чувствах к людям и миру. Это доступно всем.

КОДЕКС XXII ВЕКА

Башня вырастала над деревьями со скоростью взрыва. Каждый ее отрезок перемещался относительно предыдущего одинаково быстро — и площадка, по окружности которой выстроились люди, уносилась в голубое небо так стремительно, что Берн, следя за ней, только и успел задрать голову. В секунду — сотня метров.

Как только телескопический ствол, алюминиево блеснув в лучах восходящего солнца, застыл, люди все вместе кинулись с площадки, описывая в воздухе одинаковые дуги падения. И — профессор не успел крикнуть, у него перехватило дыхание — у каждого от туловища развернулись саженные крылья. Они просвечивали на солнце, показывали ветвистый, как у листьев, рисунок тяжей. Люди виражами собрались в косяк. Крылья их махали мерно и сильно, по-журавлиному. Стая людей понеслась над лесом на восток.

Башня опала, сложилась мгновенно и беззвучно — как не было. Но пару минут спустя снова взвилась в небо, выплеснула на пределе высоты и скорости новую дюжину крылатых людей. Эти разбились на две стаи: четверо полетели к северу, остальные опять на восток. Берн следил из-под ладони: так вот каких «птиц» с прозрачными крыльями увидел он за миг до того, как ему разбили голову!

— Это они на Полигон полетели, — услышал он несмелый голосок. — А те четверо — егерский патруль...

Профессор обернулся: рядом стояла Ли. Золотистые волосы ее были собраны в жгут. Глаза смотрели на Берна улыбочиво и смущенно.

...Ли чувствовала себя виноватой перед Алем; высочила тогда как глупенькая: «Ой, как ты это сделал?» — не понимая, хорошо это или плохо. Осрамила его перед всеми. Вполне могла бы подождать, пока спросят люди постарше — у них бы это лучше получилось. Заставила его страдать... Но ей все казалось таким чудесным!

Но, кажется, Аль не сердится, даже рад — улыбнулся ей. И она улыбнулась восторженно, подошла.

— Здорово! — вздохнул Берн, следя за новым стартом с башни.

Никто вокруг не глядел на башню. Поднявшееся солнце объявило побудку в поселке. Из домика напротив вышел заспанный Тан, потянулся, приветственно махнул им рукой. В это время к нему сзади подкрался смуглый светловолосый парень, незнакомый Берну, что есть силы пнул ствол склонившейся над Таном ивы: с листьев сорвался серебристый ливень росы. Тот ахнул, бросился догонять светловолосого. Ли засмеялась.

Профессор неодобрительно глянул на ребячью беготню, поднял голову к башне. У новой группы прыжок был затяжной, крылья они развернули почти над деревьями.

— Ах, молодцы!

— Кто? — спросила Ли.

— Как кто — вон те! — Берн показал на улетающих. — Ты-то ведь так не умеешь?

— Почему? Умею, — просто сказала Ли. — Все умеют. Дети сейчас учатся ходить, плавать и летать почти одновременно.

Если сегодня был нужен на Полигоне. Ило послал ее присматривать за Алем. «За ним пока нужен глаз да глаз», — сказал он. Ли чувствовала себя неловко: не объявлять же прямо, что прислана присматривать за таким взрослым! А теперь наметилась тема общения — она ободрилась.

— Хочешь, я и тебе все объясню? Ничего хитрого.

— Конечно!

— Пойдем.

В коттедже Ли было так же обескураживающе мало вещей, как и во всех других. Стены в опаловых, желтых, оранжевых разводах, которые складывались в образующие перспективу узоры — и вся роскошь. Коснувшись стены, Ли раскрыла нишу, извлекла продолговатый сверток длиной в свой рост, несколько ампул с золотистой жидкостью; щелкнула застежками на краях свертка, он раскрылся — это и были крылья.

— Нет ничего проще, — сказала девушка. — Это, — она показала ампулу, — АТМа, аденозинтетраметиламин, концентрат мышечной энергии. Да ты, наверно, знаешь, ведь его давно синтезировали...

— М-м... — промямлил Берн.

— И искусственные мышечные волокна тоже, вот такие. — Она пощелкала по синеватым свивам под шелковистой кожей крыльев. — Смотри: берем ампулу, откусываем острое, выливаем содержимое сюда...

Она нашла незаметное отверстие у верхней кромки крыла, вставила и выжала ампулу. По крылу прошел трепет, оно напряглось, развернулось во всю ширину, опало. Другой ампулой Ли заправила левое крыло.

— Заряда хватает на три часа полета. Если АТМа иссякла, а приземляться нельзя или не хочется, то этими тяжами надо закрепить предплечья, бедра и голени... вот так... так... и вот так — и можно лететь еще час. Хотя скорость будет не та. Очень просто, правда?

— М-м... а управлять как?

— Нет ничего проще. Эти бугорки на тяжах — искусственные нейрорецепторы. Когда надеваешь крылья, они примыкают к твоим плечевым, спинным и тазобедренным мышцам, воспринимают их сокращения и биотоки. Тебе остается делать легкие летательные движения, и все.

— Ага!... — Берну очень не хотелось показаться непонятливым этой огненноволосой и во всех движениях похожей на колышущееся пламя девушке.

А Ли все больше увлекалась. Она живо надела крылья, закрепила тяжи, развернула-свернула — Берн только успел отметить, что крылья были совсем как живые: сизые переплетения мышц, белые тяжи-сухожилия, ветвления желтых сосудов, каркас тонких костей.

— Пойдем, я тебе покажу! — И она балетным шагом, будто на пуантах, выпорхнула из домика.

Лиха беда начало. Полчаса спустя Берн стоял на крыше, на краю нижнего уступа лабораторного корпуса Ило, на высоте восьми этажей, одетый в крылья своего размера; их Ли взяла в соседнем домике. И домики эти, и кроны деревьев были глубоко внизу. Профессор не видел себя со стороны, но не без основания подозревал, что выражение лица у него самое дурацкое.

Ли на своих оранжево-перламутровых крыльях, гармонировавших с цветом волос и кожи, то снималась с крыши, плавно набирала высоту, то стремительно — так, что свистел воздух, — снижалась, опускалась на крышу, ждала.

Отсюда открывался красивый вид: в трех местах из волнистого темно-зеленого моря поднимались такими же, как у корпуса Ило, уступами другие корпуса Биоцентра; крыши у них, как и эта, были матово-серые. Лес наискось рассекала просека; далеко-далеко можно было заметить ее щель в подернувшей дымкой у горизонта зелени. По просеке шла темная лента дороги; ответвления ее вели к домам. Небо было безоблачное, солнце набирало высоту и накал. Стартовая вышка, обслужив всех желающих улететь, застыла между корпусами стометровой белой иглой в синеве.

На крыше было нежарко. Темно-серые квадраты с алюминиевой окантовкой, выстилавшие ее, не нагревались от солнца. И Берн знал, почему: это была не черепица, а фототермоэлементы с высоким кпд; они обеспечивали ток лаборатории и поселок. Такими были крыши всех зданий — и вообще эти серые слоистые пластины были основой энергетики.

Берн узнал, что автотранспорт — белые вагончики, вереницами или по одному несшиеся по шоссе, между зданиями и деревьями, — это не издревле знакомый ему автомобильный транспорт, а автоматический, без водителей. Электромоторы вагончиков питаются прямо от дорог, которые представляют собой сплошной фотоэлемент. Об автомобилях же, двигателях внутреннего сгорания Ли ничего не знала.

Профессор узнал, почему в коттеджах исследователей так мало вещей, — после того как растолковал Ли суть своего недоумения. Не существовало вещей для обладания — со всем комплексом производных понятий: возвышения посредством обладания их, привлекательности... Были только вещи для пользования. Датчики ИРЦ могли продемонстрировать наборы одежд, обстановки, утвари, мелочей туалета, равно как и приборов, машин, материалов, тканей, полуфабрикатов. Достаточно назвать нужное или просто ткнуть пальцем: «Это!» — и это доставлялось. Параметры изделий ИРЦ подбирало по индексам заказчика. Когда миновала надобность, все возвращали в циркуляционную систему ИРЦ; там имущество сортировалось, чинилось, пополнялось новым. Благодаря циркуляции и насыщенному использованию для 23 миллиардов земель изделий производилось едва ли не меньше, чем во времена Берна для трех миллиардов.

Ли не так давно сама отработала обязательный год контролером на станции бытовых автоматов. Чувствовалось, что она вспоминает об этом без удовольствия — да и весь разговор о вещах ей скучен.

Словом, Берн изрядно обогатился здесь, на краю крыши, — оттягивая момент и заговаривая Ли зубы.

...Сначала он пытался взлететь с земли. Но — и тут Берн понял, почему Ли не разделила его восхищения стартовавшими с вышки, — это-то как раз и был высший класс: не то положение тела, нет скорости, не размахнешь крыльями в полный взмах. У Ли это выходило после большого разбега, а у него никак: разгонялся, подпрыгивал, по-лягушечьи дергая конечностями (движения в полете напоминали плавание брассом, это он усвоил), — и чуть ли не бровями входил в траву. Собрались глазающие, посыпались советы — он окончательно потерялся.

— Так, может, с вышки? — предложила Ли. — Тебе главное несколько секунд побыть в воздухе — ты все поймешь и усвоишь. Телом поймешь.

Она целиком пленилась идеей научить Аля летать, была почти уверена в успехе. Ведь у него моторика Дана! И что здесь мудреного, все летают, это так хорошо. Аль будет благодарен. Даже маленькая тщеславная мысль мелькала в ее уме: что она первая сообразила о моторике Дана. Вот вечером вернутся Ило и Эоли, а Аль уже летает. Они удивятся и будут хвалить. А то у всех есть творческие дела, а у нее нет. Теперь будет.

Берн покосился на вышку — у него все сжалось внутри. «Нет, недостаточно высоко, чтобы я успел научиться, раньше чем долечу до земли, — но достаточно высоко, чтобы потом уже не вернуться к занятиям». Но и отказаться у всех на виду он не мог: раз осрамился — хватит!

— М-м... лучше поближе где-нибудь, — сказал он. — С этого здания, пожалуй.

В глубине души он рассчитывал на балкон второго, самое большее — третьего этажа. Но Ли, видимо, не хотела обидеть его такими «детскими» высотами.

Девушка, красиво спланировав, стала на край крыши.

Да ты не бойся, Аль! — Она поглядела на профессора с улыбкой и полным пониманием. — Тебе главное несколько секунд продержаться в воздухе. Это ведь как плавание: надо хотеть летать и убедиться, что воздух держит.

После таких слов из уст красивой девушки мужчине полагается сигать с крыши даже без крыльев.

— Ну, давай вместе. Делай, как я: слегка присесть, крылья в стороны и назад — и!.. — И Ли, оттолкнувшись от кромки, взмыла бумажным голубем.

Берн, помолясь в душе, кинулся за ней, как в бассейн с тумбы. «Брасс, лягушечьи движения!» — лихорадочно вспомнил он и принялся исполнять их с той энергией, с какой это стоило бы делать только в воде. Крыльям от его мышц требовались управляющие сигналы, а не судороги; на них они ответили тем же, судорожными автоколебаниями — задергались, захлопали с небывалой энергией и размахом, будто у петуха перед «кукареку». Он болтался между ними, как дергунчик, утратив представление, где верх, где низ.

Ли кружила вокруг, что-то крича; деревья приближались с пугающей быстротой. Берн, чтобы усмирить крылья, стал сосредоточиваться поочередно то на правом, то на левом — на оба вместе его не хватало; они завертелись мельницей. Профессор вошел в штопор.

Зеленая крона летела навстречу. Берн закрыл лицо руками. Ли ласточкой спикировала к нему, намереваясь подхватить, хоть как-то смягчить падение. Но промахнулась — Берн в последний момент вильнул. Его понесло вбок, и он шумно вошел в верхушку старой лиственницы. Ветки сорвали крылья, одежду, прядь волос на макушке, исцарапали тело. Он с размаху обнял шершавый, пахнущий смолой ствол, приник к нему грудью и лбом. В глазах брызнул радужный фонтан. «Жив!»

Не сработала моторика Дана.

7. ОН НЕ САМОЗАЛЕЧИВАЕТСЯ!

Перепуганная Ли внизу снимала крылья. Она тоже чиркнулась телом по ветвям дуба; они оставили длинные ссадины на ее руках и левом бедре.

Берн неуклюже слезал с дерева. Лик его был ужасен. Руки, ноги, все туловище в ссадинах, ушибах, крови; ребра под левой рукой подозрительно похрустывали. От крыльев на нем остались тяжи и две косточки за плечами.

— Ничего... ничего,— встревоженно лепетала Ли, усаживая Берна под дерево.— Главное, нет переломов,

остальное пустяки, сейчас пройдет...— Она пучками травы принялась стирать кровь с кожи профессора, приговаривала: — Вот... очистим... теперь сосредоточься на тех местах, где болит, пока не перестанет. А потом еще сильней, до чувства уверенного владения телом. Или, может быть, тебя отвести в бассейн — там легче?

Какой бассейн, сосредоточение что за вздор?! рывкнул осатаневший от боли профессор. Тащи сюда быстрее аптечку. Вату, йод, бинты, противостолбнячный набор... Ну!

Но... это же пройдет быстрее, чем я сумею отыскать то, что ты назвал.

— Какой черт, быстрее?! Поворачивайся, делай, что тебе говорят. В гроб меня загонит сегодня эта девчонка!

Ли выпрямилась, губы у нее сложились подковкой, глаза наполнились слезами.

— А ты... ты не кричи на меня. Сам ничего не умеет, а сам кричит! Такие царапины самозалечиваются, не из-за чего поднимать панику. Вот смотри!

Она вытянула вперед правую руку, которой особенно досталось: ссадина на предплечье походила на длинную рваную рану, из разрывов кожи сочилась кровь,— сосредоточенно замолчала. Капли крови сразу загустели, свернулись. И далее Берн, как в сверхускоренном фильме, увидел за считанные минуты все стадии заживления раны, на которое обычно уходят дни и недели. По розово-красным краям разорванной кожи выделилась прозрачная плазма; загустела; края ссадины в течение минуты воспалились, покраснели, набухли, опали, посветлели, подсохли; их стянула красно-коричневая корочка, которая тотчас растрескалась, свернулась, осыпалась, обнажив синеватый рубец, а он опал, стал синим следом.

Через три-четыре минуты место ссадины отмечала лишь исчезающая сине-розовая полоса на коже.

— Уф-ф!..— изумленный профессор даже забыл о своих страданиях.— Вот это да!

Видишь! — Ли опустила руку. Человеческое тело само справляется. Ой, ну почему у тебя ничего не проходит?!

Ей было от чего прийти в отчаяние: у Аля не только «не проходило», из ран и ссадин сочилась кровь, но ушибленные места начали зловеще напухать и синеть, а на лбу вызревала буро-лиловая шишка.

— Ну, попробуй же сосредоточиться, управлять всем изнутри! — умоляла-причитала Ли. — В тебе ведь все есть, все вещества, гормоны... напруги волю, соберись. Ой, ну почему ты такой!

Ило, которому дали знать, серым коршуном низвергался к ним с высоты. Ли при виде его сжалась; просто удивительно, как мало осталось в ней от недавней летающей красавицы и смелой наставницы — сейчас это была нашкодившая, перетрусившая девочка. Ей поручили присматривать!..

— Так... — Ило снимал крылья, рассматривал растерзанного Берна, потом Ли, снова Берна. — Хорошо, что пополам.

— Что — пополам? — поднял на него глаза Берн.

— Эм вз квадрат пополам, кинетическая энергия, с которой ты врзался в дерево. Я надеялся, что из вас двоих хоть кто-то окажется зрелым человеком!

Берн снова почувствовал себя мальчишкой.

8. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ДИАЛОГИ

— Решила, если это есть у тебя, значит, было всегда? Я сам в молодости не обладал свойством самозалечивания... Взясась учить летать! Да ты бы прямо без крыльев столкнула его с крыши — с тем же результатом.

— Но я думала... раз у него моторика Дана... Правда, Эоли?

— У него психика Берна, тело Берна — что против этого мотоневроны Дана! И потом: советоваться, спрашивать меня — уже не надо?

— Ладно, Ил, она осознала. Она больше не будет, правда, маленькая?

— Да уж что нет, то нет. Другого случая ей больше не представится.

— Тем более. Давай о другом: Ли экспериментально доказала (давай рассматривать это так), что при нынешних своих качествах Аль в нашем мире не жилец. Не говоря даже о том, что он на каждом шагу будет чувствовать свою неполноценность, он может запросто погибнуть — от пустяковой травмы, из-за замедленной реакции, пониженной чувствительности... мало ли! Не оставлять же его всю жизнь под присмотром.

— Что бывает опасней прочего!
— Ладно, Ил, хватит!.. Ли, ты куда? Вот обиделась...
— Утешись. Для того и сказал.
— О... поклон тебе, мудрый старец! Все-то ты заметишь.

— Я не знал, что нельзя.

— Можно, отчего же! Можно. Я бы и сам хотел что-то заметить... Так о деле: как ты?

— А как он?

— Противиться не станет. Он ведь все понимает. Вот это самое замечательное: все понимает, умом и чувствами — почти как мы. А тело, нервная система, внутренняя секреция... бог мой! О чем они тогда думали, не знаешь?

— Об успехе в делах, в основном... Мало, чтобы не противился, надо, чтобы хотел — только тогда преобразования в машине-матке будут удачны.

— Захочет. Убедим. Кстати, преобразования Аля надо согласовать с Космоцентром. Затронуты их интересы.

ИРЦ. Соединяю Линкастра 69/124, Луна, Космоцентр, и Иловиенаандра 182, Гоби, Биоцентр. По настоянию Линкастра и с согласия Иловиенаандра разговор открытый. Трансляция через каждый двадцатый шар-датчик. Тема разговора: Альдобриан 42/256, проблемы, связанные с необходимостью его информационно-вещественного преобразования. По ходу беседы наблюдающие могут высказывать свое мнение. Дельные суждения будут сообщены беседующим. Для исключения и саморедактирования опрометчивых высказываний трансляция идет с пятиминутным сдвигом.

АСТР. Я прибег к открытому разговору, потому что проблема касается всех. Как и многим, мне довелось наблюдать отвратительную сцену, когда спасенный — дорогой, кстати, ценой — человек из прошлого начал новую жизнь с того, что без колебаний солгал. Легко и непринужденно. Ответа на вопрос — что привело его в наш мир? — мы не получили, это стоит отметить. Теперь наши надежды узнать от Альдобриана информацию Эриданоя, астронавта Девятнадцатой звездной, что так щедро и, как теперь ясно, опрометчиво обещал нам Иловиенаандр, — рухнули. Плакала теперь эта драгоценная информация!

ИЛО. Не думаю.

АСТР. О нет, Ило, я все помню: он дозреет и рас-

скажет. Только какая цена тому, что он расскажет? «Раз совравшему веры нет». Этот тезис еще злободневен. Боюсь, что не все хорошо представляют, насколько он злободневен. Техничко-энергетическое могущество человечества небывало выросло, взаимосвязь — через общедоступные датчики ИРЦ, в частности, — тоже. И все в нашем мире: обеспечение, информация, циркуляция ценностей, транспортировка людей, исполнение на планете и за ее пределами грандиозных сложнейших дел, регулирование климата и состояния биосферы — держится в прямом смысле на честном слове. Случаются, правда, и ошибки — но вес их и последствия от них ничто в сравнении с тем, что может произойти от внедрения в наш мир даже малой дозы яда, который мы называем целесообразно выдаваемой неистинной информацией и которую Альдобриан по-свойски именует «ди люге»!

ИЛО. Хорошо сказал, Ас!

АСТР. Благодарю. Но я еще не все сказал. Посреди этих тревожных (уверен, что не только для меня) размышлений я узнаю, что в том же Гобийском Биоцентре тот же Иловиенаандр со своим ассистентом Эолингом планируют новую операцию над Альдобрианом. Цель ее: дать этому незрелому и с опасными наклонностями уму новое тело — с нашей жизнеспособностью, высокоорганизованностью, чувствительностью... Иначе сказать, дать ему полную возможность свободно действовать в нашем мире. Ну, знаете!..

ИЛО. Принимаю упрек в опрометчивости. Мы, не познакомившись как следует с Алем сами, представили его человечеству — и осрамились вместе с ним. Его «ди люге» мы не предвидели. Но, зная теперь Альдобриана, отклоняю со всей ответственностью подозрение, что за его неискренним ответом крылся злой умысел. Так получилось от растерянности, возможно, от стыда за что-то в своей прежней жизни — а в общем, это ему не свойственно... Поэтому же решительно протестую против твоей, Астр, трактовки Аля как чуждого и опасного существа и против твоего пренебрежительного тона. Он человек и наш товарищ.

АСТР. Хорош товарищ, которому нельзя верить! А не слишком ли ты, учитель, нетребователен в выборе товарищей?.. Я имею в виду не только этого Аля, но и твоего помощника Эоли, который проявил столько усердия в той

злополучной операции. Извини, что я вмешиваюсь и в это, но восьмой отпрыск скандального должника, сам к сорока без малого годам не заработавший право на самостоятельное творчество — и правая рука знаменитого Ило, участник его проектов, опытов, операций! Надо ли удивляться твоим промахам? Возможно ли не ждать их в дальнейшем?

ИЛО. Категорическое высказывание на основе недостаточной информации — почти такой же грех, как и «ди люге», Ас.

АСТР. Не понял.

ИЛО. Эолинг не имеет формального права на творческую самостоятельность лишь потому, что взял на себя долги отца. Ты хочешь пропустить это в эфир?

АСТР. М-м... нет. ИРЦ, снять все об Эолинге 38!

ИРЦ. Принято.

АСТР. Вернемся к нашему приятелю Берну. Скажи, при преобразованиях в машине-матке возможно считывать информацию мозга, тела... памяти, одним словом?

ИЛО. В принципе, да. Но только в принципе. Этого никто не делал по простой причине: слишком велика вероятность таким способом убить личность. Человек не машина, Ас. Ты не представляешь, насколько в нем все тонко, сложно, интимно. Зондовое сканирование — штука грубая.

АСТР. Но ведь в конце-то концов... в любом деле не исключены потери и несчастья.

ИРЦ. Даю справку. Вас слушают и наблюдают двенадцать миллиардов, пятьдесят четыре процента населения Земли. Загружен не каждый двадцатый, а каждый шестой сферодатчик. Удовлетворены запросы о трансляции на Луну и орбитальные комплексы.

АСТР. О! Значит, проблема затрагивает всех.

ИЛО. На Земле слишком давно не возникало подобных проблем.

АСТР. Можем завершить наш спор голосованием.

ИЛО. Я не сделаю того, чего ты добиваешься, даже если меня к этому принудят все двадцать три миллиарда жителей Земли!

АСТР. Хороший же урок преподашь людям ты, учитель!

ИРЦ. Даю врез характерных реплик — без перечисления имен, которое отняло бы много времени:

— Он не человек, он лжец!

— А я тоже умею это «ди люге», целесообразно искажать истину! Думаю, что каждый, покопавшись в душе, смог бы признаться в том же. Мы не делаем так не потому, что начисто лишены этих психических потенций, а потому, что не хотим. Прекрасно обходимся без этого. Но если ставить вопрос так: он это может,— то надо осуждать и тебя, и меня... всех!

— Да! Правосудие должно судить только за содеянное. С осуждения-наказания за возможность совершить проступок начинались все тирании.

— Речь не о том. Много ли весит жизнь этого Аля против скрытых в нем знаний Девятнадцатой звездной? Ведь звездная экспедиция — это то, на что многими людьми потрачены десятилетия их жизни, а многие жизни и целиком, то, во что вложен труд миллионов!

АСТР. ИРЦ, достаточно! Вот, сказано главное. Ило, ты назвал его товарищем, сравнивал с собой, с нами... Тебе виднее. Скажи: если прямо объяснить ему, что и экспедиций-то этих было всего двадцать и как выкладывались на них и в них,— он согласится на сканирование?

ИЛО. Не знаю. Возможно, нет.

АСТР. А ты — приведишь такое тебе — согласился бы?

ИЛО. Да.

АСТР. И я согласился бы — тоже без колебаний. И любой другой. Вот видишь... а ты говоришь!

ИЛО (*после молчания*). Ты жесток... Ох, как ты жесток, Ас! Жесток без необходимости... Согласится или не согласится Аль? Возможно, что и согласится. Но ты сначала спроси, а кто пойдет и скажет ему это? Скажет: Пришелец, дай считать с себя важную нам информацию — и погибни. Да, я бы дал считать и погиб, и ты, и многие — потому что это наш мир, наша жизнь. Каждый ее изрядно отведал, знает, что она продлится тысячелетия и без него. А для Аля она — начавшееся исполнение мечты. Даже больше, о многом нынешнем он и мечтать не мог... Ты храбрый человек, Астр, все знают о твоих подвигах в Тризвездии и на Трассе. Больше того, ты не побоялся затеять спор перед лицом человечества, встревожил людей страхами и подозрениями, чтобы поставить на своем. Так пойдя, храбрый, скажи Алю, что ты хотел. Убей его на пороге мечты! Или пусть другие пойдут и скажут ему это, глядя в глаза.

Ты напиралась на ценность космических дел для человечества. Да, это так. Но давай помнить о самом первом, извечно первом условии освоения и Солнечной, и дальнего космоса, и для любых грандиозных дел: при исполнении их мы ничего не должны утратить из накопленных ранее богатств духа и ума человеческого. Ничего! Только обогатиться, подняться выше. А если космические дела начнут теснить в нас человеческое, то зачем он, космос? Пространство, Ас, имеет лишь три измерения, в человеке их тысячи.

И не случится, я уверен, бед, которыми ты, стремясь поставить на своем — да, только для этого! — нас пугаешь. Мы дадим Алю просто так больше, чем он взял бы любой хитростью, — и он это поймет. Зачем же ему ловчить! Да и чего бы стоила организационная мощь нашего мира, наше знание жизни, умудренность пяти-тысячелетней историей, если один человек смог бы все нарушить?.. Так что, Астр, я скажу тебе то, что и в прошлый раз: пусть живет, пусть входит в наш мир и будет таким, каким будет. Поможет раскрыть загадку Одинадцатой планеты и Дана — хорошо, а нет — значит, нет.

И последнее: ты, Ас, знаменитый астронавт, талантливый исследователь космоса, но от должностей и занятий, где решаются судьбы человеческие, тебе, по-моему, надо держаться подальше. Или другим удерживать тебя от этого, как угодно. Ты жесток, непроницателен, подвержен элитарному чванству и, самое серьезное, на слишком многое идешь, чтобы поставить на своем... ИРЦ, мнение учителя Иловиенаандра 182 о Линкастре 69/124 не для эфира, только для Совета Космоцентра.

ИРЦ. Принято.

ИЛО. Теперь, если считаешь нужным, ставь вопрос на голосование. Прощай!

9. ПРОБУЖДЕНИЕ № 3

Проснувшись утром, Берн не сразу понял, отчего его переполняет — ну, просто плещет через край! — бодрая, светлая радость. Он вскочил с ложа, выбежал на поляну. Городок еще спал. Красный сплюснутый диск солнца выбирался из-за горизонта между медными стволами. Бы-

ло тихо, свежо, туманно. Крепко пахло росой и хвоей, опавшими листьями. Что-то в мире было не так, что-то надо было вспомнить!

«Хорошо!» Берн засмеялся солнцу. Веселая, озорная сила наполняла его мышцы, каждую клетку тела. Захотелось пройтись колесом, трава просто манила кувыркнуться. А что? Он так и сделал. Ледяная трава обожгла ладони. Колесо вышло на славу: четыре оборота из конца в конец поляны. Он даже не задохнулся.

Неподалеку высилась веерная пальма с шероховатым стволом в темных и серых кольцах. Берн азартно поплевал на руки и полез, смеясь своей прыти, полез, как папуас — не карабкаясь, а будто избегая ногами и руками. Он добрался до чуть-чуть подрагивающих вееров без передышки. Внизу были маленькие домики, из них выходили маленькие люди. Солнце из красного стало оранжевым. Легкие шеренги облаков плыли над корпусами-волнами Биоцентра.

— Эге-геееей! — закричал профессор: просто так, попробовать голос.

«...еей!» — отдалось в деревьях.

— «Мяу-у!» — передразнил внизу кто-то из биологов.

Это отрезвило Берна: что это он, действительно как кот? Он полез вниз. «Что со мной творится?» И вспомнил: тело! Он чувствует новое тело.

...Нет, оно не новое — его. Вот коричневая родинка у ключицы, пятна от прививки оспы ниже левого плеча; вот старый, довоенных времен, шрам на боку, память о студенческой демонстрации, потасовке с полицией — врезал один кованым ботинком по ребрам. Но дело не в том: под кожей с метинами жило не прежнее тело сорокалетнего мужчины, поношенное и деформированное нездоровой жизнью, а крепкое, налитое гибкой силой тело двадцатилетнего атлета. Оно-то и было настоящее, его!

Нет-нет, надо точно вспомнить: в каком, собственно, смысле оно — его? Ведь и в двадцать лет он был не такой — сутулый анемичный юноша. А сейчас — ого-го, оляля! Берн напряг бицепсы, высоко подпрыгнул, схватился за горизонтальную ветку клена, подтянулся, метнул тело вперед, перекувырнулся в воздухе, стал на ноги. «Вот это да! Я никогда не умел так делать».

От толчка желтые листья клена сбросили на него дождь

росинок. Он засмеялся от щекотного наслаждения — и изумился еще одному открытию: кожа умела коротко и резко подергиваться, чтобы сбросить каплю влаги, как у молодых лошадей. Минуту он забавлялся: клал на бедро травинки, веточки — и сбрасывал их движением кожи.

Так поэтому оно и его: владение всем в себе? Нет, вспомнил Берн, есть и сверх того еще, самое главное: он **в ы б и р а л**. Полурастворенный в биологической жидкости, когда к нему сходились щетины зондов и электродов, он необыкновенно много знал — чувствовал (или это жидкость знала?) о себе, о телах человеческих и иных. Он знал не слова, не числа — что-то большее: чувственную суть каждого органа, мышцы, жилки, взаимодействия всего этого, телесную идею себя. Он проникал в это сначала неуверенно, с тайной жутью, но чем далее, тем спокойней. И, постигнув возможности, стал **выби- р а т ь** — собирать, конструировать свой биологический образ: чтобы не слишком могуч, это лишне, но и не тшедушен, чтобы и по характеру, и по внешности, и главное — по миру сему было в самый раз. Поэтому и получилось его тело, в большей степени его, чем данное при рождении.

Берн осмотрелся. Ива у домика Тана была в ржавой охре, клены сияли чистой желтизной, кусты вдоль фотодороги пылали багряно. Все это странновато выглядело в темно-зеленом обрамлении лиственниц, кипарисов, пальм, плюща, но все равно — признаки поздней осени. «Долгонько же надо мной трудились. И вот он — я!»

На него снова накатило ощущение безмятежного счастья — того простого счастья, что не связано ни с событием, ни с удачей. Радостная песня жизни: вот солнце взошло, начинается день, тело полно сил, движения точны, голова ясна, ноздри жадно пьют лесной воздух... мир прекрасен и все нипочем! Берн, не зная, куда себя девать, помчал сломя голову в глубину леса. Трава хлестала по икрам, встречные ветви налепили на лицо и плечи красную мокрую листву — это только веселило его. Наткнулся на дикую яблоню с некрупными янтарными плодами; сорвал несколько, раскусил, причмокнул от удовольствия: с детства он так не лакомился!

Потом он летал. В домике Эоли (того не было) взял

крылья, поднялся на место своего позора, первый уступ лабораторного корпуса, снарядился, попробовал, как слушаются крылья, стоя у края на прохладных плитках. И — с отвагой в сердце, но с замиранием в желудке — ринулся навстречу солнцу.

И получилось. Не могло не получиться, пришло само то, что раньше не давалось. По простым и точным командам нервов крылья расправлялись, забирали под себя упругий воздух, взмахивали, несли его. А он и не думал о нервах и командах — плыл в воздухе легкими брассовыми движениями. Сначала только прямо, потом повороты, вираж с потерей высоты, вираж с набором ее... Сердце замирало и крылья начинали трепыхаться неровно, когда сознавал, как ужасно далеки внизу крохотные домики, деревца, фигурки. Но — преодолел.

...Вспоминая после свой полет, Берн понял, почему Ли не смогла ничего толком объяснить, научить его полету. Для нее, как и для него теперь, это было естественное самоочевидное действие — как ходьба. Попробуй растолкуй ее неходившему.

Но это пришло позднее, а сейчас Берн летал, и ему казалось, что за спиной выросли свои крылья, что это его могучие мышцы толкают тело вперед и вверх.

Лесной голубь-сизяк пересекал путь. Профессору показалось, что он с юмором покосил на него круглым глазом в розовом ободке — он ринулся наперехват, выяснять отношения. Бедная птица улепетывала изо всех сил, но летающий человек догонял ее с ужасным смехом, протягивал руки. Голубь ринулся вниз, под защиту деревьев. Увлечшийся Берн едва не врезался в вершину пирамидального тополя.

За деревьями голубело озеро — овальное, в песчаных берегах. Берн полетел над ним, попал в восходящий воздушный поток, стал кружить, принаравливаясь. Это было искусство — подниматься в нем: все время сносило, он соскальзывал в стороны. Но освоил и парил величественно и безмятежно, описывая вольные круги.

Солнце поднялось над лесом. Небо очистилось от облаков, стало синим и по-осеннему прозрачным. И как далеко, необыкновенно далеко было видно во все стороны с высоты! Неважно было, что видеть: здания Биоцентра, коттеджи, лес, просеки с фотодорогами, озера, вышки среди деревьев, снова какие-то строения вдали, решетчатые

стены с мачтами в дымке у горизонта («Там Полигон», — вспомнил Берн), снова лес, левее его правильные ряды деревьев, река в каскадах запруд... Все это была Земля, планета людей, умное величие мира — и он был к нему причастен. «Как они должны быть сильны духовно, — думал Берн, — эти летающие люди, чей обзор не стиснут домами и кварталами, а разворачивается вот так, на десятки километров!.. Нет, — испугался он, — все это слишком чудесно, чтобы быть на самом деле. Я сплю, я, конечно же, сплю. Разве не доводилось мне летать во снах!..»

Он что есть силы куснул себя за мякоть кисти. Кровь была алой, боль реальной. Реальной! Профессор расхохотался, скользнул на крыло, стал полого планировать к Биоцентру.

Воздух свистел в крыльях и в волосах. Было легко, торжественно и чуть грустно. Не хотелось опускаться на землю. «Может, я выхлестал сейчас залпом всю радость преобразования, дальше ничего такого не будет?.. Нет, вздор, вот оно — тело!» И вспомнились ему, и стали понятны слова Эоли, что тело — и прибор познания, если его хорошо настроить, и орган утонченных удовольствий. Да, теперь его «прибор» хорошо отрегулирован — и на радость жизни, и на познание ее!

...На поляне Берна ждал, задрав голову, Ило.

— Ну, — сказал он, с удовольствием мастера оглядывая приземлившегося, — огурчик! — и помог ему снять крылья.

— Скажи, мастер, — попал в тон Берн, — скажи, творец: и надолго мне хватит этого «чуда дня шестого», чуда, которое и у тебя вышло весьма хорошо?

Ило, морща лоб, несколько секунд вспоминал, откуда цитаты:

— А, книга первая... Лет на сто, если не пришибет метеорит.

— Сто лет?! — Берн отступил в замешательстве: так далеко его планы не распространялись. — И что же мне делать эти сто лет?!

— Что делать? Живи... — Ило надел на свернутые крылья чехол, застегнул и улыбнулся Берну своей простецкой улыбкой. — Все живут — и ты живи!

Часть II. ГРЯДУЩЕЕ ОЗАРЯЕТ НАСТОЯЩЕЕ

1. НЕМНОГО ЗВЕЗДНОЙ ЭКЗОТИКИ

— Внимание! Смотрите все! Наблюдательный автомат НА-129 запланетного пояса зафиксировал прохождение по Трассе «Омега Эрида — Солнечная» первого транспорта антивещества. Смотрите все!

Звездное пространство, каким оно видно за атмосферой: чернота с обилием немерцающих звезд. Самая яркая из них — Ахернар. Левее и ниже ее плывет компактная группа оранжевых пульсирующих точек. Яркость их нарастает, скорость увеличивается. Какой-то миг видно, как точки разбухают в раскаленные шары. В следующую секунду они проскакивают мимо огненными полосами и вдали снова съеживаются в десяток светлых точек. Теперь ниже их пылает, подавляя окрестные звезды, почти точечное бело-желтое Солнце.

Зрелище прокручивается замедленно: видны расплавленные шары; впереди каждого на расстоянии пяти диаметров — темный, заметный только на фоне других шаров и звездной сыпи конус. Что-то исходит из обращенного к шару острия его: с этой стороны в расплавленной массе периодически возникают голубые сварочные вспышки; каждая чуть сплющивает громадину-каплю, распространяет по ней огненную рябь.

— Каждая «капелька» несет от восьми до двенадцати тысяч тонн гранитно-базальтового антивещества из Залежи в Тризвездии, — комментирует сдержанно-ликующий голос. — Сто тысяч тонн в одном транспорте, подумать только! Втрое больше, чем произведено антивещества искусственно за всю историю... Шары раскалены и расплавлены — это результат разгона микровзрывами. Скорость 0,2 от световой, с которой они идут, конечно, велика. В экономическом режиме будем гнать транспорты со скоростью восемь тысяч километров в секунду. Но хотелось, чтобы первый пришел в Солнечную поскорее: ведь его ждут столько лет — и как ждут! Итак, Трасса открыта. Вековая эпопея освоения Залежи антивещества, так трагически начавшаяся, завершена. Отныне человечество владеет неисчерпаемым запасом предельно концентрированной энергии. Поздравляем всех — и принимаем поздравления от всех!

Ило остановил видеозапись, вернул к началу, к выплывающим левее Ахернара светлячкам, принялся задумчиво покачиваться в кресле. Кресло-качалка в домике, такое же в лаборатории, такое же на Полигоне... такое предлагали ему всюду. Это становилось стариковской привычкой. Сейчас он находился в лаборатории, в своей комнате. Полки с магнитофильмами, книгами, инструментами; неприменный шар ИРЦ, экран, эбонитовая доска; многослойный портрет Инда — стриженного добродушного бенгальца; бактериологический шкаф с манипуляторами в простенке между широкими окнами, затененными кроной дуба.

И пять белых автоклавов точной регулировки — с приборами контроля, клавишными пультами — наглухо загерметизированные. О содержимом этих автоклавов тоже могло бы выйти сообщение с ликующими интонациями, не хуже, чем о Трассе. Но — не будет.

— Почему?

— Потому что это не энергия. Энергию не создают, ее находят и добывают. Посредством ее делается все остальное. Без нее любые измышления ума так и остаются измышлениями. Миражами. Они — вторичны.

— А в автоклавах — измышления?

— Реализованные измышления.

— Реализованные в масштабе одной стомиллиардной от возможной величины. То есть почти что и не...

— Остальные 99 999 999 999 долей даст энергия.

— Но... если все от энергии, то не есть ли и все созданное нами лишь какое-то распределение потоков энергии?

— То есть не есть ли все содеянное людьми...

— ...и тобой...

— ...мираж?

Усталые мысли старого человека.

Светит с экрана Ахернар; около него, если приглядеться, можно различить звездную «нить Ариадны» — созвездие Эридана. Залежи Тризвездия у Ω -Эридана, на самом кончике нити.

...Были идеи, а потом и строгие теории, предсказывавшие наличие во Вселенной скоплений антивещества — равноправной с обычным веществом формы материи. И несмотря на знания, на теоретическую подготовку экипажа и специальные приборы — звездолет «Тризвез-

дие» напоролся на Залежь, на астероидный пояс у Ω -Эридана, как средневековый корвет на рифы. Так и осталось неизвестным, как все вышло, но ясно было: не ждали.

Все это случилось давно. Он сам принимал участие дежурным диспетчером Орбиты Энергетиков, перехватывал ту пустую ракету. ИРЦ после открытия Трассы уведомил, что «фонд» Ило возрос на 470 мегабиджей... нужны они ему! Главное — дожил. Нетерпелив человек, нетерпеливы люди: такой проект исполнить в пределах одной, пусть и долгой, жизни!

...И параллельно исполнением его множились замыслы, идеи, новые проекты. Все они начинались с одного тезиса: предположим, что у нас достаточно энергии для...

ВНУТРЕННИЙ ЭПИГРАФ

Солнечная система устроена, с точки зрения человеческого существования, крайне нерационально. Почти вся энергия Солнца, которой хватило бы для пробуждения, развития и поддержания жизни на миллиардах таких планет, как Земля, без пользы рассеивается в пространстве. На двух самых близких к светилу планетах невыносимо жарко — и с этим ничего пока нельзя поделать, Солнце не отодвинешь. Но кроме них и Земли, есть еще десяток шаров вещества, на которых могла бы развиться высокоорганизованная жизнь, если бы им перепало достаточно света и тепла: это планеты от Марса до Плутона, а также наиболее крупные спутники их, включая и Луну. Исключение составляет Юпитер — остывшая звезда, которую раньше принимали за планету, газовый шар, окруженный смертоносным радиационным поясом. С ним нам пока тоже не совладать. Но осветить, обогреть, а затем и колонизовать остальные миры в Солнечной после открытия Трассы будет целиком во власти людей.

Поток тепла и света мощностью в 200 миллионов гигаватт, получаемый Землей от Солнца и поддерживающий на ней биосферу и разумную жизнь 23 миллиардов людей, может быть получен и от ежесекундного сжигания двух килограммов аннигилята в рефлекторах АИ Сов; то есть расход одного килограмма антивещества в секунду. Для других шаров, в зависимости от их места под Солнцем, своя норма. Для маленького Марса, который к тому же

перехватывает немного от центрального светила, достаточно добавка в двести граммов антивещества в секунду. Для Урана и Нептуна понадобится по два килограмма, для Сатурна и Титании — по килограмму. Для Луны ничего не нужно, только энергия на преобразовательные процессы.

В целом потребуется для Солнечной сжигать в помощь светилу около десяти килограммов антивещества в секунду, или триста тысяч тонн его в год. Цифра фантастическая, если сравнить ее с количеством синтезированной антиртути. Цифра ничтожная, если сопоставить ее с ежегодной убылью массы Солнца на излучение и помнить, что эта энергия заменит Солнце десяти мирам. Но главное: цифра реальная. Мощность Трассы в первые же годы после открытия может быть доведена до полумиллиона тонн в год с накоплением избытка для других дел.

Какие преобразовательные процессы возбудит эта энергия на холодных чужих мирах, чтобы, минуя долгий бестолковый путь естественной эволюции, привести их в нормальное квазиземное состояние? Ясно, что процесс всюду будет один: труд и творчество многих миллионов людей.

Из доклада
«Перепроектирование Солнечной системы»

И вот слово «будет» можно заменить на «есть». Уже готовы, сформированы миллионные отряды переселенцев на каждую планету

Испытания АИСов у Сатурна прошли блестяще, конструкция себя оправдала, десятки таких устройств, «помощников» Солнца, скоро займут свои места. И энергия для них есть.

— ...Но все же, все же, все же чем эта растянувшаяся на четыре парсека Трасса. в одну сторону тянется вереница пустых роботов-гонщиков, в противоположную «груженные», с шарами, у Тризвездия загрузка, здесь разгрузка, — чем отличается она от старых, ныне музейных эскалаторных лент, которыми уголек из карьеров на-гора выдавали? Только масштабами. Вот то- и есть. Потому что энергия первичная реальность.

— Но вело к ней знание. Освоили, познав. И у тебя — знание.

— То первичнее, нужнее.

— Но ведь здесь о жизни. О жизни по-крупному. Куда же первичнее!

— Нет той нужды. Живое субъективно, оно стремится к истине о себе, только когда совсем зарез. В остальных случаях его занимают истины о другом и других — объективные истины. В этом разница открытия у Тризвездия и моего, в автоклавах.

— Значит... ложь умолчанием?

— Нет. Истина умолчанием. Я не знаю до конца. Тот случай, когда молчание честнее слов.

Кожа на внутренней стороне рук зудела. Ило взглянул: так и есть, сыпь.

Он сосредоточился. За минуту сыпь и покраснения исчезли, кожа стала гладкой, упругой — молодой. Так каждый раз: как поглотит глубокая мысль, сильное переживание, вегетативные нервы выходят из-под контроля. Да оно и пора

«Творческий человек должен жить столько, сколько ему надо для исполнения всех замыслов» — гордый тезис Ило. Жить — не просто существовать, превосходить других в работоспособности, понимании мира. Гореть ярче. Он, биолог, знал и умел это.

— Вот ты и дожил до завершения самого крупного замысла.

— А не лучше ли было — не дожить?

— Если на то пошло, это в твоей власти.

— И пусть дальнейшее решают другие? Трусливая мысль...

«Э!..» Ило с досадой дернул головой, развернул кресло к сферодатчику:

— Иловиенаандр 182 просит Эолинга 38, где бы он ни находился, прибыть к нему в лабораторию!

«Лучше спорить с ним, чем с собой».

...И его замысел начинался с допущения, что энергии вдоволь. И еще с одного: жизнь штука крупномасштабная, наилучшая лаборатория для создания ее — планета, где ее еще нет.

Поэтому у них на Полигоне вся площадь под герметичным шатром, десятки квадратных километров, и была засыпана глыбами и осколками минералов с Сатурна и Луны, Марса и Титании, с Ио и Нептуна. Хоть и мало этот фундамент отличался от имеющегося в литосфере Земли,

но — для чистоты опыта. Берем самое первозданное, от начальных «доменных» процессов образования планет, засосавшее в расплавленные окислы весь кислород, самое безжизненное, вымороженное космическим холодом и метановыми вьюгами. И атмосферу такую же, от диких планет — из летучей, вонючей мерзости, которую не приняла твердь: метан, аммиак, сероводород, хлор, угарный газ, чуть-чуть азота. Скоплений воды на тех планетах не имелось — и у них на Полигоне тоже. Воду еще требовалось доказать.

И атмосферу надо было доказать — возможность получить из первичного газокаменного безобразия в изобилии кислород, уголекислоту, азот — весь набор.

А хорошо бы еще — почву... Воздух, вода, почва — три древних начала жизни. И четвертое — огонь.

Самое первое — огонь. Энергия.

Движение воздуха от двери. Золи быстро вошел, повернул спинкой вперед стул, оседлал. Он был разгорячен полетом.

— С Полигона? — спросил Ило. — Ли там?

— Нет. Улетела с Алем.

— Куда?

Пожатием плеч молодой биолог выразил не только, что он не знает, куда эти двое полетели, но и что ему до этого совершенно нет дела. Ило сочувственно сощурил глаза, но сразу отвел их в сторону, чтобы и этим непрошеным сочувствием не задеть самолюбие помощника. Переменил тему.

— Ну, как наши зверушки?

— Плодятся, едят и умирают. И снова плодятся, снова едят. Сильные хватают слабых, те боятся. И в глазах у всех вечный вопрос живого: зачем мы? А кстати, зачем?

— Не знаешь?

— Можно подумать, что ты знаешь!

— Знаю: просто так.

Золи внимательно взглянул на своего наставника. Ило никогда ничего не говорил ради красного словца: любая реплика, любое слово отражали зреющую в нем мысль или новое решение.

2. ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ДИАЛОГ

ИРЦ. Соединяю Альдобьяна 42/256 с Этосом 53 и Реминной 28 из Института человека на Кубе, по их вызову.

ЭТ. Здравствуй, Аль. Инн и я исследуем природу «атавистического рефлекса перехода» у детей. Что-то у нас не ладно. Решили обратиться к тебе за консультацией.

БЕРН. Рад буду помочь.

ИНН. Этот рефлекс наблюдается примерно у половины детей. Когда ребенок переходит дорогу, то сначала поворачивает голову в одну сторону, а за серединой дороги — в противоположную: влево, потом вправо. Нейроизмерения показывают, что дитя вертит головой в инстинктивном ожидании опасности. Какой? В какое время она проявляла себя как устойчиво повторяющийся раздражитель? В твое время у детей был такой рефлекс?

БЕРН. Хм... Рефлекса не было, но как раз существовала причина его возникновения: правила движения по улицам и дорогам. Они и закрепились. Исследуемые вами младенцы — потомки горожан или жителей пригородов. И тем, и другим приходилось, пересекая дороги или улицы, смотреть в оба: то влево, то вправо — чтобы не оказаться под колесами.

ИНН и ЭТ. Как, разве машины тогда не уступали дорогу людям?!

ИНН. Что-то очень уж просто. Не путаешь ли ты? Ведь у части детей мы наблюдаем и «аномальный рефлекс перехода»: поворот головы сначала вправо, а за серединой дороги — влево...

ЭТ. Да ведь отворачиваясь от опасности — от машин, по-твоему, — не уцелеешь! Такое поведение не могло закрепиться рефлексом у потомков, закрепляется способствующее выживанию.

БЕРН (*с улыбкой*). По теории — правильно. Но историческая практика была такова, что в одних странах было правостороннее движение, а в других — в Британском содружестве наций, например, — левостороннее... Знаете что: проверьте реакции детей с «рефлексами перехода» на зеленый и красный свет. Смысл его во всех странах был одинаков. Если реакции у тех и других детей совпадут, то и спору конец!

ЭТ. Хорошо, проверим. Спасибо, Аль.

ИНН. Спасибо, Аль, прощай!

3. БЕРН, ЛИ И УВЕРЕННОСТЬ

Это было утром. А сейчас, во второй половине дня, Берн и Ли летели к месту, где в пустыне, а затем в лесу находилась его шахта и кабина-снаряд, где состоялась встреча профессора с будущим. Берн — показать, а Ли — посмотреть на место подвига и страдания своего любимого. Потому что да — теперь Аль ее любимый. Навсегда-навсегда!

Все получилось так неожиданно. Она все настраивала себя полюбить Эоли, только хотела его еще поморочить — уж очень было занятно, как он, сильный, интересный, всеми уважаемый, теряется перед ней до искательности. Настраивала-настраивала — а потом появился Аль. И было жаль его, искалеченного, и страшно, что не спасут. А потом очень интересно было узнавать и понимать, хотелось, чтобы ему было хорошо и не одиноко. И наломала таких дров, самонадеянная девчонка! Прибавилось чувство вины, огорчение, что несовершенен, и радость, когда Аля удачно преобразовали в машине-матке. Радовалась больше, чем чему-либо. И поняла, что прикипела сердцем, что дорог. Влюбилась, втюрилась по самые уши. Навсегда-навсегда.

Для Берна все получилось не менее неожиданно. Не то чтобы он не был влюблен в Ли — был. Почти так же, как и в Ис, Ан... как чувствовал сердечное влечение едва ли не к каждой женщине здесь.

А Ли по юной неопытности приняла его общее влечение за влечение именно к ней — и взяла инициативу в свои руки. Но и в этом она была права: уж ею-то профессор любовался более других. Только считал, что шансов на взаимность у него не более, чем на взаимность со звездой.

...Да, он изменился за минувшие месяцы, Альфред Берн. Осмотрелся, обжился в новом мире. Стал спокойней, солидней.

Вот они летят невысоко над лесом при попутном ветре. Ли резвится, вьется ласточкой, подтрунивает над его манерой степенно взмахивать крыльями: «Ты будто буксируешь целый состав!» А он просто летит — спокойно и экономично. Поэтическое отношение к полетам у него давно минуло: неплохой способ передвижения, но... за рулем автомобиля он чувствовал себя не хуже.

И паря на крыльях, Берн с удовлетворением думает

(как думал бы за рулем своего автомобиля), что между Кубой, откуда с ним связывались эти двое, и Гоби, что ни говори, полный диаметр планеты: ближе не нашли человека, который внес бы ясность; и что если его мнение подтвердится (а так и будет), то им придется прекратить бесперспективные изыскания, а ему ИРЦ начислит еще некую толику биджей.

Берну крупно повезло со способом анабиоза: подобный, с использованием бальзамирующего газа, применяли в астронавтике для экономии времени жизни при дальних полетах. Факт его появления красноречиво утвердил его пионером этого дела; получилось, что Берн внес вклад, который наиболее ценили в этом мире, — вклад творчеством. Да еще в такую важную область деятельности. ИРЦ, подсчитав экономию, начислил в «фонд» Берна изрядное количество мегабиджей.

...Денег не было — но счет был. Да и странно, чтобы в мире, где считали тонны, ватты, парсеки, штуки, гектары, не измеряли бы количество труда и творчества и не имели для этого единиц. Такая единица была отличной от прежних стихийно-меновых, сделочных: она шла от понятий «антиэнтропийность», «расширение возможностей». Поскольку такое расширение сводится в конечном счете к овладению все большими знаниями и все большей энергией (или, что то же, к уменьшению расхода ее и к устранению заблуждений), то и название единицы совмещало меру того и другого — «бит-джоуль». Сокращенно — бидж. Сам этот квант человеческой деятельности был мал, практический счет шел в кило-, мега- и даже гигабиджах.

Не так и важен был для Берна мегабиджевый фонд, не пропал бы он и без него. Проблемы добывания житейских благ, так много сил и нервов отнимавшие у него прежде, здесь не существовали. «Ущемления» не имевших или имевших малый творческий и трудовой вклад касались более сторон моральных: считалось неприличным жить в кредит после тридцати лет, неприлично было и, живя в кредит, заводить детей; не стоило таким «должникам» и претендовать на участие в интересных сложных работах... И в этих немаловажных признаках Берн оказывался в более выигрышном положении, чем многие другие, особенно молодые. Он мог даже, взяв на себя недостаточность вклада Ли, завести с ней семью.

Вот только следует ли? Пара ли она ему?

Конечно, ему хорошо с ней, он за многое ей благодарен. Именно Ли а не консультации и не биджевый фонд — сообщила ему уверенность, ту главную уверенность в себе, которую черпает мужчина в любви женщины. Все эти дни он обнимал ее с чувством покоя и владычества, как Вселенную. С ней Берн почувствовал, что обеими ногами стоит на этой земле. Но... хорошо сейчас не значит хорошо всегда.

Нет, жить в этом мире было можно. Вполне. Берн на лету вспоминал мысль, с которой начинал свой опыт: если он удастся, то тем самым он, Берн, так высоко поставит себя над временем и бурлением житейским, что для него все окончится хорошо. А что так и вышло: ведь чего только не творилось на Земле в эти века, а с ним все в порядке, даже выглядит лучше прежнего.

«Эй, не спеши самообольщаться! одернул он себя. — Этот мир не так прост».

...За эти месяцы Берн освоился в Биоцентре, побывал во многих окрестных местах и всюду всматривался в людей: в чем они прежние и в чем изменились?

Вроде все было похоже. Работали — может, более искусно, напористо, красиво. Гуляли, отдыхали. Даже, случалось, пировали с вином и песнями — разве что пили меньше, пели больше. Так же разве что веселей и ловчей танцевали. Так же целовались. Женщины все так же были разговорчивее мужчин — за счет бесед 2-го порядка: «Я ему сказала», «Он мне сказал»... Будущие мамы так же важничали с оттенком мечты.

Похоже играли в мяч, в шахматы — и даже новые, с применением биокрыльев, игры все были играми: в них радовались победе, болели, огорчались поражениям.

Но в житейских занятиях исчезла завихренность, сник прежний судорожный оттенок, что вот-де в этом — все. Вещи, дела, развлечения, общения, близость, успех, победы и поражения — все было. Но это было не все — самая малость разумной жизни, ее обыденность.

Над всем будто парила невысказанная мысль.

Мир был цивилизован, мир был сложен. Взять этот ИРЦ... Однажды Берн заказал ему воспроизвести видеозапись того своего «интервью» перед человечеством. Первый раз смотрел, сгорая от стыда. Потом, заинтересовавшись, воспроизводил еще и еще, чтобы разобраться: в чем фокус?

В сферодатчике эффектно восседал в плетеном кресле, упивался общим вниманием и опасался его, говорил, обдумывал, жестикулировал он, Берн, но вместе как бы и не он — гениальный актер, исполнивший его роль с беспощадной, точной, обнажающей выразительностью. Облик, интонации, мимика, слова — все было его; но во всем так искусно ступшено случайное, лишнее, а тем и выпячено существенное, создающее образ, что... какое уж там было пытаться обмануть! Все тайные, как он считал, соображения, тщеславное беспокойство — поэффектней, повыгодней подать себя, психическая трусость — настолько были у всех перед глазами, что, видя это в шаре, Берн стонал, кряхтел и хватался за голову.

«Ой, как ты это сделал?!» Если бы Ли не задала этот вопрос, секунду спустя он пришел бы откуда-нибудь из Антарктиды.

А сама Ли — в этом он убеждался неоднократно — выглядела в сферодатчиках такой, какая она и есть, без доигрывания ее образа кристаллическим мозгом. И Ило тоже. Но не все так: Эоли по ИРЦ всегда получался, к примеру, более золистым, чем в натуре.

Но замечательно было то, что это свойство ИРЦ — выделять глубинную суть, обобщать до гениальной выразительности образную информацию — не имело, как понял Берн, ничего общего с актерским искусством. Это было техническое, равнодушное к добру и злу свойство информационной контрастности, чем-то близкое к способам получения контрастных изображений на пленке, экранах телевизоров или нечеловечески сильной речи в динамиках. Такие эффекты в живописи и риторике целиком относили к высокому искусству — пока не научились достигать их поворотами ручек в электронных устройствах. Вот и здесь нашли, какие ручки надо вертеть.

«Мир — театр, люди — актеры». Только раньше они были, как правило, бездарные актеры — и приходилось им покупать билеты на спектакли и фильмы, чтобы поглядеть, как надо по-настоящему играть в жизнь. Нынешним театр был ни к чему.

«В этом все и дело, — думал Берн, — все отличается на понимание и выразительность. На понимание благодаря выразительности — и на выразительность, возникающую из глубокого понимания мира и себя. В этом и мне надо не плошать».

...Что и говорить, многое отличало летящего сейчас в паре с красивой девушкой хорошо сложенного мужчину, обладателя фонда, умника и душку, от найденного в этих местах бедолаги с разломанным черепом. Многие сообщают уверенность. Но не спешит ли он чувствовать себя хозяином жизни?

Что есть личность, где она прячется в человеке? Вот ему трансплантировали важные части мозга, глубоко преобразовали тело, а все равно он Альфред Берн из XX века, гость и чужак в этом мире, хоть и не прочь стать своим, преуспеть. Личность есть отношение — ко всему в себе и вне себя. Отношение формирует восприятие, представление, реакции — жизненную позицию. Где оно сосредоточено, это отношение, в каких тканях, клетках, нейронах? Оно везде, оно нигде.

Возможно проспять века в анабиотической установке, но преодолеть так историческую дистанцию к новым людям, нельзя. Эти люди дали Берну щедрой мерой все, чтобы приблизить его к себе, — девять десятых пути пронесли его, можно сказать, на закорках. Но одну десятую он должен пройти сам. И это тоже немало.

Что есть время? Время ничто — изменения все.

4. ВТОРОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОЕКТУ

— Скажи: что было самое трудное в нашей работе?

— То, что и у всех экспериментаторов: чисто поставить опыт

— Да, — кивнул Ило, — чисто поставить опыт. Задать условия дикой мертвой планеты, не отрываясь от Земли. Но не как у всех. Вспомни: труднее всего удавались эксперименты здесь, в лаборатории. В автоклавах и бассейне. Хотя, казалось бы, чего нам желать: все контролируется, регулируется, широкий спектр режимов, мгновенные анализы, любые присадки — лабораторный рай! И чего же мы достигли в этом «раю»?

— Круговорота веществ на бактериальном уровне в газовой среде и на уровне синезеленых водорослей в воде. Микронные битумные почвы на камнях, от действия флористых бактерий.

— Да. Ничтожный пробирочный круговоротик, который в первые же часы выходил на насыщение. Далее.

Перешли в камерный сорокагектарный ангар. Хлопот, по идее, должно бы прибавиться, а их, если помнишь, убавилось...

— Ну, еще бы! — оживился Эоли. — О контроле в каждой точке там не могло быть и речи. Выборочные анализы, а в остальном — продувки атмосфер, смены фундаментов, регулировки давлений, температур, полей. И наблюдение общей картины. Мы тогда посвежели, поправились.

— И достигли гораздо большего. В ангар воду не подавали — выделяли ее из камней с помощью оксибактерий. И метаноаммиачную атмосферу сдвигали к живительной кислородо-углекисло-азотной. И размножались в ней не только вирусы да бактерии, но и споры. А от них в азотистокремниевых почвах уже толщиной в миллиметры! — вырастали лишайники, бархатные мхи. А в лужах — тина, ряска, жирный ил...

— Ну, ясно, — тряхнул волосами молодой биолог. — На Полигоне, где мы вытеснили все живое на площади семь на восемь километров да на полкилометра ввысь, затраты труда и вовсе были несравнимы ни с масштабами опыта, ни с его результатами. Только изолироваться от среды да управлять энергетикой...

— Вот, — поднял палец Ило, — энергетикой...

— ...и от начальной дичи и хаоса посредством пяти видов бактерий и обилия энергии пришли к почве, влаге, атмосфере...

— За недели!

— ...к травянистой растительности, к насекомым...

— За месяцы.

— К травоядным животным величиной с жука-рогача, но позвоночным, и к кровоядным хищникам таких же размеров...

— За два года. Три каскада биологической регуляции: растения — травоядные — хищники, — подытожил Ило. — Гомеостат, который не так просто вывести из равновесия.

— А на планетах, хочешь ты сказать, тем более?..

— Вот именно.

Оба замолкли. Им не надо было много говорить друг другу.

«У природы нет ни станков, ни двигателей, ни приборов. Она только смешивала растворы, осаждала, испаряла, нагревала, охлаждала их. Так и получилось все живое». Программное изречение Инда, Индиотерриотами 120,

создателя материков. Если нажать кнопку под его многослойным портретом — вторую в верхнем ряду, — он и сейчас произнесет его, кивая в такт словам, тенорком и с кроткой улыбкой.

Ило — это школа Инда.

У Инда, кстати, тоже в лаборатории не шибко получался направленный рост кораллов. В морях куда лучше.

...И вот, похоже, они вышли на магистральный путь природы, который вел от протопланетного хаоса к устойчивой биосфере: энергетика плюс микробиология. Только преобразования природы противоречивы, неокончательны и бесцельны. А если повести дело целенаправленно, грамотно, с напором, то на эволюцию тонюсенькой кожиры планет вовсе не надобны миллиарды лет. И века не надо, и десятилетия.

Еще в начале века, после создания и обживания новых материков, на Земле стала ощущаться нехватка проблем — особенно серьезных и обширных, требующих напряжения ума и сил. А надо, крайне необходимо, чтобы не замшеть, чтобы впереди маячило что-то; пусть будешь играть в этом не первую роль, пусть не доживешь до конечного результата даже — все равно сознание, что трудом и идеями причастен к дальнейшему движению человечества, наполняет жизнь больше благополучия.

Вот открытие Залежи и создание Трассы и наполнили смутное томление миллиардов душ конкретным смыслом. Идея Колонизации постепенно превратилась в массовое стихийно-творческое движение. Главным в нем был отбор и подготовка переселенцев, формирование отрядов; менее главным, но более массовым — создание устройств, машин, способов, систем связи, материалов... всего, что помогло бы жить и распространяться на далеких планетах, преобразовывать там природу.

Золи принадлежал к тому большинству людей, которые участвовали в движении Колонизации, что называется, от сих до сих: он делал трудовой и творческий вклад, но сам покидать Землю и в мыслях не имел. Не то чтобы он был меньше романтиком в душе, чем будущие переселенцы, — нет, просто свою романтику он видел в ином. Дай ему бог здесь, в комфортных условиях, управиться с одолевающими мозг замыслами.

Поэтому и над Биологической Колонизацией, темой

Ило, он трудился хоть и добросовестно, но спокойно, душу не вкладывал — идеи здесь принадлежали не ему. Перспективы применения ее рисовались ему в виде тех же шатров-полигонов, посредством которых переселенцы будут отхватывать на диких планетах участки, обживать их, строить новые полигоны, потом еще и еще. Даже в таком виде этот способ явно превосходил другие.

Но сейчас мысль-затравка Ило стала кристаллизовать в воображении молодого биолога, как в перенасыщенном растворе, иные — яркие, почти зримые — картины.

Уран, вымороженный, оледенелый, в оспинах метеорных кратеров на волнистых плато (он был на Уране, брал там минералы для Полигона). Маленькое негреющее Солнце среди звезд. Шесть рефлекторов АИСов на орбите — пятнышки на фоне Млечного Пути. Вот они вспыхивают вместе. Кольцо голубого ядерного огня обжигает планету. Побольше сейчас его туда, пожарче, поярче — пусть растекаются, обращаются в клубящийся туман аммиачные вековые льды, лопаются от перепада температур скалы; пусть даже от неумеренного нагрева пойдет тектоническими трещинами кора планеты, рухнут или полезут друг на друга горные хребты. Это как раз то, что нужно: пробудить, встряхнуть планету, взбаламутить ее поверхность. Вернуть к началу времен.

Планета разбухает, растет на глазах за счет многокилометровой мути первичной атмосферы. АИСы меняют режим: максимум жара и яркости переходит теперь от одного «солнца» к другому по стационарной орбите. Тепловой фронт движется по каменистым пустыням Урана, гонит перед собой волну давления — закручивает вокруг экватора и всех широт ветер, едкий пыльный ураган. Атмосферный вихрь — первый аккумулятор энергии. В нем уже грохочут, озаряют синими вспышками облака первые безводные грозы. Потоки ионов включаются в вихрь, создают магнитное поле планеты — необходимый ингредиент будущей биосферы.

Только без жизни все это попусту. Переключатся АИСы на спокойный режим — прекратятся ветры, утихнут грозы, осядет пыль; планета вернется в спячку. Изменяют они режим на противоположный — все послушно взбаламутится в другую сторону. Гомеостаза нет.

Основная идея Ило: биосфера во всех ее проявлениях есть признак закрученного вокруг планеты устойчивого,

идеально гладкого энергетического вихря. (Нам он не кажется идеально гладким только потому, что мы не представляем, что бы творилось на планете без биосферы от самых малых изменений космической или солнечной «погоды».) Самое тонкое регулирование энергии осуществляется через обмен веществ в живом.

И вот теперь их очередь. Маленькая ракета, управляемая им, Эоли, кружит над Ураном у самой границы дымящейся атмосферы, сеет в нее ампулы с культурой № 1 — из первого автоклава — нитрофтористыми бактериями. Ампулы лопаются в горячих облаках метана-аммиака-сероводорода. Бактерии начинают питаться и делиться в родной среде; счет жизни у них на секунды.

В первый день ничего не будет заметно. На второй в атмосфере появятся завихрения, вороночные провалы — и она исчезнет, выпадет на поверхность планеты серо-желтыми хлопьями! Многометровый слой их покроем все хребты, долины и ущелья Урана.

Человек в ракете снова кружит над желтыми боками планеты. Поворотами рукояток гасит «солнца» над собой. Высеивает на Уран культуру № 2, оксибактерии — деликатный, не терпящий ультрафиолета и жестких лучей продукт. Вот они впитались в «снег» из первых мертвых бактерий. Полный накал АИСов — «снег» начинает таять, стекать в низины.

Потоки активизированного живого состава въедаются в литосферу, растворяют камни, пыль, песок — делают из них почву. Даже почвы: глиноземные, красноземные, железистые, лёссовые — в зависимости от того, какая подвернется порода.

Новые круги в ракете над пятнистой, меняющей цвета поверхностью — высеяна культура № 3. Подогрев АИСами — и забродила, запенилась живая жижа! Новая атмосфера поднимается над скалами и болотами: еще с вонью и смрадом брожения, но уже и с голубоватой дымкой от присутствия кислорода и воды... Последние два посева стимулируют выход углекислоты, азота, влаги — побольше влаги, главное! Пусть выбродятся болота, уйдет в атмосферу вода, рассеется горячим паром по всем просторам. Теперь, если уменьшить накал «солнца», она соберется в сплошные тучи, под которыми снова скроется поверхность Урана.

...И отверзнутся хляби небесные, и хлынет на рождающуюся землю ливень, и будет он идти много дней и ночей, и омоет новый лик планеты. И нальются моря и озера, начнутся реки, закишит в них живность — пока еще мелкая, планктонная. И распространится она на сушу спорами, микробами, плесенью. Если подождать, то из всего этого образуется многоклеточное, долгоживущее — во многих переплетениях и связях. Но если не терпится, можно не ждать: запускать в воду мальков и икру, высевать на почвах злаки, разводить птицу, скотину, зверей. Теперь и это все впишется в мощный гладкий круговорот веществ и энергии.

Принимайте, люди, планету! Газовый состав и влажность атмосферы в норме. Средняя температура и отклонения от нее — почти как на Земле. Ассортимент и качество почв соответствуют техническому заданию; соотношение водоемов и суши — тоже. Живите! Вам не придется блуждать здесь в скафандрах среди аммиачных бурь, погибать от голода, жажды, удушья при перебоях в снабжении, тосковать под герметическими шатрами о вольных просторах. Вам незачем творить мир из хаоса — за вас это сделали бактерии и энергия.

Эоли повернул голову к Ило. Лицо его было бледным, темные глаза сверкали.

— Послушай, это же прекрасно!

5. БЕРН И ЭХХУ

Они опоздали — снаряда на месте не оказалось. Только вывернутое при подъеме дерево — увядшее, высыхающее. Неподалеку торчал на высокой ножке сферодатчик; раньше его не было. К нему и обратились с вопросами.

ИРЦ сообщил, что снаряд Берна увезен в Музей астронавтики в Астрограде, помещен там в отделе анабиоза — как образец самой древней установки такого рода. Шар показал зал в музее: посреди его стоял почищенный и украшенный табличкой снаряд, вокруг толпились посетители, ко входу в кабину выстроилась очередь. Сферодатчик изъявил автоматическую готовность рассказать и показать историю пришельца из XX века — для того он здесь и поставлен.

Но конечно же, Ли предпочла, чтобы Аль рассказал ей все это сам.

...Подлетая сюда, Берн сделал над лесом широкий круг, чтобы убедиться, что эхху поблизости нет. Ли уверяла, что на двоих они ни за что не нападут, — но для покоя души ему хотелось знать, что и нападать некому. И все равно, когда он описывал Ли их лагерь, какая здесь была пустыня, как проснулся, как вывинтился из грунта его снаряд, как вышел в лес и в ночь, шел по просеке, встретил кабана, убегал от стада эхху, и показывал все места, — то полному удовольствию от ее взволнованного внимания мешало зудевшее в уме: «А они где-то здесь, дикари. Их стойбище близко...»

Конечно, как мужчина и рыцарь, он не торопил Ли, но и не давал ей повода задержаться, увел после осмотра места его драмы подальше. Просека вывела их на обширную поляну. Здесь на пологом холме громоздились скалы и валуны с черной матовой поверхностью, выдававшей их искусственное происхождение, в траве валялось много цветных мелков.

— А, — сказала Ли, — новый эксперимент Эоли!

Пустотелые эбонитовые «скалы» и «валуны» были доставлены сюда вскоре после опыта «обратного зрения» с участием Берна — чтобы проверить, не проявляется ли у гуманоидов склонность к наскальной живописи. И верно, прорезалась у них такая склонность: матовые бока скал на высоте роста были украшены рисунками.

Берн и Ли ходили, рассматривали. Примитивные, часто незавершенные фигурки птиц, диких кабанов, косуль. Вот сутулые человечки (видимо, сами эхху) заносят палицы над трудно опознаваемым зубробизоном. По характеру рисунков и по степени их удачности можно было угадать разных авторов-дикарей. Были и упрощенные почти до схем рисунки летающих людей: крылья из двух линий, ласточкиными серпиками.

А вот — это уже было интересней! — сложный, запутанный рисунок во весь гладкий бок валуна: понять можно только, что Летуны повержены, сутулые победители заносят над ними карающие дубины. На соседней скале фигура Летуна с распростертыми крыльями вся усеяна метинами и щербинами; трава у подножия засыпана камнями, осколками мелков. «Эге, — подумал Берн, — метали камни в фигуру, «убивали» изображение. Тренирова-

лись?...» У него пропал академический интерес, захотелось быть подальше отсюда. И когда они, забравшись на эбонитовые скалы, надели биокрылья и стартовали в обратный путь, Берн вздохнул с облегчением.

Увы, ненадолго: улетаая из городка, они не заправили крылья АТМой, не захватили ампул. И после первых километров в воздухе те движения, которые исполнял биоэнергетический концентрат, пришлось со все большими усилиями делать самим.

Первая запыхалась Ли.

Да ну его! — сказала она. Пойдем пешком, здесь близко.

6. СПОР

Ило хорошо понял, какие видения мелькнули в уме молодого биолога: сам так грезил.

— Что прекрасно? Что мы отнимем у десятков... нет, теперь уже у сотен миллионов людей, — проговорил он сухим рассудочным голосом, долго вынашиваемую мечту? О том, чтобы именно в скафандрах. Сквозь рев студеных метановых ветров, через бурные и едкие потоки. Чтобы карабкаться по скалам, перекидывать через ущелья мосты — и приходить на выручку попавшим в беду. О том, чтобы слабые отступали, а сильные выдерживали, преодолевали и знали себе цену. И чтобы у них рождались сильные дети. Чтобы трудами и опасностями проверялась дружба и любовь. Чтобы не в комфортабельных занятиицах, не в необязательных исследованиях и спорах, а в полном напряжении сил и ума проверялось: кто человек, а кто прикидывается. О том, чтобы сделать свою планету обетованной... сделать, а не перебраться с одной на другую такую же!

— А чем сделать-то? Чем?! — взвился Эоли. Этим?.. — подскочил к проектору, вставил в паз новый диск, нажал кнопку.

Экран показал, как среди покрытых мохнатым инеем бугров ползет-переваливается, скребет по камням гусеничными траками конусообразный снаряд. За широкой кормой-зевом остается темная рыхлая полоса. По сторонам находились люди в скафандрах.

— Вы наблюдаете за испытанием в естественных ус-

ловнях электрохимического планетопроектирующего комбайна «Нептун-1», — сообщил автомат-информатор. Он разработан инженерами из 4-го отряда по колонизации Нептуна для прямой переработки каменистого грунта и аммиачной атмосферы планеты в азотосодержащую, богатую влагой почву. Конструкторы обещают, что комбайн сможет перерабатывать до тысячи тонн грунта в сутки...

Так чем сделать: огородными комбайнами типа «Нептун»? — Эоли выключил проектор. Тысяча тонн почвы в сутки, подумать только! Один гектар за пять дней. Да планете это — как слону дробина!

— И комбайнами «Нептун». И обогатителями Аспера. И электролизерами серии «Т». И стратегией комплексной колонизации. И даже применением зажима Арта в переходных отсеках гермопалаток... Всем понемногу, что напридумали за век освоения Трассы, век мечтаний и проектов. И тем, что готовили себя. Совершенная моторика, выносливость, самозалечивание — зачем они на Земле? Здесь и без них неплохо. Ило встал с кресла, прошелся по кабинету, сел на подоконник. — Мы больше отнимем, чем дадим, понимаешь? Отнимем цели, к которым десятки миллионов переселенцев готовили себя, а взамен подсунем благополучие. Является ли благополучие целью человеческой деятельности? Пока его нет, кажется, что да, — но это только пока его нет.

Подожди-подожди! — Эоли поднял ладони. — Почему отнимем? Разве мы кого-то принуждаем действовать нашими методами? Мы через ИРЦ доводим до сведения человечества о наших результатах, о перспективах Биокolonизации. Это включается в арсенал возможностей наряду с другими. Кто желает, использует, а нет пусть катается на комбайне «Нептун» и пристегивает зажимом Арта хоть правое ухо к левой ноге. Их дело.

Ах, как ты не понимаешь! — Ило в отчаянии хлопнул себя по бедрам. — Не наряду с другими наш способ делать биосферу планет, совсем не наряду. Каждый, узнав о нем, поймет: дураком надо быть, чтобы теперь придерживаться иных — мелких и трудных — методов. Просто кретином. А раз так, то побоку и они, и мечты, и планы, инициативные группы, переселенческие отряды, в которых уже распределены обязанности... все. И все

будут чувствовать себя дураками, обобранными. Можешь ты поставить себя на их место?

Ило в самом деле испытывал отчаяние. Он позвал Эоли, чтобы тот силой своего ума, логики, таланта (богат был этим его помощник, он знал) разрушил его доводы. А тот высказывал пустые, дешевенькие соображения, какие Ило давно развенчал в мысленных спорах с собой.

— Могу. Но не хочу, — сказал Эоли. — С какой стати! Почему бы им всем теперь, с учетом нашей новинки, не наметить себе иные цели на биокOLONизованных планетах?

— Какие, не мог бы ты сказать?

— Ну... такие, как и на Земле. Мало ли!

— Вот именно: такие, как и на Земле... — Ило горестно усмехнулся. — Тогда зачем улетать? Здесь места хватает... Теперь ты понимаешь, на что мы покушаемся этим? — Он показал на автоклавы. — На тысячелетия героической истории. Без биосферы нельзя, а без истории, думаешь, можно?!

— История пота, нужды и скрежета зубовного... сказка про белого бычка!

— Не говори так, это то, в чем проверяется человек. Мы клянем войны, с ужасом вспоминаем о гражданских междоусобицах и кровавых бунтах. С теми же, только более свежими чувствами поминаем Потепление... Но за каждым падением следовал взлет. И нынешний мир, нынешние мы — следствия всех тех причин. Всех — а они и есть история! И если лишить людей на новых планетах... необязательно того же, что было здесь, пусть чего-то своего — но непременно требующего напряжения ума и сил, риска, жертв, сильных переживаний, свирепой радости побед... и даже горя утрат, да! — если лишить их всего этого, то вырастет ли там из переселенческих отрядов, хоть и миллионных, такое, как на Земле, человечество? Или вырождаются все?.. Теперь ты осознаешь ответственность?

Но пробрать Эоли было нелегко. Он пересел в кресло Ило, закинул ногу на ногу, качнулся, посмотрел на наставника с прищуром:

— Слушай, Ил, если ты так сетуешь о героике, считаешь, что она ныне дефицит, то... давай взорвем ИРЦ-главный. И еще Евразийский да Северо-Американский,

которые могут взять на себя его функции. А? Вот тогда будет навалом героики, романтики, жертв, напряжения сил... всем хватит. Пару аннигилятных зарядов в туннель — и... А какие об этой поре станут слагать песни!

Лицо Ило сделалось усталым, старым. Он подошел к Эоли, треснул его по затылку так, что тот, вылетев из кресла, упал на руки, сел на его место и долго молчал. Эоли поднялся, с удивлением глядя на него: так с ним никто никогда не обращался, он даже не представлял, чтобы с ним могли так обойтись; и при всем том он чувствовал себя виноватым.

— Не понимаешь... — горько сказал Ило. — Настолько не понимаешь, что считаешь свой довод остроумным, просто неотразимым. Чего стоит твой талант и умение работать, если ты не понимаешь! Так, стихия в форме человека. Не тем я с тобой занимался... Что ж, лучше позже, чем никогда: объясню, почему внедрение нашего способа равно, с точностью, так сказать, до знака, взрыву ИРЦ-главного. Потому что за чрезмерно резким подъемом следует спад с такой же неизбежностью, как за спадом подъем. Человечество есть система — планетная, космическая, но, главное, инерционная. С естественной, соответствующей масштабам постоянной времени. Резкое переключение — в сторону подъема или спада, все равно — вызывает колебания. Умеренные гаснут, а чрезмерные, глобальные могут развиться в генерацию, неуправляемый разнос; тому примеров было немало. Мелкие способы и устройства для освоения планет — умеренные возмущения системы; наша Биоколонизация — глобальное разносное... Не понимаешь, — грустно подытожил Ило. — Значит, нельзя оставить эту работу на тебя. А жаль!

— Да, не понимаю, не пойму и не докажешь: как это то, что мы сделали хорошо, оказывается сделанным плохо!

— Не плохо, а... — начал Ило, но его перебил голос из сферодатчика.

— И 82, он же Мигель Андре фон Фердигайло ибн Сидоров 405/812 плюс-минус бесконечность, — объявил этот голос с бесстрастностью, на которую способны только автоматы, — требует связи с Эолингом 38!

7. ПОСЛЕДНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ

— Ой, это па!.. — Лицо Эоли стало растерянным.

— Да, похоже. — Ило поднялся. — Я вас оставляю.

— Нет, не оставляй. Будь здесь, пожалуйста!

— Нет-нет, зачем же? — раздался в комнате третий голос, хорошо поставленный и с произношением чуть в нос. В датчике ИРЦ возник владелец его: если лишить лицо и тело брызглой упитанности, а волосы седин, то это был вылитый Эолинг. — Иловиена прав, не желая мешать общению двух родственных душ, ты напрасно удерживаешь его, сын. Будь здоров, Ило, рад был застать тебя живым!

Ило молча вышел.

— Маленькая месь за неудачи своей жизни, не так ли, па? — Эоли справился с растерянностью, начал злиться. — Или ты ревнуешь? Если так, то справедливо: он не в меньшей степени мой отец, чем ты! А может, и в большей.

— Ну-ну... — Мужчина из шара с удовольствием смотрел на биолога. — Будем считать, что ты сквитал мой выпад — и хватит. Ибо никто не может быть в большей степени твоим отцом, нежели я! Вот ты смотришь на меня, я на тебя — и между нами устанавливается прочное, не нуждающееся в подкреплении словами единство. Единство иррациональное, взаимопонимание молчаливое — не имеющее ничего общего с деловым, научным, даже любовным, неподвластное моральным и ценностным критериям. Оно было и будет, пока есть ты и есть я, — и как бы мы ни изменились, друг для друга мы все те же!

«Самое удивительное, что так и есть», — подумал Эоли.

— Вот, сын, а ты говоришь... Ты прекрасно выглядишь, младшенький.

— Ты тоже, па.

— Я так и сказал шару: «Ну-ка, ИРЦуня, ты знаешь, кто я! Соедини-ка меня с моим младшеньким». Я не признаю вашу индексую абракадабру. Как тебе понравилось мое новое имя?

— Потрясающе, па. Я чуть не упал.

(А настоящее имя его состояло из одного звука «И». Других не было и не предвидится. «И» — иждивенец. В таком положении лучше не придумаешь, чем пренебрегать «индексовой абракадаброй»...)

Равенство в пользовании благами цивилизации принадлежит каждому человеку так же естественно и категорично, как равенство в пользовании благами природы. В пище, одежде, бытовых вещах, жилище, в энергии, в перемещении по планете всеми видами транспорта, в связи со всеми (в пределах Земли), в получении любой информации от ИРЦ — никто не может быть ущемлен и не обладает преимуществами.

Примечание А: право перемещения и связи в освоенной части Солнечной за пределами Земли принадлежит всем, кто не живет в кредит.

Примечание Б: право исполнения крупных по затратам труда и материалов замыслов принадлежит тем, кто обладает достаточным для компенсации возможной неудачи предприятия бюджетным фондом.

КОДЕКС XXII ВЕКА

Вот они и стояли друг против друга: один — попадающий под действие примечания А, другой — под действие примечания Б, разделенные тысячами километров и близкие благодаря электронной технике и кровному родству.

...Эоли никогда не мог узнать у своего па, с чего, с какого жизненного поражения у него все пошло наперекосяк. Сикось-накось. А ведь, наверно, было: хотелось выделяться, превосходить, а таланта, умения, усердия не доставало. Работать же просто, удовлетвориться скромной причастностью к большим делам и идеям других было не по натуре. А раз не дается фортуна, то — нате! — буду выделяться в оголтелом принципиальном потребительстве. Благо таких мало, позиция (поза) выглядит небуднично и смачно. «Не могу» превращено в «я и не хотел». Можно держаться тона превосходства со всеми (дела-то с ними все равно не будет), напропалую вкушать блага, наслаждаться, вояжировать, вращаться и блистать в компании себе подобных... И не применять к себе ни старое слово «тунеядец», ни его современные эквиваленты.

Поправ главную этическую норму, можно не стесняться и с остальными. «Младшенький» Эоли был у И восьмым, хотя тот не имел морального права и на одного потомка.

Для Эоли, как и для его старших братьев и сестриц, в этом не было драмы. Ко времени его появления на свет господствовал принцип: «Чужих детей не бывает». Он помнил себя с интернатской «малышовки» в Западных Карпатах; потом, как положено, три года блуждал со сверстниками и воспитателем по планете, узнавал ее. И с первых лет жизни он знал, что не существует на Земле взрослого, который не принял бы живое участие в нем (или в них, если их было много), не накормил бы, не вымыл, не уложил бы спать — даже со сказкой, не защитил бы от опасности, не ответил бы на все вопросы — даже шалея от шквала детских «как-что-почему-а-это?», не поиграл бы с ним... а за проступок и не наказал бы. Исключительное чувство ребенка к родителям вытекало из того, что похож, и из горделивых детских разговоров: «А вот мой па...», «А моя ма!..» Разговоров, от которых Эоли приходилось убегать со слезами на глазах.

— Ты сейчас в Ницце, па?

— В Неаполе, сын. Видишь? — Он показал на колонны и декоративные склоны гор за собой.

Неаполь, Ницца, Гонолулу, Сочи, Майами, Венеция — эти места мало отличались от других, а от многих (Северной Норвегии, например, или Камчатки) даже и не в лучшую сторону. Но сами названия сохранили притягательность — особенно, если их произносить чуть в нос: «Когда я приплыл в Гонолулу», «Когда я вернусь из Майами-Бич»...

— Но что обо мне, скажи лучше о себе, сын: как твои дела, твои идеи? Как с «обратным зрением»?

— Помаленьку, па. То получается, то нет. Но это небиджевая работа, па, там нет нового — только хорошо забытое старое.

— Ну, сын мой, ну... почему ты сразу сводишь к биджам! Неужели ты не допускаешь, что я просто болею за тебя, хочу порадоваться твоим удачам, погордиться тобой? Я ведь знаю, что мой младшенький — самый лучший, незаурядный и далеко пойдет. И конечно, никогда не отмежуется от своего старого незадачливого па. Не так, как другие...

— А что другие?

— О-о! — Па прикрыл полной рукой глаза. — Я в горе, сын, я просто в отчаянии. Ты знаешь, Метандро и Метандри сейчас на Орбите энергетиков. Когда они готовились

в рейс, я просил, чтобы они, как долетят, связались со мной, дали знать о себе: как дела, здоровье, то-се... Они и сами уже отцы, должны понимать. Но скоро полгода, а ни звука. Каково?

(Ага, вон что. Метандро и Метандри, близнецы, старшие братья Эоли, специалисты по антивеществам; сейчас на Орбите принимают первый транспорт из Тризвездия, работы хватает. Но дело не в том, не в них — Орбита энергетиков! Если па нельзя общаться с людьми там — ИРЦ просто не соединит, — то пусть они оттуда свяжутся с ним. «Вот вчера, когда я разговаривал с Орбитой энергетиков... Боже, как хлопотно разговаривать с Орбитой энергетиков! Нужно выкладывать все сразу, с запасом на паузы. Никакого тебе живого диалога!..» И па вырастает в глазах знакомцев, как стартовая вышка.

Классика потребительства: добыть то, что доступно не всем. Общедоступное, будь это даже все богатства Земли, — не то. Этим не переплюнешь А и не посрамишь Б. А вот рвануть межпланетный разговор! Отхватить рейс в систему Юпитера!.. Не для дела, зачем все летят, а — «вот когда я был на Ганимеде!».)

«И зачем я так его понимаю?» — с отвращением подумал Эоли.

— Они меня чуждаются! — разгорячился от своих слов па. — Они считают, что мне не следовало заводить столько детей. Хорошенькое дело! Скажи, разве плохо, что я дал тебе жизнь?

— Нет, па, конечно. Я рад и благодарен. («Хотя мне ее мог бы дать и более толковый отец».)

— Э, сын, я знаю, что ты подумал. Не думай так, ты не прав. Таким, какой ты есть: талантливым, темпераментным, с острым умом... я уже не говорю о внешности, хотя и она входит в состав твоей личности, — ты мог произойти только от меня. Ни от кого другого!

— Ты льстишь мне, па. И себе немножко.

— Нет, именно так. И если ты достигнешь высот, то потому, что в тебе воплотились мои неисполнившиеся мечтания. Какие они были, бог мой! На них не хватило бы миллиона мегабиджей, десятка жизней. Не стану уверять, что ты унаследовал от меня упорство в работе, возможно, это больше от матери — где-то она сейчас! — но я дал тебе то, что пробуждает способности, что многих сделало великими: комплекс неполноценности.

— Вот как! И ты говоришь об этом с гордостью?

— А почему нет? Комплекс неполноценности — это даже больше, чем талант. Ты бы поразился, если бы знал, сколь многих людей в прошлом — политиков, финансистов, военных, писателей, даже ученых — это свойство психики толкало доказывать все новыми предприятиями, что чего-то стоишь, что лучше других... Название неудачное: не неполноценность это, что-то иное, возвышающее. И ты возвысишься, сын, переплунешь своего кумира Иловиену!

— Если дело в том, чтобы переплунуть... («Кумира. Все-таки ревнует».)

— И раз уж зашла о нем речь: то работа, которую вы вместе ведете... Биокolonизация, кажется, — как у вас с ней? Получается?

— В общем-то да.

— И отлично, сынок. Я всегда верил в тебя! Это ведь биджевая тема, очень биджевая, а?

— Да... («Что и говорить, по экономическому эффекту она сравнима разве что с Трассой, будет не только освобождение от примечания Б, но и большой личный фонд. Только... Ило ведь доказывает, что нельзя внедрять?..»)

— И теперь, когда Иловиена сходит на нет, — возбужденно продолжал па, — ты в ней первый человек. Да и прежде — что бы он мог без тебя! И следовательно...

— Хорошо, па, я все понял. Ты же знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать.

— Ну, сын! Так я жду и надеюсь.

Прощальный, патрициански величественный взмах рук — колонны обязывают; шар погас. Эоли мог сутками работать, не уставая, идти, лететь, не опускаясь отдохнуть. Но сейчас, после десяти минут разговора, он устал до отупения.

8. ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Ило, вернувшись, с одного взгляда понял состояние помощника и, чтобы дать ему время успокоиться, подошел к автоклавам, смотрел на приборы, вертел ручки — проверял режим.

А Эоли искоса следил за ним и думал, что и вправду этот человек не в меньшей мере его отец, чем па, — а то и в большей. И не только его — многих. И вообще, если

человечество и уцелело после всех передраг, то лишь потому, что многие отпрыски, войдя в возраст, присоединяли к скромным наследственным качествам идеи, знания и взгляды на жизнь таких, как Ило,— становились духовно и интеллектуально их детьми, развивали и умножали их — теперь свое! — наследие, тем небιологически порождая новых себе подобных. Именно это, а не то, что подсчитывают демографы, было и есть истинным ростом человечества.

«Сейчас и спросить неудобно: есть ли у него свои дети? Столько времени не интересовался. Конечно, есть... а может, уже и нет. Ведь обзаводился ими он в молодости и, понятное дело, в пределах этической нормы: двое-трое — чтобы не теснить других. А ведь многие женщины с радостью стали бы матерями его детей, многие мальцы гордо говорили бы: «А вот мой па!..» — радовались бы всякой встрече с ним. Но где ему, совестливому!.. Да, вот слово: совестливость. И терзания в связи с блестяще сделанной работой от нее же — чтобы не потеснить и не ущемить других, которых он считает во всем равными, себя не хуже».

— Так вот,— повернулся к нему Ило; чувствовалось, что он напряжен,— в какое бы трудное положение ни поставил тебя твой па, я сейчас поставлю в еще более трудное: нашу работу сдавать нельзя.

— Первое,— спокойно сказал Эоли,— категорически отклоняю подход: в трудное или легкое положение поставит меня решение по работе. Разве в этом дело! («Нет у меня комплекса неполноценности, па, нет и не будет!») Второе. Согласен, что предлагать идею в полной мере, глобальную БиокOLONизацию — значит, подавить ею движение переселенчества. Это нельзя. Но с ним стыкуется БиокOLONизация Полигонами, для которой у нас и вся методика отработана. Это сделать можно и нужно.

— И это нельзя. Сдать так — значит, предоставить возможность другим самим дозреть до глобальной идеи. Что мы, одни с тобой такие умные? А надо ли говорить, что своя идея привлекательнее чужой, что появятся сторонники, оппоненты, начнутся споры, посредством которых она неотвратимо овладеет умами... Словом, сдав Полигоны, мы еще основательнее внедрим глобальную идею, чем объявив о ней прямо. Всю работу, все это знание нельзя сейчас предлагать людям. А поскольку мои дни кон-

чаются, я чувствую, а ты еще, прости, незрел, остается одно...— У Ило не достало сил сказать что.

Эоли почувствовал озноб.

— Послушай,— сказал он,— но... поскольку не мы одни такие умные — другие сделают это. К тому же придут, это неотвратно. Какой смысл?..

— Вот другие, которые пройдут по теме от начала до конца, пройдут через годы, труды, ошибки,— те пусть решают ее судьбу, как мы сейчас. Тем можно, это их право. Предоставлять его пенкоснимателям, скользящим по поверхности,— нельзя.

«Все-то у него продумано»,— хмуро подумал Эоли.

— Ладно, я незрел, не все понимаю. Но есть и еще участники работы. Давай обсудим с ними.

— Они участвовали в работе на техническом уровне. В полном объеме знаем дело только мы двое. Обсуждать с ними — значит, начать публикацию работы, внедрять в умы глобальную Биокolonизацию.

Это тоже было верно. Неотвратно верно.

— Что ж... как знаешь. Не согласен я с тобой, чувствами не согласен — но возразить не могу. В конце концов, это твоя идея и твоя работа. Моего в ней мало, душу не вкладывал...— Эоли прикрыл глаза — но, осененный догадкой, открыл их, глянул на Ило прямо и зло. Послушай, ты, шахматист, рассчитывающий на двадцать ходов вперед! Может, и меня ты сделал фигурой в Биокolonизации именно за спокойное отношение к делу? Отверг энтузиастов, для которых в этой теме было все. Их-то никакие доводы не убедили бы!

— Не только поэтому,— Ило приблизился к нему, положил руки на плечи,— не только. Ты — сильный. Другие были слабее. Я понимаю, что крушу твои планы. Если хочешь — ведь и ликвидация этой темы мой фонд далеко не исчерпает, а мне он ни к чему... В конце концов, это примечание Б, которое подрезает твои крылья, пережиток трудных времен. А они минули.

— Нет...— Эоли тоже положил ему руки на плечи, притянул к себе. Они стояли, прижавшись лбами.— Не надо ничего. Все правильно, не пережиток это: жизнеспособность идеи начинается с жизнеспособности ее автора. И не думай об этом — ничего ты не нарушил, не отнял. Ты мне дал гораздо больше, чем можно отнять.

Они сейчас были близки друг другу, как никогда.

— Только... ты уже как о решенном, мимоходом: ликвидация темы. Несколько операций — самых простых в нашей работе, и кончено. Не будет голубых планет, обильных жизнью... то есть, возможно, и будут — но когда! А я вот, только поняв о них, прикипел душой к этой теме. И мне больно, понимаешь?

— Не надо, перестань! — Ило оттолкнул помощника, отошел к окну, отвернулся.

— Нет, надо. Давай говорить еще.

— Говори.

— Ну... давай с общих позиций. Общепринятый взгляд: целым является Вселенная, Вселенная — процесс. Часть его — наша меняющаяся Галактика. Часть части — Солнечная система, частью третьего порядка является Земля, частью ее — биосфера, частью биосферы — человечество. А так ли это последнее? Чего стоит познание, все его плоды, если мы такая же часть биосферы, как иные твари! Человек над биосферой, подчиненность ей — пройденный этап. А раз так, то...

— ... как ее ни образуй на иных планетах — все равно?

— Да.

— Не все равно в одном отношении: люди, которые там будут жить, должны чувствовать себя хозяевами. Они — а не мы двое! А это достигается трудом и творчеством.

— Но... если мы отступаем перед стремлениями людей двигать ручками-ножками, то мы отступаем перед человеческой мелкостью. Ни перед чем другим! Нам эти шевеления кажутся значительными, необходимыми — потому что мы много не знаем, извека так. А поглядели бы разумные жители иных миров — наверно, смеялись бы. Ведь выходит, что человек с его полуживотной мелкостью и ограниченностью оказывается препятствием на пути самых крупных идей и проектов, грандиозных движений мысли!

— Ясно! — Ило повернулся. — Человек — это то, что надо превзойти, так?

— Да...

— Ты и не подозреваешь, насколько стара эта мысль, не знаешь о массовых преступлениях — гнуснейших, постыднейших в истории человечества, — которые творились под прикрытием ее. Альдобриан мог бы об этом порассказать: о сверхчеловеках, о белокурых бестиях, метив-

ших поработить и истребить «неполноценные» народы... Нет-нет,— он поднял руку на протестующее движение Эоли,— я понимаю, что твои помыслы не имеют с этим ничего общего. Больше того, сама мысль о человеке как этапе, ступени в бесконечном развитии жизни и мысли, этапе, который сменится когда-то иными, высшими,— не вздор. Но не когда-то и где-то, а сейчас и здесь: ведь обидим и унизим людей. Да не немногих — миллионы! Никакая научная идея не заслуживает поддержки и внедрения, если она может принести такое... И все, хватит умствовать, нет у тебя доводов в защиту, как нет их и у меня. Другие пусть решают по-своему или как иномиряне подскажут... могущий вместить да вместит. А я не могу.

И все было кончено в пять минут. Пять поворотов терморегуляторов на автоклавах — к высоким, смертельным для бактерий температурам. Набранная на пульте команда автоматам Полигона: вытеснить атмосферу горячим фторо-хлористым газом. И последнее: сунуть между полюсами электромагнита кассету с магнитофильмом-отчетом, включить и выключить ток.

Потом Ило вставил эту кассету в записывающее устройство, продиктовал:

— По причине, объявить которую не считаю возможным, я, Иловиенаандр 182, учитель, уничтожил отчет, выходные препараты и опытный Полигон исследовательской работы по теме «Биоколонизация». Считаю, что попытка заново исследовать тему может быть допущена только при условии определения человечеством перспектив своего развития не на ближайшие века, как сейчас, а на сотни тысячелетий... — Голос его хрипел.

Эоли в оцепенении смотрел на сферодатчик. Там, за прозрачными стенами Полигона, в клубах ядовито-желтого газа бурели и съеживались листья, никла, рассыпалась в прах трава, металась, не зная, куда убежать, зверушки: кидались на кусты, лезли на стены, опрокидывались, предсмертно сучили лапками — дохли. Умирала созданная ими жизнь.

... Запутанные многовариантные пути. Их блестящие нити возникают из тьмы бесконечного прошлого, уходят во тьму бесконечного будущего; из всевозможности через реальность во всевозможность. Лязг переводимых стре-

лок — и огнедышащий поезд человеческой истории с грохотом промчал мимо них... не туда. Они, жалкие стрелочники, изменили путь Истории! Эоли казалось, что он видит эти пути, слышит лязг и грохот.

— А представь, что кто-то так попытался уничтожить другую составляющую всех проектов: Залежь антивещества в Тризвездии, — сказал из-за плеча Ило; голос его все так же похрипывал. — Ничего бы не вышло, там загорелась бы четвертая звезда, возбудился бы космический процесс на миллионы лет. Энергия — реальность, которую не перечеркнешь. А здесь раз-раз... и как не было. Тоже есть над чем подумать.

Эоли обернулся — и не сдержал взглас изумления: старый биолог будто покрылся паршой. Кожа ног, рук, груди, шеи была в сыпи, прыщиках, язвочках; из них кое-где выступала кровь.

— Что с тобой?!

— А... сейчас пройдет.

Ило опустил голову, постоял спокойно — и вернул телу нормальный вид. Но в памяти Эоли увиденное запечатлелось навсегда.

— И как же ты теперь, Ил?

— Никак теперь. Все. Улетаю в Лхасский интернат исполнять последнее дело в жизни.

— Когда?

— Сейчас. Именно сейчас, ни с кем не прощаясь. Еще проводы мне устройте, по-хорошему меня помнить будете. Не надо, не за что меня теперь вспоминать по-хорошему! Если так кончать работу — зачем начинать?!

— А кстати, зачем? Ты, видящий на двадцать ходов, не мог не предвидеть и глобальный вариант.

Ило вместо ответа коротко мотнул головой в сторону портрета Инда. «Ах, да... «Не говорите мне о вещах, возможных в принципе», — вспомнил Эоли. — Третья кнопка во втором ряду... Хотел убедиться».

От портрета взгляд его скользнул за окно: там была фиолетовая тьма.

— Уже ночь, куда ты полетишь!

— И хорошо, что ночь. Никого и ничего не хочу видеть.

— И Ли? Она будет плакать.

— И Ли... Слушай, не добивай ты меня — отпусти!

— Разве я держу? Прощай без слов... Ило! — оклик-

нул он биолога уже в дверях.— Ты забыл нажать еще одну кнопку.

— ? — Тот остановился.

— Ту, которая отключила бы меня. Я ведь могу повторить работу.

— Не сомневаюсь в этом,— помолчав, сказал Ило.— Как и в том, что ты не сделаешь этого... до тех пор, по крайней мере, пока не ответишь себе — не другим! — на все вопросы. На твою «кнопку» я давил девять лет и сегодня полдня. Прощай! Не ищи меня без нужды.

... Теперь ему осталось одно: лететь во тьме под звездами над тихой Землей, лететь и лететь, а когда кончится заряд в биокрыльях, гнать их своей силой — до полного изнеможения, чтобы потом упасть где придется, уснуть мертво, а потом снова лететь, или идти, или ехать... Чтобы все поскорее осталось позади.

9. НОЧЬ В ЛЕСУ

— Ли, а почему Ило называют «учитель»? И еще с таким пиететом. В каком смысле — учитель?

— В самом прямом: он может воспитывать детей.

— Помилуй, кто этого не может!

— О-о! В твоё время так считали? Тогда все ясно...

Человек не знает своего будущего — и это, может быть, даже к лучшему. Вот Ли: неотвратимо близятся часы, когда она переживет горе и будет — прав Эоли — плакать. А сейчас её голова лежит на плече любимого; она счастлива.

...Тогда, опустившись, они свернули крылья, шли лесными тропками, не спеша и отвлекаясь. Серо-белый венец корпуса Ило маячил над деревьями далеко впереди. Вечер был тихий и теплый, хотя темнело по-январски рано. Ли споткнулась о корень, ушибла палец. Пришлось сделать привал на продолговатом пятне мягкого мха под дубом.

В лесу стояла та глубокая тишина, которая бывает при переходе к ночи — когда земля будто сама к себе прислушивается. Шелестнули листки на ветке — и замерли. Стрекотнуло в траве насекомое — тоже стихло. В про светах между деревьями драгоценно сверкали звезды.

Ночь надвигалась темная, новолунная. Они видели

только звезды да друг друга — слабо светящиеся силуэты на примятом мху. Какая-то птица со светлыми глазами и зобом устроилась на ветке над ними на ночлег.

У Берна было приподнятое настроение, впору заговорить стихами. «Вечны звезды над нами... вечен шелест листьев... вечна и ты, любовь!» Он тихо засмеялся.

— Тс-с... — Ли положила пальцы на его губы, приподнялась. — Слушай. Слышишь?

Сначала он не понял, что надо слушать. Притих, затаил дыхание — и услышал нарастающий со всех сторон шорох. Ему стало не по себе. Шорох был похож на движение множества насекомых в сухой листве, но какое-то спонтанное, крадущееся. Прошуршит — и прекратится. Справа, слева, вблизи, вдали...

— Это трава растет, — удивленно-уверенно заявила Ли. — Ну конечно! Она ведь под прошлогодними листьями. Каждый стебелек растет-растет, выпирает-выпирает, набирается сил... потом как наподдаст плечиком — и сдвинул с себя лист. Они и шуршат.

И она показала как — плечиком. Лицо ее фосфоресцировало, казалось похожим на негатив: светлые губы, мягко сияющие, будто струящие свет глаза, тепло рдеющие щеки. Когда-то БERN пугался такого — а сейчас ее лицо было для него только необычайно красивым и дорогим.

— С чего бы сейчас росла трава? Еще зима.

— Зим не бывает, только в горах и у полюсов. Уже давно весна. И вообще времен года три: весна, лето, осень. Вы отстали от жизни, герр профессор!

— Не называй меня так!

— Хочу — и буду. Поговори со мной на своем старом языке, а?

— А... так из-за того ты и влюбилась в меня, как в диковинку?

— Чудачок! Я просто полюбила тебя, понимаешь? Какой ты есть. Со всем, что в тебе есть. Даже с... даже с твоей «ди люге». Ой, как ты это делаешь!

— Перестань, пожалуйста! — БERN рассердился: Ли в стремлении поддразнивать иногда заходила слишком далеко. — Во мне нет никакой «ди люге». С этим покончено. Да и тогда я так сказал не с умыслом. Понимаешь, истина для вас была бы слишком сложна, вы не поняли бы...

— Истина не бывает сложна. Это ты сам запутался.

— Нет, но понимаешь...

— Я все понимаю. Все-все-все! Гораздо больше, чем можно сказать. Вот... и вот...

Ее теплые губы коснулись его правого глаза, потом левого. Берн покорно и блаженно закрыл их. Ну конечно же, она все понимает и во всем права. Сейчас весна, волна жизни гонит из почвы траву, травинки сдвигают листья плечиком. И Ли — как весна: бесконечно более наивная, чем он, и бесконечно более мудрая. Цельная натура, которую ИРЦ передает без поправок.

Вдруг он почувствовал какую-то перемену. Открыл глаза: девушка настороженно смотрела в глубь леса. Хотел спросить — но Ли прикрыла ему рот ладонью. Тогда и он приподнялся, повернул голову: невдалеке, не далее сотни метров, между деревьев сновали серо светящиеся сутулые фигуры с руками до колен. «Эхху?!»

Их было много — целая толпа сумеречных безобразных силуэтов. Из леса прибывали новые. Некоторые брели, переваливаясь на полусогнутых ногах, опустив руки почти до земли; другие цеплялись за ветки, опирались на невидимые дубины; третьи и вовсе, не выдержав искуса ходьбы, опускались на четвереньки.

Берн оцепенел, по спине и рукам разлился холод. «Что делать? Бежать? Догонят, уже было. Забраться на дерево? Они лазают не хуже...»

Из толпы скрюченных привидений выдвинулся один, указуя махнул. В его фигуре и движениях было что-то знакомое. «Вождь! — понял Берн. — Тот, что убивал меня... а потом видел живого в лаборатории, спеленатый в кресле. Не приведи господи встретиться еще!» Племя дикарей поковыляло за вожаком в сторону Биоцентра. В сторону... уф! Берн облегченно расслабился.

— Они нас не заметили, они не видят в теплых лучах, прошептал он Ли. — Лежи спокойно, не бойся.

— Они идут к Биоцентру!..

Только к двоим Эоли не относился, как к объектам наблюдений: к Ило и Ли. И обоих он потерял. Да не только их — все. Рухнули замыслы, сгорели в хлорном дыму достижения. Жизнь надо начинать с нуля, имея только опыт ошибок и поражений. Опыт неудачника.

Он лежал на траве лицом вниз. Не нужен ему ни комфорт, ни звездное небо. Тошно и глядеть на звезды

далекие огненные громадины, подтверждения человеческого ничтожества.

... Но Ило, Ило! Все доказал, поставил на своем (не то, не на своем... а на чем? На страхе будущего?..) — и все же нельзя было так. Не прав он, за пределами логики не прав. Но — сделано.

(И как он покрылся в тот миг сыпью! От нервных мыслей, от чувства поражения? Вот это да! Выходит, он давно держится на самоконтроле, на биологических знаниях — гальванизирует ими дряхлеющее тело. Проще было бы омолодиться в машине-матке, в его власти... но это не для него, совестливого! Не надо, не надо о нем так — я просто злюсь.)

...И «обратное зрение» не сладилося. А какие были надежды! Восхищался своим умением использовать обстоятельства: пугнул эхху убитым Алем. Ну, вышло что-то разок... так ведь обстоятельство-то уникальное, другое подобное и через тысячу лет не появится. На таких науку не сделаешь. И в подсознание Альдобниана таким способом не проник.

...Чем он пленил Ли? Что он знает о нынешних отношениях мужчин и женщин! Не будет у них ладу, не будет.

— Потому что ты этого не хочешь? Ли поднимет, высит его. Она нашего времени.

— Ли еще малышка.

— В том-то и дело, что нет. В этом ошибка: я считал ее наивной, опекал. А она — сильная, сама хочет опекать и заботиться. И нашла себе Аля. Ах, Ли!..

— «Ах, Ли!» И этим ты не прав: ищешь ошибки, умствуешь там, где надо просто любить. Как она. Она не нашла Аля — она полюбила.

Золи поднялся на локтях, поглядел влево, на коттедж Ли, потом вправо, на жилище Аля. И там, и там было темно. Они в парке? Где бы ни были, но они теперь вместе. И счастливы.

«Это черт знает что! — Он сел, обхватил колени руками. — Аль из Земной эры, кое-как доведенный до человеческих кондиций, — и счастлив, счастливый соперник. А я, зная, умея, понимая несравнимо больше, в большей степени владея возможностями этого мира, — несчастлив. Чепуха какая-то! Что же мне: опроститься, поглупеть для душевного благополучия? Да гори оно синим огнем, не надо мне такого! Пусть на мою долю выпадет побольше

другого — счастья творчества, счастья Ило. А звезды?..»

И он растянулся в траве успокоенный, закинул руки за голову, смежил веки. Спать. Завтра трудный день, ему отдаться за Ило.

Эоли не знал, что в этот момент и Берн уже был несчастен.

— Они идут к Биоцентру! — повторила Ли горячим шепотом. — Надо предупредить.

Она попыталась подняться, но Берн с силой прижал ее:

— Лежи! — Он зачарованно следил за серым пятном удаляющегося во тьму стада.

— Ты что? — удивленно спросила девушка. — Нужно предупредить, там сейчас все спят! Почему у тебя дрожат руки?

— Пусть их предупредят датчики ИРЦ! — прошептал Берн. — Для чего-то ведь они натканы везде. А мы не обойдем, заметят... Да не поднимай ты голову! — зашипел он, наваливаясь на Ли.

Она все поняла.

— Пусти-и! — яростно вывернувшись, вскочила — и светлой тенью понеслась между стволов и кустов к городку.

И раньше, чем ее силуэт затерялся в ночи, Берн осознал, что потерял Ли навсегда. И вообще все рухнуло.

...Сплоховал Альфред Берн, он же Альдобриан 42/256, ох, сплоховал! А он-то думал, что не боится смерти. Он и не боялся ее, когда, разуверившись в своей эпохе, готовил самоубийственный восемнадцатитысячелетний эксперимент; не боялся, даже хотел, когда столкнулся с обезьяноподобными и принял их за остатки человечества. А сейчас, когда обрел вторую молодость (лучше первой), любовь, счастье, захотелось — на миг, только на миг! — держаться за жизнь любой ценой. Миг, в который совершают предательства.

Исчезли серые пятна эхху и огибавшей их левой стороной Ли. Восстановилась глубокая тишина в лесу — с тем же подчеркивающим ее шорохом сухой листвы над растущей травой. А Берн сидел, опустив голову, тоскливо соображал, что делать дальше. Вернуться в городок? Там сейчас битва, свалка, погром. Чем он поможет? Да и совестно. Ох, совестно!..

Рядом блестела в свете звезд накладка Ли, а за ней у корней дуба биокрылья. Но все это теперь было ни к чему.

Великий Эхху, сжимая дубину, вышел на поляну. За спиной густо дышали сородичи. Скучного света звезд было достаточно, чтобы различить контур Большой Халупы Безволосых, выступавшей над деревьями. В той стороне и их хижины.

Сейчас они без крыльев, он знает. Ночью они спят, как все твари. Хоть и строят из себя. Они не лучше других, Безволосые. Даже у кабана на теле есть волосы, а у них... тьфу! Сейчас ночь, и они прячутся по хижинам. Ничего не подозревают, не ждут.

Великий вождь едва не загыгикал от сладкого предвкушения: как ворвутся, как будут хрустеть кости Безволосых под ударами их дубин. Они будут кричать, молить о пощаде — и не будет пощады! Будет смерть, надругательство, разрушение. Он оплатит им за все страхи, унижения, беды — прошлые и будущие. Он, Великий Эхху, докажет силой то, что они никогда не докажут своими хитростями: превосходство. Страшно докажет, уааа!

Коротким властным жестом он разделил племя: часть под водительством молодого Ди двинулась к городку правым краем поляны, остальные левым.

Запыхавшаяся Ли едва не наступила на спящего в траве Эоли. Растолкала его, выпустила пулеметной очередью:

— Племя эхху движется сюда, уже на подходе, их обогнала оничтотозамышляют! — и только после этого перевела дыхание.

Биолог смотрел на ее светящееся — ярче обычного от разгорячившейся в беге крови — тело. Это было слишком прекрасно для сегодняшней действительности.

— А... ты мне не снишься? — спросил он. — Тогда я не буду просыпаться.

— Какое — снишься, какой сон! Через десять минут они будут здесь!

— Ага!.. — Эоли, не вставая с травы, впал в глубокую задумчивость; почесал макушку. — Эхху питают к нам враждебные чувства, даже собираются напасть... замечательно! Почему? Чего им не живется спокойно, как

прежде?.. Это акт самоутверждения, понимаешь! — Он поднял голову. — Постой, а где Аль?

— Он... он испугался, — девушка беспомощно развела руками, — остался в лесу.

— Вот как! — Эоли усмехнулся. — Старая истина: кто любит ласку, тот любит себя. Надо же... храбрец!

— Ты... ты не должен так о нем, не смеешь! — гневно и горько зазвенел голосок Ли. — Это я была... такой. А он — потому что я хотела. И он... они ведь его уже убивали! Ты бы, может, тоже испугался...

— Ну-ну, извини. — Эоли поднялся на ноги, взял ее за вздрагивающие плечи. «Любит. И сейчас любит. Сама оскорблена его малодушием, а кто другой, так и слова не скажи». — Ты-то уж во всяком случае молодчина. Теперь слушай: сейчас я дам общий сигнал пробуждения, сообщу об опасных — хм! — гостях, изложу всем план действий. А ты пробегни между домиками: не спит ли кто еще в траве. И высматривай, откуда появятся эхху. Заметишь — тихо ко мне. Все, одна нога здесь, другая там!

Девушка исчезла.

— Та-ак! — Биолог удовлетворенно потер руки. — Вот теперь-то у нас получится стресс, общее возбуждение, «обратное зрение» и чтение в душах. Добро пожаловать, эхху!

Через минуту музыкальные сигналы пробудили биологов во всех домиках. Из сферодатчиков на всех смотрело удлиненное лицо Эоли.

— Внимание всем! Через несколько минут на нас нападет племя эхху. Не теряя ни секунды, одевайтесь, заряжайте свои биокрылья, снаряжайтесь под речь, которую я сейчас произнесу, и не забывайте вникать в нее... Да, это уже племя, а не стадо. Потому что эхху больше не обезьяны — люди. Все аномалии их поведения объясняются этим. Мы... точнее, наши предки, совершали подобный переход от обезьян к людям, выходили в люди, можно сказать, добрый миллион лет. Нынче время другое, темп изменений мира и развития гуманоидов в нем задает цивилизация — вот и имеем новых коллег... да-да, партнеров по жизни на Земле, а в дальнейшем, вполне возможно, и в освоении новых миров. Нас не должно смущать, что пробудившиеся достоинство и рассудок эхху выражают себя пока что по-дурному: в стремлении видеть в

себе подобных конкурентов и противников, которых надо повергать, обманывать, истреблять. Так было и у наших предков... да, как вы знаете, и не только в каменном веке. Будем рассматривать это наравне с агрессивностью наших подростков, капризами детей. Итак, пусть подкрадываются, пусть нападают. Запасайтесь аппаратами звукозаписи, инфракрасной съемки, различными датчиками — и все в воздух! Ни от чего не отгонять, не отпугивать: пусть проявят себя, ломая «игрушки». Наше дело — наблюдение. Только оно!

— Эоли, почему командуешь ты? Это Ило поручил тебе операцию с эхху? Где он сам? — понеслись вопросы со сферодатчиков.

— Нет,— вздохнув, ответил биолог после паузы.— Ило нас покинул. Навсегда. Да, покинул сегодня, четыре часа назад... А насчет эхху это я сам разобрался — и решил, что так будет правильно. Все за дело!

У Гобийского Биоцентра появился новый руководитель.

Великий Эхху подбирался к крайнему домику. Так и есть, темно, тихо, все спят. Ну, сейчас!.. В эту минуту возле входа появился силуэт Безволосого. Судя по спокойным движениям, он ничего не подозревал. Вождь поднял дубину и с боевым кличем «Эххур-рхо-о!», на который тотчас отозвались сородичи, опустил ее... на пустое место: в последний миг Безволосый легко взвился в воздух. Во тьме с шелестом развернулись его крылья.

Смутное беспокойство шевельнулось в мозгу вождя — но ярость и злоба вытеснили все. «Ах, так, значит, они не спят, пошли на обман, уааа! Дурачить нас!»

Всюду появились Безволосые — летающие обманщики, трусы. Дикари выли, вращали дубинами, но никого пока не задели. Самки эхху вбегали в домики, громили и рвали там все, хватали яркие вещицы, ткани.

Безволосые вели себя странно: не защищали имущество, не нападали, не бежали. Они приближались к дикарям, делали непонятные движения, отпрыгивали, убегали и улетали; некоторые взлетали к самым вершинам деревьев и оттуда бесшумно пикировали, проносились над головами нападающих. Раззадоренные эхху подпрыгивали, кидали в них дубинами; другие громили хижины, но от гулких ударов стены их не разваливались, даже не трескались.

Великий Эхху с рычанием гонялся за Безволосыми, жаждал боя и крови. Он ничего не понимал. Вот один Летун-Нетопырь пролетел совсем близко. Вождь следил красными от злости глазами и, когда тот развернулся над ним, что есть силы швырнул в него дубину. Попал! Но как-то не так: Безволосый подержал дубину в руках, кинул ему обратно, полетел дальше.

И тут Великий Эхху все понял, завыл от обиды. Безволосые не нападали и не защищались — они дразнились! Потешались над ними, могучими эхху, забавлялись, не принимали их всерьез. Не принимали их всерьез, ыауыа-а-а!

Истерическое буйство охватило всех дикарей: они кидались друг на друга, прыгали, катались по траве, выли, кусались. Вой и гам стоял над поляной.

— Ли, достаточно. Включай! — звонко скомандовал Эоли.

На поляне стало светло. Послышался ровный шум. Эхху затихли, прислушались — и дружно кинулись в лес. Шум воды — все сметающей страшной стихии! А вот и первые потоки ее, длинные языки, расстилающиеся над травой. Сейчас догонит, зальет, поглотит, уааа!

Инфракрасный луч выделил в удирающем стаде Великого Эхху. Он почувствовал черный страх, какого не испытывал даже в грозу. Опасность была неотвратимой, губительной. Он завизжал, прикрыл голову лапами, упал, потом на четвереньках быстро-быстро пополз в сторону от сородичей. Он спасется один!

11. БЕГСТВО

Заслышав вой и визг возвращающегося племени, Берн выломил дубину — для самозащиты. Но когда звуки приблизились, его нервы не выдержали. Профессор помчал на молодых ногах в глубину темного леса. По полуголому телу, по лицу и рукам встречные ветви размазывали росу, лепили на кожу листья. Между ног панически фурхнула птица. Опомнился Берн на полянке, когда вопли эхху утихли в стороне.

И тогда он, стоя в обнимку с деревом, успокаивая колотящееся сердце, понял: дикари сами спасались! Лицу стало так жарко, что тепловой свет от него озарил изломы

на коре дерева. «Трус!.. Лжец, предатель и трус». Берн ткнулся лбом в ствол: что теперь делать, как жить?

...А он еще считал себя равней им, самообольщался успехом консультаций, любовной победой, биджевым фондом. Все было гладко в комфортных условиях — а как только они посуровели, сразу обнаружилось, что и трансплантата мало, и обновленного тела мало, что побуждения и поступки, естественные для них, для него — хождение по тонкой проволоке. И сорвался с первых шагов. Чего теперь стоят его «приобретения»!

Если он вернется, никто его не упрекнет. Старательно не подадут вида — как тогда, после вранья на всю планету. Что с него в конце концов возьмешь: он ведь из Земной эры, а возможности машины-матки не безграничны, психику она не изменит... Ах, как было бы хорошо, если бы по возвращении кто-нибудь (Ило, например) отчитал его. Или пусть бы неделю в Биоцентре расспрашивали с подначкой, прохаживались на его счет. Это было бы просто здорово, значило бы, что его признали своим. Они ведь не спускают друг другу и куда более скромных проступков.

Но этого не будет. И Ли внушат, что она не должна сердиться на него, потому что... и так далее; и она даже обрадованно всплеснет ладонями: «Ой, я так беспокоилась!»

Но постепенно и она, и другие отдалятся от него. Станут избегать молчаливо понятую неисцелимую второсортность человека, который в трудную минуту может подвести.

Нет. Он не вернется — за опекой, за подачками. Что произошло, то произошло. Но куда идти? «А если снова нарвусь на эхху? Или на зверей? — Берн стиснул зубы. — Ну и пусть растерзают, так мне и надо! Вперед, куда глаза глядят — только не обратно».

И он быстрым шагом двинулся по прогалине. Было прохладно. Шелестела трава под ногами. Вверху пылали звезды и огни Космосстроля.

Прогалина сошла на нет. Берн брел напрямик, продирался сквозь частый кустарник, даже если и замечал, что можно обойти, — чтобы хоть так отвлечься от мрачных мыслей. Но постепенно хлеставшие и царапавшие ветки пробудили в нем злость.

Ну, разве он виноват? Ведь только и того, что по разику солгал, струсил, предал — в дозах самых микроскопи-

ческих, в его время никто и внимания бы не обратил! Так почему в этом мире он отщепенец, почему изгоняет себя? Не потому что он так уж плох — это они, черт бы их подрал, они все... строят из себя!

Слева что-то неярко засветилось. Берн шархнулся за дерево, защитно поднял дубину. Пригляделся: сферодатчик ИРЦ на увитой плющем ножке. Датчик опознал человека, подал сигнал: находящемуся в такое время в лесу могла понадобиться связь, информация, помощь.

Но Берн только представил, каким его запечатлеет сейчас для общего удовольствия ИРЦ: в растерзанном виде, расстроенных чувствах и склочных мыслях — и от этого, от напрасного испуга взъярился окончательно:

— Наставили кристаллических соглядатаев — подсматривать, подслушивать... У, сгинь, треклятый! — и от всей души опустил на шар дубину.

В датчике пробежала огненная трещина. Он погас.

Не полегчало. Профессор рассчитывал, что звонко во все стороны брызнут осколки.

...Его занесло совсем в чащобу: кустарник, оплетенные лианами деревья, бурелом и корни под ногами. Берн продирался из последних сил. Помрачившемуся сознанию пригрезилось: вот он преодолет все и выберется из леса... прямо в нормальную расчудесную жизнь XX века. Вон то тлеющее над деревьями зарево впереди — от огоньков спящей деревни или от фонарей окраинной улочки какого-то города. И он пойдет по этой улице: среди нормальных домов, оград, магазинов с прикрытыми жалюзи витринами, встретит запоздалых прохожих. Пусть даже пьяных, хрипло исполняющих «*Jch hatte einen Kameraden*»¹ — песню, от которой его всегда передергивало. Ей-богу, он кинется им на шею!

И ему страстно, чуть не до слез захотелось обратно — в то время, где он был «о, герр профессор!», «многоуважаемый коллега», «наш известный биофизик д-р Берн», был в первом ряду жизни, а не за ее последним рядом. «Не надо мне ни ста лет вашей жизни, ни молодости этой, ни инфразрения — ничего!» Берну представилось: он возвращается вечером из университета в свой особняк в пригороде, медленно ведет черный «оппель» по тихой улице, кивает раскланивающимся, очень уважающим его

---

¹ «Был у меня товарищ» (нем.).

соседям; поднимается наверх, включает настольную лампу в кабинете; служанка Марта приносит почту, вечерние газеты, бутылку темного пива...

А то, что он пережил здесь, пусть окажется сном захватывающе интересным, прекрасным сном. Было великолепно и радостно его увидеть, приятно будет вспоминать... Приятно будет по-прежнему часок-другой в неделю осознавать несовершенства и заблуждения современников, прикидывать, как их можно преодолеть, мечтать о времени, когда это случится и как тогда будет хорошо... И тем подниматься над людьми, которые размышляют о таких предметах раз в месяц, а то и реже... Приятно будет и беседовать о таких возвышающих душу проблемах и перспективах с близкими по взглядам знакомыми, переживать благодатное созвучие душ... Но жить в таком времени, жить постоянно — слуга покорный!

Впереди над черными деревьями все шире разливалось молочно-серое зарево. У профессора гулко забилося сердце: вот оно, вот!.. Он выбежал из леса.

Перед ним развернулось в обе стороны полотно нагретой за день и люминесцирующей от избытка энергии фотодороги. По ней с тонким пением моторчиков пробежали освещенные снизу автоматические вагончики.

Дорога выходила из леса и уносилась в степь.

Она сияла, как река в лунную ночь.

12. ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ПОЛУФИНАЛ

Ило встретил восход солнца позже товарищей по Биоцентру. За ночь он пролетел и проехал более тысячи километров на юго-запад — и еще чувствовал в себе силы.

Подлетая к большущему озеру, один край которого был обрамлен хвойным лесом, а на другом среди пестрого от скоплений горных маков в траве — луга высились в окружении коттеджей покатые стены буддийского монастыря (ныне самого приметного и экзотического здания интерната), он издали услышал щебечущий шум. Вблизи он понял его происхождение: здесь хозяйничала, пела, ссорилась, играла в индейцев и во множество иных игр, загорала, училась летать, лазала по деревьям, кувыркалась в граве, купалась и исполняла еще тысячи важных

дел детвора. Республика Малышовка. Воспитатели при-
сматривали за всеми с верхних этажей, иные парили над
лугом и озером, возились с детьми. Вид у них был довольно
замороженный.

Ило ждали. Общий гомон прекратился, тысячи глаз
смотрели, как он спланирует и сядет на площадку у озера.
Пока он снимал крылья, к нему раньше воспитателей
приблизился один — в выцветших, почти не выделяющих-
ся на загорелом теле шортах. Светло-рыжие волосы над
крутым лбом и около шеи слиплись в косички от неумерен-
ного купанья, короткий нос слегка лупился, губы были
сложены властно. «Заводила», — подумал биолог.

Мальчишка остановился в трех шагах, заложил руки за
спину, расставил ноги, посмотрел снизу вверх, но будто и
не снизу:

— Это ты, что ли, будешь нашим Дедом?

— Могу и вашим, а что? — Ило чувствовал себя нелов-
ко под пристальным оценивающим взглядом.

— Назовись.

Ило назвался полным именем.

— О-о... — после короткой паузы, расшифровав все в
уме, сказала дитя, — ничего! Это нам подходит. А то
присылают... какие в прошлом веке родились и дальше
Космосстрою не бывали! — Малыш протянул руку: —
Эри 7. Пойдем, я тебя познакомлю с нашими. У нас своя
команда «орлов». «Орлы из инкубатора», ничего, а? Только
девчонок не возьмем, ладно?

Биолог осторожно пожал шершавую ладошку, от-
пустил.

— Это почему?

— Да ну, с ними одни хлопоты: хнычут, кокетничают,
ябедничают. А то еще это... влюбляются.

«Эге, — подумал Ило, — взрослые за значительные дела
в мире взрослых почтили меня званием учителя. Но по-
хоже, что экзамен на учителя я держу сейчас».

— Ну что ж, — раздумчиво сказал он, — может, и в
самом деле не возьмем... Но тогда и приверед не возьмем,
согласен?

— Каких это? — насторожился Эри.

— Да таких, знаешь... которым все не так да не этак,
не по ним: те плачут, те влюбляются, те не рыжего цвета...
В каком мире эти люди собираются жить, ты не знаешь?

— Хм... — Мальчишка опустил голову, поковырял

босой ногой землю, поднял на Ило чудесные диковатые глаза.— Намек понят. Тебе, я гляжу, палец в рот не клади!

— Хочешь попробовать? — Ило присел, хищно раскрыл рот.

Малыш со смехом спрятал руки за спину.

Через минуту они уже были друзьями. Эри за руку повел нового Деда к «орлам из инкубатора».

...И впервые за прошедшие сутки незримая рука, стискивавшая все внутри настолько, что не давала глубоко вздохнуть, расслабилась. Ило очень хотел оказаться нужным Эри и другим детишкам; они-то уж, во всяком случае, были ему необходимы.

Книга вторая

ПЕРЕВАЛЫ ГРЯДУЩЕГО

Часть I. КРУТОЙ ПОДЪЕМ

1. КОСМОЦЕНТР ВЫЗЫВАЕТ ИЛО

АСТР. Строго говоря, я не должен больше беспокоить тебя по тому делу, Ил. Состоялся Совет Космоцентра, на нем к твоему мнению обо мне присовокупились и другие, тоже нелестные. И... словом, через три дня я улетаю на Трассу, контролером роботов-гонщиков.

ИЛО. Что ж... надеюсь, ты не воспринял это как жизненное поражение? В конце концов, мы ищем себя всю жизнь. Если на Трассе ты поймешь то, что не понял в Солнечной...

АСТР. Да-да. Я тоже старый, Ило, не надо философских прописей. Тем более, что если в отношении меня ты оказался во многом прав, то в деле о пришельце Але — нет. Наш спор не окончен!

ИЛО. Спор?

АСТР. М-м... да, я опять не так сказал, извини. Не спор, не в твоей или моей правоте здесь дело. Но ты понимаешь: проблема Берна-Дана не решена. И пока она не решена, я себя отстраненным от нее не считаю. Сейчас мы дальше от решения, чем были раньше. Я в курсе того, как повел себя Аль в критической ситуации. Не буду высказывать чувства, они понятны. Но ты не можешь оспорить теперь, что не пробудили вы в нем своими преобразованиями высокое человеческое сознание, не пробудили! Ни для жизни, ни для осознания в себе памяти Дана. А раз так, то и ты, Ил, отстраниться от этого не вправе. Ты от всего отходишь, я знаю. Но это из долгов, которые не погашаются даже смертью.

ИЛО. Что ты предлагаешь?

АСТР. Сейчас он блуждает, может попасть в опасную ситуацию, погибнуть. Или — пусть тебя не шокирует такое предположение — одичать. Надо бы его найти, ненавязчиво держать под контролем. Не пора ли пробуждать память в нужном направлении? На месте тебе видней. Но... делай же что-нибудь, делай! Если не ты, так кто?

ИЛО. Что ж, пожалуй, ты прав.

АСТР. Со своей стороны обещаю до отлета сделать все, что смогу, чтобы Космоцентр и далее держал эту проблему под контролем. Раз уж на тебя, как выясняется, надежда слабовата. Уж не обессудь! Прощай.

2. КОСМОЦЕНТР ВЫЗЫВАЕТ АРНО

ИРЦ. Соединяю Линкастра 69/124 и Арнолита 54/88. Земля, Таймыр, испытательный отряд завода автоматического транспорта.

АСТР. Привет, Ари! О, парень, ты хорошо выглядишь, что значит работа на свежем воздухе! Рыжий-красный, человек опасный, хе!

АРНО. Здравствуй.

АСТР. Ну, как вы там, как Ксена? Все лихачите?..

АРНО. ИРЦ, передавать только существенное!

ИРЦ. Принято.

АСТР. ИРЦ, как старший отменяю приказ Арнолита! Тысячу чертей и сто пробойн в корпусе, я лучше знаю, что существенно, а что нет! Если я начал разговор в маразматическом ключе, значит, так и надо, этим я преследую определенную цель!.. Ну, народ, ну, люди: то им не скажи, так не сделай! К черту, в космос, в тартарары, на Трассу — звезды все примут, роботы все простят!

АРНО. Теперь покатайся по полу для успокоения.

АСТР. Что — помогает? Покажи как.

АРНО. Обойдешься. Так какую цель ты преследовал речью в маразматическом ключе?

АСТР. А ту, что старых надо жалеть. И так мне достается со всех сторон. Думал, может, Арно, мой выученик, меня пощадит.

АРНО. Ты много меня щадил?

АСТР. А ты не в порядке сделки — бескорыстно, от благородства души. Знакомо тебе такое понятие: благородство — или передать по звукам? Буря... Лес... Аргон...

АРНО. Ух, Астр, ну... замечательное у тебя умение находить общий язык, просто потрясающее! А разговаривать так со мной — куда как благородно, да?

АСТР. Да... да-да... Ну, прости. Я ведь потому, что не знаю, как подступиться. А попытаться должен. И видимся в последний раз... Улетаю на Трассу, знаешь?

АРНО. Нет. Не интересуюсь. Не переходи на жалостливый ключ, подступайся, к чему наметил.

АСТР. Понимаешь, мы тут прикидывали, спорили... Все ваши в разгоне — из Девятнадцатой. Трое канули в космос навсегда. Другие вернутся через годы. А дело не терпит.

АРНО. Какое?

АСТР. Да с этим Альдобрианом. Пришельцем. Берном с примесью Дана. Он дурит и дуреет, информация может пропасть. Кстати, Ар, как Ксена отнеслась к этой истории?

АРНО. Почему бы тебе не спросить это у нее самой?

АСТР. А... уже можно?

АРНО. И это узнай у нее самой.

АСТР. Хм, да... значит, вы до сих пор этих тем не касаетесь. Но как по-твоему, она знает?

АРНО. Кто в Солнечной об этом не знает!

АСТР. Понимаешь, она бы лучше всего... лучше всех вас смогла бы пробудить в Але Дана. Ну, хоть на время считывания по новой методике Биоцентра. А?

АРНО. И сама вернется в прежнее состояние?! Ну, знаешь... Ты видел, какой мы ее привезли? Но ты не видел, какой мы ее сняли с Одиннадцатой. Вот что, Ас: улетай. Улетай на Трассу, выкинь это дело из головы. Ты напрасно раздул проблему Дана, проблему Одиннадцатой. Никакой особой загадки там не было, чрезвычайной информации в мозгу Дана нет. Комиссия все правильно установила и решила. Улетай. Того, чего ты хочешь, не будет.

АСТР. Я хочу — а ты?! Ведь это же твоя экспедиция, твоя! Выходит, и о тебе все правильно?

АРНО. Выходит, да. Прощай!

3. ПОРА ПРИЛЕТА ПТИЦ

Человек, из-за действий или решений которого погиб другой человек, если доказано, что было возможно избежать этого, лишается права самостоятельной работы навсегда.

КОДЕКС XXII века

«Космоцентр вызывает Арнолита!» «Арно, Ари, это тебя, скорей!» — окликали товарищи. Это его, его!.. Какая буря надежд и разочарований прошумела в душе за минуты! Надежд — потому что он, бывший командир Девятнадцатой звездной, осужденный на пожизненную несамостоятельность, вычеркнутый из списков, «сосланный» на Землю, — оказался вдруг нужен космосу. И разочарований — когда понял, для чего нужен: в качестве подсадной утки. Даже нет, это Ксена должна проявить себя в таком качестве, а он — лишь воздействовать на нее.

Арно шагал по кромке берега, по гальке и песку, перемешавшимся с низкой травой. Холодный полярный ветер гнал крупную волну с барашками пены. Высоко в белесом небе тянулся в сторону Новой Земли клин гусей. Порывы ветра нарушали их строй; они подравнивались, негромко деловито гоготали — будто обменивались впечатлениями. Он проводил клин глазами, подумал: как живая природа корректирует наши представления о вечном. Были здесь, в Северном океане, «вечные» льды — и нет. Была «вечная мерзлота», тундра — тоже нету, хвойные и лиственные леса выросли на согретой, богатой влагой почве. А весенний прилет птиц как был, так и остался.

Подумал об этом с усилием, хотел отвлечься. Не получилось, мысли вернулись к диалогу с Астром. «Мой выученик»... уж прямо! Техника полетов и манипуляций в невесомости в ранцевых скафандрах — азы, самая малость, любой космостроенец ныне сдает два таких зачета. А что, может, в том и дело, что азы — все равно как учиться ходить? Ведь только после этого возникает чувство принадлежности Вселенной, а не Земле. «Эх, лучше бы мне это не чувствовать!»

...Именно Астр задал на следственной комиссии вопрос, решивший его судьбу:

Почему ты не разделил их? Зачем отправил на одну планету?

Это и была та самая доказанная возможность избежать — подлая штукавина, которая всплывает, когда ничего уже не избежишь и не поправишь.

В скудных фактах, собранных на Одиннадцатой с немалым опозданием («Альтаир» как раз находился за Альтаиром и пока вышли из зоны радионеслышимости, пока поняли, что сигналов нет потому, что их не посылают, пока он долетел...), получалось, будто Дан разбился из-за того, что на максимальной высоте вышли из повиновения биокрылья. А из повиновения они вышли в богатой кислородом и углекислотой атмосфере планеты от неоптимального сгорания в них АТМы, возникающего при этом «кислородного опьянения» искусственных биомышц, их дрожания и судорог; это потом подтвердили лабораторно.

Но главное было то, что Дан, получалось, погиб в результате собственной неосторожности, легкомыслия, непростительного для астронавта-исследователя. Объяснить это можно было, в свою очередь, только его ненормальным психическим состоянием, которое проистекало от их с Ксеной взаимной влюбленности друг в друга, из-за чего их пребывание на этой красивой планете было скорее праздником любви и уединенности, чем работой. Такое мелькнуло в первой и единственной их передаче с Одиннадцатой, а когда Арно опустил туда, увидел закат и восход Альтаира — симфонии огней и красок, — то понял (у Ксены ничего узнать уже было невозможно), что Дан, несомненно, фигуриал, залетал бог весть куда ради эффекта и наслаждения видами. Такой вывод подкрепляла и скудость собранного этими двоими материала о планете.

После этих показаний Арно комиссии и возник вопрос.

— Это... это было бы неправильно понято, — ответил он.

— Как? Кем?

— Всеми. И ими. Как использование командиром власти для удовлетворения личных чувств.

— Каких именно?

— В подробности вдаваться не хочу.

— Иначе сказать, и ты был равнодушен к Ксене?

— Можно сказать и так.

В решении было записано: проявил слабость, непредусмотрительность, допустил ошибку, которая привела... все как полагается. И теперь ему закрыт путь даже на Космосстрой. Даже рядовым монтажником. Даже сцепщи-

ком контейнеров. Потому что в космосе любая работа самостоятельна и ответственна.

Что ж, все правильно. Он и сам ставил бы такие вопросы, сам проголосовал бы за такое решение. Люди могут не заметить чью-то ошибку, могут не придать ей значения, могут простить — космос все заметит и ничего не простит.

И все-таки... все было так, да не так. Здесь, дома, в залах и коридорах лунного Космоцентра, все выглядело как-то проще, ординарней. Происшествие было одним из многих, да и сама экспедиция тоже: заурядная (в той мере, в какой могут быть заурядны звездные перелеты) Девятнадцатая в так называемом Тысячелетнем плане исследования ближне-звездного пространства, сферы вокруг Солнца радиусом пять парсеков. Шестьдесят звездных объектов, расписанные — с учетом сдвоенных и строенных — на 44 радиальные экспедиции. Теперь, после открытия Трасы, подумал Арно, с этим планом закруглятся до конца столетия.

И звезда Альтаир в созвездии Орла была среди всех объектов далеко не самым интересным; не сравнить ее с давшими богатый материал для понимания природы тяготения двойниками Сириус А и Сириус В, Крюгер-60 А и В, с изменившей представления о метрике Вселенной быстролетящей звездой Барнарда или с тем же Тризвездием Ω -Эридаана, породившим антивещество. Непеременная, со сплошным спектром — яркий ориентир, к которому надо долететь и поглядеть, что там. Только и есть двенадцатитысячеградусный накал, светит ярче десятка солнц. Даже о существовании планет около нее знали давно, с первых наблюдений во внеземные телескопы.

Что и говорить, было достаточно причин, чтобы в ретроспективном взгляде с Земли все стусевалось, смазалось в дымке ординарности, казалось сводимым к проверенным жизнью силлогизмам, простым следствиям из простых причин. Даже то, что Дан и Ксена были самыми молодыми, а следовательно, и самыми эмоционально нестойкими членами экспедиции, работало на версию. И то, что он, командир экспедиции, был равнодушен к биологу-математику-связисту Алимоксене... Неравнодушен-влюблен! А было не так просто.

...Все мужчины и женщины «Альтаира» были неравнодушны к этим двоим. Может быть, мужчины более к Ксене, женщины — к Дану, но в целом именно к ним двоим, к

раскрывающемуся на глазах прекрасному цветку их любви. Было в этом равнодушии куда больше благодарности, чем влюбленности. И... человеческого самоутверждения.

Все дело было в космосе. В Великой Щели, темном овраге, разделяющем две обильные звездами ветви Млечного Пути по ту сторону галактического ядра; она была почти по курсу, в созвездии Стрельца — прекрасное зрелище, от которого стыла душа. Расстояние в 16 световых лет до звезды они одолели за 18 календарных лет, за три релятивистских (внутренних) года, за год биологического (личного) времени; пробуждались для работы после долгих анабиотических пауз. За это время Альтаир превратился из белой точки в ярчайший диск, изменились Орел и Стрелец, все рисунки из ярких звезд, а Великая Щель и ее звездные берега-хребты были в с е т а к и е ж е! Букашка ползла в сторону горы, одолела «агромаднейшее» в букашкиных масштабах расстояние от кочки до кочки, а гора на горизонте какой была, такой и осталась.

«Мир — театр, люди — актеры». Но слишком просторна была сцена — дальний космос, слишком хорошо просматриваема и освещена, чтобы и на ней ломать привычную человеческую комедию.

Да, дело было в космосе: в холодной беспощадности пустоты на парсеки вокруг, в огненной беспощадности Альтаира, к которому защищенный нейтральной броней звездолет приблизился только на 80 миллионов километров, в неощутимой губительности потоков космических лучей. И здесь, в условиях спокойно отрицающих все земное и человеческое, затерялся, летел, жил их мирок — частица земного и человеческого. Они работали, наблюдали, общались, отдыхали, даже веселились — но в душе каждого неслышно звенела туго натянутая струна.

И вот здесь... нет, это невозможно объяснить. Это нужно пережить: видеть, например, как бегали в оранжерею глядеть на всходы огуречных семян — и потрясающей новостью было, что на первом ростке разделились семядольки. И любовь Ксены и Дана была таким человеческим ростком: в ней — в отличие от рациональных, продуманно-сдержанных отношений всех прочих между собой — было что-то иррационально простое, первичное. И вырвать росток, потеснить различными «мерами» их любовь значило — даже при полном успехе экспедиции — отступить

перед космосом в чем-то важном, может быть, в самом главном. «Ведь в конечном счете,— додумал сейчас Арно,— в космос летят не только для измерения параллаксов, параметров орбит, плотностей корпускулярных потоков. Летят для познания жизни во всей ее полноте».

«А почему ты не сказал все это на комиссии?» — спросил он себя. Потому что странно было бы объяснять товарищам-астронавтам про Великую Щель и беспощадность космоса. Все они переживали подобное; в иных экспедициях возникали и ситуации типа «любовь А к Б», а возможно, и лирические треугольники или иные фигуры — только что дело не дошло до трагедии и не стало предметом расследования... И ещё потому, что раньше лишь чувствовал то, что теперь ясно понял. Впрочем, он и сейчас еще не все додумал, слишком трудный предмет «Любовь и космос», к нему не готовили в Академии астронавтики, по нему не делились опытом звездные ветераны.

Любовь и космос... Отправлялись в полеты мужчины и женщины, отобранные среди сотен тысяч по принципу предельной гармоничности развития (малой частью ее было владение многими специальностями) ума, духа и тела, с исключительным зарядом жизненной энергии. Естественным следствием этого была повышенная привлекательность.

Любовь и космос... Непроста полет гусей навевал Арно мысль о вечном. Что мы знаем о мощи живого, о значении явлений в живом во времени, в истории Вселенной? Может быть, любовь существовала, когда еще не было звезд?

Любовь и космос... Правил для взаимоотношений не было, кроме одного: исключается все, что ослабляет душевно или телесно.

Может, этим была ущербна любовь Дана и Ксены? Это он просмотрел? Нет, не просмотрел: не было ослабления. Не манкировали они делами, обязанностями, товарищами, все исполняли на высшем астронавтическом уровне; отношения со всеми были корректно-теплые. Правда, был налет. Привкус... И скафандр Дан надевал будто не для выхода в космос, а для нее (а Ксена — для него) и проводил часы в рубке или в обсерватории как бы не для расчета орбит, не для точных измерений, а во имя любимой. И она проверяла действия корпускулярного излучения Альтаира на грибки, бактерии, вирусы, просиживала вечера за пультом вычислительного автома-

та тоже как бы не для познания, а для Дана, от избытка любви к нему. Товарищей по экипажу, да и Арно, это развлекало, иногда — очень редко — раздражало; но их самих он не мог упрекнуть ни в чем.

«Ненормальное психическое состояние», — вспомнил он фразу из вердикта комиссии, усмехнулся. При виде Дана, там, у Альтаира, ему не раз приходило в голову: не есть ли наиболее нормальным состояние именно его — глубоко и уверенно любящего человека, — а не прочих, благоразумно сдерживающихся? Эти двое жили будто в более обширном мире: он включал в себя реальность как часть.

И эта Одиннадцатая планета, самая благополучная из всех... Кто знает, где тебя ждет смерть! Разве сравнишь ее с тремя ближними — расплавленными каплями, окутанными тысячеградусной галогенной атмосферой. Или с двумя следующими — мирами мрачного хаоса, извержений, сотрясений хлипкой коры. Или с Шестой, юпитероподобной, с затягивающими газовыми воронками; в одной бесследно пропал Обри, планетолог — и в его смерти никто не упрекнул командира по возвращении. Строго говоря, и Дана следовало направить на первую шестерку планет, а Ксену, биолога, на Одиннадцатую с ее кислородной атмосферой. Но не одну, разумеется. А с кем? Вот то-то: с кем?.. Арно долго размышлял, прежде чем объявил состав групп и график работ. И не было в этом решении слабости, не было! Поступить иначе — значило больше создать проблем, чем разрешить.

«Стоп!» Арно остановился, огляделся. По-прежнему низкий берег, волны, ветер. Белые скаты ангаров-цехов еле виднелись за лесом. Отмахал по кромке километров пять, думая успокоиться. А вышло наоборот, растравил душу, вспоминая, доказывая себе, что прав.

Б ы л б ы п р а в — если бы не погиб Дан, не тронулась рассудком Ксена, если бы Одиннадцатая не осталась «белым пятном». Ведь что-то там все же стряслось — вопреки его прогнозам. Не получается ли, что он теперь подбирает доводы для самооправдания?

— Настолько ли ты уверен в своей правоте, что — доведись снова решать — решил бы так же?

— Нет, не настолько. Слишком велика потеря. И слишком жестоко наказание.

Он повернул обратно.

Она ждала Арно на разъездном дворе обучаемых автовагончиков.

Она встречала здесь, на севере, третью весну. В этом месте, на комбинате управляющих кристаллоблоков, люди не заживались. Освоят интересные тонкие операции, вроде образования кристаллических затравок-«генов», поработают на регулировке блоков персептронной памяти, где от операторов требуется художественный вкус и точный расчет, потом передают свой опыт новеньким — и дальше в путь. Все-таки север, места хоть и обжитые, но ветреные, неласковые; вся экзотика их сводится к многосуточным летним дням да таким же ночам зимой.

И еще — здесь мало творческой работы. Технология изготовления кристаллоблоков давно отлажена, автоматизирована, спрятана под колпаки и в камеры, в них в атмосфере горючего гелия и паров веществ затравки-«гены» обрастают сотами кристалликов, в которые ионные пучки вписывают нужные схемы. На них оседают защитные покрытия с прожилками контактов, лапы манипуляторов одевают блоки в корпус, маркируют и укладывают в контейнеры для отправки на «воспитательные участки». Там за них принимались люди. На окрестных плантациях, в лесах и садах, в воздухе, в подводных ангарах, полого уходящих по шельфу в глубины Карского моря, они обучали кристаллоблоки тому, что умели сами: синтезировать пищу, выделять из руд металлы, водить автовагончики, глissеры, вертолеты, собирать водоросли, просверливать туннели нейтриновым буром в монолитных скалах, изготавливать фотобатареи для энергодорог и крыш, пахать, сеять, препарировать насекомых, делать тончайшие срезы под микроскопом — и многому, многому еще.

Делалось это по принципу: «Поступай, как я». Человек управлял соответствующим устройством, кристаллоблок запоминал обобщенный по всем сигналам электрический образ делаемого. Творчества от людей и здесь не требовалось, только высокая квалификация.

У них с Арно она была. Они опробовали многие занятия, более всего их увлекло «воспитание» на автодромах кристаллоблоков-водителей. На Земле не было тех головоломно-сложных условий, какие создавались на автодромах, — партии кристаллоблоков назначались для

других планет, для проекта Колонизации. Так что и здесь, получалось, они работали на космос.

Последнее время за продукцией комбината часто прилетали командиры будущих переселенческих отрядов, дальнепланетники. Среди них были знакомцы или — чаще — слышавшие об Арно и о ней, знавшие их историю (кто в космосе ее не знал!). Арно избегал встреч, а если не удавалось, то избегал не относящихся к делу разговоров, чтобы не бередить душу. Она избегала этого, чтобы не расстраивать его.

Да ее и вправду больше не увлекал космос. Пережитое в Девятнадцатой экспедиции и не вспоминаемое теперь, может, только и осталось у нее в душе повышенной привязанностью к Земле, к устойчиво-разумному, доброму миру. Все равно где в нем жить — везде хорошо. Лучше, чем там. Мысли об усеянном колючими звездами пространстве вызывали малопонятный ей самой страх.

В ожидании Арно Ксена вывела за ворота его и свой составы. Командир появился наконец, но не от сферодатчика — с берега. Подходя своей изящно-четкой походкой, Арно со сдержанным извинением глянул ей в глаза, сказал:

— Астр улетает на Трассу. Насовсем. Спрашивал о тебе.

Встал за пульт своего состава, помедлил самую малость, прежде чем тронуть: ожидал, не спросит ли Ксена, что именно. Если бы спросила, он бы ответил, еще бы спросила — еще бы ответил.

Она не спросила. И без того непростые ее отношения с Арно осложнились после появления этого пришельца Аля. Ее более других взволновала новость, что этому человеку пересажена часть мозга Дана — ее Дана! Она наблюдала Аля в том его «интервью», потом заказывала ИРЦ воспроизведение записи, видела в сообщении ИРЦ Берна после преобразования его тела. Это был чужой, совсем не похожий на Дана человек. И в то же время — с самого начала было в нем что-то от Дана. Было, она чувствовала. Настолько было, что в том споре Ило и Астра с общепланетной трансляцией была целиком на стороне Ило и против Астра — она, астронавка, ученица Астра!

Может быть, ей просто не хотелось смириться с тем, что Дан не существует — пусть как надежда, как вероятность?

Ясно, что Астр беседовал с Арно все о том же: о пришельце Але, проблеме Дана — а если и о ней, то в той мере, в какой это относилось к делу. Не такой человек Ас, чтобы вызывать Арно из лирических побуждений, покалякать перед отлетом.

Ксена, трогая состав, спросила о другом:

— А где же твой шлем?

Арно только махнул рукой: «А!» — и прибавил скорость.

По строгим правилам техники безопасности ей, старшей в их испытательной группе, полагалось вернуть Арно за шлемом. Но это по правилам, по букве. На самом деле, конечно, он был старшим, был и остался для нее командиром. Не имело значения, что он осужден на несамостоятельность. Это очень много — командир в космосе; на Земле давно нет и невозможна та власть над людьми, которой располагал он. В обычных обстоятельствах он — товарищ; но в необычных, требующих напряжения воли и мгновенных решений, каждый член экспедиции становится будто его шупальцем, его исполнительным органом. Он мог одним словом послать любого из них на очевидную смерть — ее, Дана, всех; и каждый с Земли воспитал в себе готовность исполнить и такой приказ. Вот что значит командир в космосе — и разрушить это их отношение земные постановления не в силах.

Да и без того он много значил для нее: и как человек, возившийся с ней, опекавший лучше любой няньки, когда она в первый год после возвращения была больна душой, и как переживший многое вместе с ней. Слишком многое, чтобы не пытаться брать верх, ставить на своем, словом или жестом теснить его самолюбие.

Единственно, да и то больше для декорума, Ксена первая вывела на дорогу свой состав из ободранных ковшеобразных вагончиков, наполненных камнями, металлоломом, кусками бревен. Фокус «воспитания» в том и состоял, чтобы провезти это имущество по автодрому, не растеряв, на предельных скоростях.

Грунтовая дорога, мягкая после ночного дождя, вела мимо оврага к холму; за ним и начинался автодром. Им служил большой участок леса — хвойного, но с примесью березы, дубняка, эвкалипта; они повсеместно распространились на земле после Потепления.

Деревья — единственное, что на этом участке остава-

лось на месте; за все иное поручиться было нельзя. Всякий раз, подъезжая, они могли только гадать, какие сюрпризы приготовил сегодня им автомат-преобразователь. Он, действуя по закону случайных чисел, сравнивал прежние препятствия и создавал новые: от бетонных надолбов и скал до хорошо замаскированных трясин. В этом был самый интерес. Арно и Ксена каждый раз будто проверяли себя, убеждались, что космическое быстроедействие и мгновенность ориентировки еще есть в них.

Слева от дороги над пологими горбами в ежике сосен волочилось оранжевое слабо греющее солнце.

Арно обошел Ксену перед первым подъемом, прибавил скорость. Быстрая езда веселила душу. Моторы вагончиков запели звучней.

— Не рано? — крикнула Ксена. Именно с этого холма было удобно обозреть ближний участок автодрома, засечь «сюрпризы».

— Вперед! — донеслось к ней.

Она тоже наддала. Въехала на гофрированную полосу, место взбадривающей тряски. Отсюда начинался автодром. Ксена плотнее взяла штурвал, расставила ноги, уперлась спиной в стенку кабины: вперед! Началась гонка через ямы, колдобины, пни, мимо кустов, валунов, надолбов, скрытых провалов... Каждый выбирал свой маршрут для состава, но поскольку целью было первым пересечь автодром, получалась именно гонка.

Надо было смотреть в оба, чтобы проскочить под здоровенным суком, целившим в голову, обогнуть валуны среди травы, не забуксовать во внезапной топи, не опрокинуться на крутом вираже, тормознуть на спуске, переключить скорость на песчаном подъеме. Вниз, вверх, влево, вправо! Моторы то завывали на пронзительной ноте, то переходили на басы; камни, железки и бревна гулко ударяли о борта; руль рвался из рук.

Состав Арно белой гремющей полосой мелькал слева за деревьями. Он обходил. Ксена прибавила скорость, разогнала состав по накатанному знакомому спуску, не подозревая, что внизу ее ждет новинка: камышовая топь с илистым дном. Арно открыл ее первым, чуть не влетел. Выбора у него не было — он круто повернул вправо, пересек путь Ксены. Она ахнула, отчаянно затормозила, но необъезженный кристаллоблок замешкался на малую долю секунды. Они столкнулись.

Удар, треск, грохот. Арно подбросило выше дерева рядом. Он попытался сгруппироваться, чтобы упасть по-кошачьи, руками и ногами, но зацепил ногой ветку, полетел кувырком, грянулся о землю всей спиной.

Ксена кинулась к нему. Он лежал, раскинув руки, мускулы тела обмякли, глаза закрыты, губы закушены.

— Ари! Эй, командир, что с тобой? — затормошила она его. — Очнись. Не я ли напоминала о шлеме!

...А ему было невыразимо приятно, что эта женщина испугалась за него, хлопочет и волнуется. Вот встала на колени, расстегнула его комбинезон, приложила голову к груди... Выждав немного, Арно вдруг зарычал и сгреб ее в охапку.

— Мальчишка! — Ксена сердито смотрела на него.

— А ты зачем так летишь на спуске?

— А зачем пересекаешь? Нужно было пропустить.

— Ишь чего захотела!

— Я и говорю: мальчишка.

Их слова уже были наполнены иным смыслом. Арно понял, улыбнулся чуть смущенно; улыбка в самом деле превращала его в озорного паренька.

— Рыжий. — Ксена взяла его лицо в ладони. — Рыжий...

Некоторое время они лежали, отдыхали. Глядя на бело-голубое небо с возвысившимся солнцем, слушали шелест листвы. Сырой ветерок нес из глубины леса запахи хвои, осин, ив, ласкал щеки и руки. Они лежали — близкие и очень далекие друг от друга; думали об общем, объединяющем их, но всяк на свой лад.

Арно думал, что Ксена не спросила его о разговоре с Астром, избегает этой темы, боится. Они оба избегают ее, это еще болит в них. Три года прошло, а болит. Не потому ли они так близки? Двое потерпевших кораблекрушение, выброшенных на берег вселенского океана. Не на берег — на островок, на кочку-планету. Нет у этого океана берегов. Они выпали из космического братства, объединявшего осознанием Бесконечного — Вечного; выпали из сообщества людей, для которых нормальна возрастная дробь, нет «своего» времени. И для дальневиков, и для трассников это обычная специфика жизни-работы: разноразличное календарного и биологического времени, исчезновение в космосе на десятилетия... и даже холодный расчет, в результате которого надо погибнуть

или погубить товарищей, чтобы отправить информацию. Для почувствовавших Бесконечность — Вечность в этом нет ни подвига, ни драмы. Драма осесть так, как они с Ксеной.

«Та жизнь нормальна, в космосе,— думал он.— А здесь — самообман, начинающийся с понятий вроде «я стою на земле»... Здесь я до сих пор как-то ничего не могу принять всерьез. Самообман мелких дел, отношений, чувств. Да и что может быть крупного на планете, на комочке вещества, ввинчивающегося по спирали в космос! А надо привыкать, другого не будет. Вот: я лежу на земле...»

Он усмехнулся, смежил веки. Не получалось у него «я лежу на земле». Планета летела в черном пространстве, отдувался назад ее электронный шлейф — летела вместе с Солнцем, ближними звездами в сторону созвездия Цефея. И он не лежит — летит впереди планеты, участвует мыслью в этом мощном, со скоростью 250 километров в секунду движении галактического вихря. Что перед этим движением все остальные!

«Такая жизнь нормальна,— снова упрямо подумал он,— грудью вперед, к звездам. Человек живет во Вселенной, где бы он ни находился».

Арно покосился на Ксену: она лежала облокотясь, кусала травинку.

«А любим ли мы друг друга, если молчим о столь многом и важном? Сближает нас наше молчание или напротив?»

...Однажды у нее прорвалось — после появления этого пришельца, которого спасли ценой головы Дана. После его потрясающего «интервью». Арно было недосуг, не смотрел — но когда рассказали, то смеялся, качал головой. Ксена смотрела, сведя брови в ниточку, а когда остались одни, упрекнула:

— Почему ты смеялся? Он чужой среди нас, ничего не знает, ему трудно и одиноко. Куда более трудно и одиноко, чем было нам, когда вернулись,— помнишь? А ведь мы отсутствовали всего тридцать шесть лет.

Арно промолчал — все то же отдаляющее молчание. Слишком много чувства было в упреке Ксены — к кому? К Дану? К нему? К этому Алю?.. Он помнил, какими они вернулись. Помнил и то, чего не могла помнить Ксена: какой она была тогда.

Она была горько, просто насмерть обиженным ребенком. Только у детей это быстро проходит — а у нее не проходило дни, недели, месяцы. Такой он ее снял с Одиннадцатой. Путь от Альтаира сюда она проделала в анабиозе, он обычно успокаивает, но не подействовал. Самые осторожные расспросы о происшедшем на планете, даже заведенный при ней разговор об этом повергали ее в тонкий, неудержимо горький плач. Сердце переворачивалось смотреть на нее, слушать. Усилия психиатров вывели ее из истерического состояния, но она еще долго выглядела пугливой девочкой. Жалась к Арно, боялась — небывалая вещь — других людей.

Из-за этого дисквалифицировали двух психологов, комплектовавших экипаж Девятнадцатой: пропустили в дальний космос неврастеничку! Да, гибель любимого — горе, несчастье. Но сильную женщину это с ног не собьет, не уничтожит.

Ксена размышляла о том же: что Астр спрашивал о ней? И что он не уgomонится, все носится с идеей считать память Дана, будоражит других! И спрашивала себя: почему она до сих пор чувствует себя настолько близкой Дану, что перенесла это чувство на чужого, даже чуждого ей человека — Альдобиаана? Это не любовь, какая-то иная связь. Может, из-за дальнего космоса? Наверно, такое у них с Даном не возникло бы на Земле. На Земле у нее было иное с иным; тоже прекрасное — но земное.

«А какое отношение у меня к Арно — земное, космическое?» Она искоса глянула на четкий скандинавский профиль командира, на выразительной лепки лоб, скульптурно крупные завитки рыжих волос над ним — хорош. Но дело не только во внешности, за ней чувствовался большой заряд индивидуальности и силы, человек необыкновенной судьбы. Требовательный, проникающий в душу взгляд, скупые жесты, точные слова и интонации — все невольно заставляет подтянуться работающих с ним. Его одобрительная улыбка — чуть дрогнут уголки рта, размянут морщины у глаз — радуется больше похвал. Натура выразительного человека, ее не изменишь.

«А люблю ли я его? — спросила себя Ксена. — Уважаю — несомненно. Чувствую признательность — тоже. Даже вину... вот и перед Даном, которого давно нет,

я тоже будто виновата. Напасть какая! И конечно же, нежность к Ари. И буду стараться по-женски, чтобы ему было хорошо. Но только ему все равно нехорошо. И мне тоже. Слишком много необычного, громадного было в прошлой нашей жизни, чтобы сейчас, когда его не стало, стремиться к обыкновенному счастью. Достижение, куда там: соединение в благополучной любви, вековая мечта людей, которых на большее не хватало! Нет, будет либо не-обыкновенное, либо никакого».

Она поднялась:

— Эй, командир! Ты все летишь? Вставай, пора ехать. Смотри, что ты наделал,— она показала на искаженный передок своего состава и вогнутый бок вагона Арно.

— Ничего! — Рывок — и Арно на ногах. — За битого двух небитых дают. Теперь у твоего кристаллоблока есть рефлекс осторожности. В следующий раз он затормозит сам.

Они развели составы, повернули вспять. Если произошло столкновение, дистанция не засчитывается, ее необходимо пройти снова.

5. НА ЛЕТАЮЩЕМ ОСТРОВЕ

Самое общее впечатление Берна об увиденном и понятом за время блужданий укладывалось в слова: мир повышенной выразительности. Устойчиво-динамичной выразительности.

Выразительность бывает статичной, застывшей — такова выразительность горных хребтов. Выразительность бывает бурной — такова выразительность разгулявшихся стихий; такова же выразительность человеческой истории в драматичные периоды ее, в годы потрясений и поворотов. Выразительность этого мира была не застывшей, не драматической — устоявшейся.

Динамичной ее делала повышенная подвижность, изменчивость всего на поверхности планеты. Уже не говоря о циркуляции грузов по фотодорогам, хордовым туннелям, морским и воздушным путям, о быстрых строительных преобразованиях — нормой считалась жизнь, в течение которой человек поработает всюду. В этом мире не было устойчивой карты поселений, любые возникали, росли или исчезали по мере надобности. Имелись и образования,

вокруг которых надолго завихривались интересы людей, вроде Биоцентра, но в целом домом — и не декларативно, реально — была Земля.

Выразительность проявлялась в облике людей — и в интересности их проектов и дел. Она была в чистоте вод, в яркости красок закатов и восходов, в отчетливости уходящих за горизонт облачных гряд — и даже в мрачности таежных чащоб, в которые доводилось забредать Берну.

Сильное впечатление производили исполняемые ИРЦ переключения погоды. Берн теперь знал, как это делается: дополнительный нагрев суши в точно рассчитанных местах, охлаждение ее в других создают воздушное течение, которое влияет на форму зарождающегося циклонного вихря; где-то вертолеты ИРЦ высевают в воздух частицы, конденсирующие атмосферную влагу в облака (а их, если понадобится, в дождь); в иных местах распыляют в воздухе вещества, рассеивающие облака. Все это была техника. Но когда это делалось, то сочетание масштабов и быстроты преобразований картин погоды с вложенными в них знаниями, разумом создавало естественные симфонии, от которых замирала душа.

...Берн все последние недели был настроен философски-созерцательно; вникая в этот мир, он надеялся глубже понять себя. Лежа сейчас на краю острова с закинутыми за голову руками, он отшлифовывал свои впечатления.

Прежде выразительное в природе он понимал только под воздействием искусства, первичное через вторичное: музыку ударов волн о скалистый берег, например, он сначала слышал в произведениях Бетховена, а уж потом в натуре, на море. Точно так и зеленую прозрачность волн под солнцем он сначала заметил на картинах маринистов, а потом — на родном Цюрихском озере. Ни ледоходы на больших реках, ни вулканические сотрясения тверди, ни наводнения не пробуждали музыку в его душе. Наверно, он был слишком цивилизован: отретушированное и заключенное в рамочку отражение природы казалось ему лучше оригинала.

Но теперь было не так. Великий дирижер ИРЦ, запрограммированный людьми, исполнял посредством природных процессов концерты-преобразования. Все в них: и движения нагромождающихся в три яруса туч, и распо-

ложения просветов, и колыхание трав под порывами ветра, искусственно возбужденного, и шум деревьев, озарение закатным солнцем лесов и вод, пространственная ритмика молниевых вспышек в искусственных грозах и непреложно ясный грохот громов — все имело и повышенную против прежнего, чисто естественного, красу, и, главное, большой смысл.

Солнце склонилось к закату, небо очистилось от облаков. Но было еще жарко.

Неудобство летающего острова в том, что на нем не чувствуешь ветра — только порывы его. Берн перекатился в тень дубков, выросших у края.

Позади слышались плеск воды, взвизги малышей, изредка вразумляющий голос Ило... Команда «орлов» осела на острове вчера пополудни. Здесь была влюбленная парочка и йог. Парочка, спугнутая возней детей, снялась и улетела, а йог как стоял вот здесь, у дубков, на голове, так и продолжал стоять, пока девочки не повесили ему на ступни по венку из одуванчиков. Тогда он сердито фыркнул, встал, тоже намерился улететь, но Ило вежливо удержал его и попросил научить детей правильному главному дыханию.

Вчерашний вечер и сегодня утром тот тренировал «орлов» в волне вдоха-выдоха от низа живота до верха груди, в дыхании только животом, только диафрагмой, попеременно через одну ноздрю, в чередовании ритмов... В обед йог улетел. А малыши и сейчас надувались для прилива бодрости и сил — понравилось.

Ило задал детям работу: очистить от водорослей пруд — кроме поэтического уголка с белыми лилиями. Принцип «Земля — наш дом» налагал и обязанности, исполнять которые приучали с детства. Купаться после трудов в своем пруду было для «орлов» особым удовольствием.

Дети называли остров «лапутой»; похоже, что это название, только с порядковыми номерами: Л-151, Л-870 и т. д. — было в общем ходу. Остров напоминал облако километровых размеров, белое снизу (Берн сначала и принимал их за плоские облака), но спрессованное до сорокаметровой толщины. Это был участок земной суши с доброкачественной почвой на глиняном подслое, с травами, деревьями, кустами, с шестидесятиметровым в попереч-

нике озерцом, вода в котором пополнялась от дождей, и с тремя переносными коттеджами — их вертолеты ИРЦ доставляли всюду. Экологов, вероятно, ошеломило бы сожительство на «лапутях» трав, цветов, злаков, которые на нормальной суше разделены тысячами километров, соседство на деревьях воробьев и попугаев, скворцов и колибри, насекомых, собранных по всей Земле, от полюса до полюса.

Покойлось все на тридцатиметровом (в среднем у краев потолще, в середине тоньше) слое алюмосиликатной вакуумной пены. Она изготавливалась примерно так, как пористая пластмасса, только не на Земле, а в межпланетном вакууме, в космостроевских высях и сочетала прочность строительного бетона с легкостью, которую нельзя даже назвать воздушной: воздух на средних высотах был вдвое тяжелее ее. Тонна пены поднимала тонну груза.

Век назад, в разгар Потепления (и из-за него) вывели на орбиту и собрали там фабрики по ускоренному выпуску вакуумной силевой пены. «Лапуты» из нее были первым грамотным решением по замене исчезающей суши. Один остров принимал до тысячи жителей с вещами и запасами. Сотни миллионов людей летали тогда так кто выше, кто ниже, по воле ветров. В силу изрядной массы и размеров воздушные ураганы «лапутам» были не страшны. Для остановки и спуска причаливали к горе или цеплялись якорями за мосты, высокие здания, вышки высоковольтных, бездействовавших, как правило, тогда, линий — за что придется. Это было воздухоплавание в невиданных масштабах, воздухоплавание оседлое, воздухоплавание, как образ жизни.

Земля была сплошь окутана низкими тучами и только люди на «лапутях», поднявшись повыше, видели солнце.

Надобность в таком образе жизни давно миновала. В атмосфере осталось несколько тысяч «лапут» для созерцательного вольного путешествия (за год можно опетлять планету) да для переноски сверхкрупных предметов.

Было у них и другое применение — «тучи-экраны»: в местах скопления людей чалили остров на километровой высоте, и на плоское днище его проектор ИРЦ выдавал интересную всем информацию.

Из всего узнанного Берном тот факт, что космическая история человечества, его Солнечная эра, началась почти сразу после того, как он, махнув на все рукой, полез в шахту, ошелолил его более всего. Он не мог успокоиться.

Каким он представлял ближайшее будущее? Нервное истощение человечества в истерии холодной войны, а то и переход ее в горячую со всеми огнедышащими последствиями...

Если он вначале ошибся в прогнозах, надо ли удивляться, что и дальнейшая история мира сильно отклонилась от его представлений!

Отклониться-то она отклонилась только в какую сторону?

Было всякое.

Берн лег по-иному, поднял голову, облокотился. Ветер нес «лапу» к западу на полукилометровой высоте над сушей, нес бесшумно и плавно. Вечер был отменной отчетливости: сквозь прозрачный, почти без дымки воздух легко различались кроны деревьев внизу, фотодороги с вагончиками, детали двухъярусного моста через реку с прямыми берегами, скопления домов и люди возле них. К горизонту деревья собирались в ровные площадки рощ, окаймленные с востока тенью; пересечение дорог образовало там замысловатую паутину путепровода. В синеющей дали темный бор с прицельными прорезями просек отделял небо от земли.

Багровое закатное солнце накладывало на все розовый оттенок.

Вот они летят над обжитой сушей, разнообразной в географических подробностях, над рекой, текущей из глубины континента, над долами и холмами. И все это — девять тысяч километров с севера на юг и две тысячи с востока на запад — коралловый материк Атлантида.

Ее не нашли — создали. И еще четыре материка: Арктиду — на базе подводных хребтов Ломоносова и Менделеева, Индиану — в южной части Индийского океана, Меланезию и Гондвану — в Тихом.

Берн своими глазами видел, как их создавали.

Тогда, выйдя из леса к фотоэнергетической дороге, он стоял в оцепенении, наблюдая, как проносятся и исчезают вдаль на светящемся полотне вереницы обтекаемых голубых вагончиков. Тонкое пение шин висело в воздухе.

Через дорогу рискнул перебраться зверек. Берн прищелкнул: еж. Из лесу накатывал новый состав. Ежик заметил, засеменил в одну сторону, в другую, растерялся — и свернулся в клубок перед колесами переднего вагона. Состав остановился, подал назад и вправо, объехал комок, умчался в ночь. Затем и еж благополучно пересек дорогу.

«Ага!» Когда показался следующий состав, Берн вышел на полотно — с таким, однако, расчетом, чтобы успеть отскочить. Вагончики остановились, не пытаясь объехать его. Ему стало приятно: механизм, а отличает человека от ежа. Профессор заглянул внутрь: вагонетка была пуста, матово отсвечивало покатое дно. Он перемахнул через борт. Состав стоял.

— Ну? Вперед! — произнес Берн.

Через минуту воздух свистел в его ушах и волосах. Терпкий запах хвои сменился росным ароматом полевых трав и цветов. Фотодорога раскаленной светло-зеленой стрелой летела за невидимый горизонт.

Он стоял, держась за борта. Быстрая езда улучшила настроение. «Вперед!» Мелькнули огни справа: очерченный фотоэлементным сиянием ангар, какие-то мачты, домики. «Вперед!» Вагонетки пролетели по светящемуся мосту над темной рекой — только вжикнули перила по сторонам. «Вперед!» Ухнул с устрашающим воем встречный состав, подсвеченный снизу; растерзанный в клочья воздух немисливо спутал волосы. «Вперед!» Вылетевший на дорогу жук — бац! — разбился о лоб профессора. Он вздрогнул, потом рассмеялся. «Вперед! Что-нибудь да будет».

Устав стоять, лег на дно вагончика, подмостил под себя куртку, под голову руки. Вернулась ночь. Небо раскинулось алмазными точками светил. Мелькнул сумеречно светящийся человек на крыльях. Высоко в заатмосферном пространстве вспыхнули разом четыре столба белого пламени; они быстро уменьшились, слились в пульсирующую точку — с орбиты стартовал планетолет.

Езда убаюкивала, Берн уснул.

Проснулся он от того, что светило солнце Вагончики стояли. Вокруг слышались голоса, смех, кто-то напевал. Вкусно и свежо пахло яблоками. Берн, присев на корточки, выглянул из-за борта: насколько видно глазу шли ряды яблонь. Безлистые, с только начавшими набухать почками ветви отягощали крупные, налитые спелой желтизной плоды. Между деревьями двигались люди.

Раньше чем профессор придумал, как быть дальше, он услышал за собой:

— Эй, ты что здесь делаешь?

Берн встал в полный рост, обернулся. Позади стоял загорелый парень с ежиком черных волос над плоским, монгольского типа, лицом. В руке он держал надкушенное яблоко. «Ах, как неприятно!» Берн поморщился, с достоинством выпрыгнул из вагончика. На площадке между деревьями скопилось много заполняемых яблоками составов.

— Ты откуда? — спросил парень.

— Из... из Биоцентра.

— Но сегодня здесь работают лесоводы и подземники, было же объявлено! И почему ты не прилетел, а в вагонетке? Ты кто?

Берн лихорадочно придумывал ответ. Но парень избавил его от вранья — присмотрелся:

— А! Я знаю, ты Альдоблан, верно?

Берн кивнул. Его всюду узнавали по уникально седым волосам.

— Зачем ты здесь? — не успокаивался парень. — Что-нибудь случилось?

Берн пожал плечами. Ни лгать, ни говорить правду ему не хотелось. «Не обязан я ему отвечать!»

— А вы что здесь делаете?

— Собираем яблоки, как видишь. Сорт «перезимовавший». Хочешь?

Профессор взял предложенное яблоко, откусил. Оно было вне всякого сравнения: вкус зимнего кальвиля, помазанного гречишным медом. Он съел яблоко.

Они прошли между рядами. Нет, это был не труд в поте лица. Наличествовал, собственно, и пот, блестили лица и спины; но все равно — игра, развлечение. Вот выстроившиеся в цепочку мужчины и женщины перебрасывают яблоки в вагончик так ловко и быстро, что в воздухе от одного к другому повисли желтые арки; в лад движениям они поют что-то ритмичное. Вот парень по-

вис на суку вниз головой, обрывает яблоки с нижних ветвей. А эти двое забыли о сборе яблок, заняты друг другом. «Адам и Ева перед искушением...— желчно подумал Берн.— Райский сад. Не хватает только змия».

С высокого дерева на профессора и его спутника рухнул дождь яблок, послышался озорной смех девчат. Берн, потирая спину, громко возмущался. Парень-монгол стал швырять яблоки вверх. Кончилось тем, что обоим пришлось удирать.

Такое он видел и в Биоцентре, и после: труд физический был для веселья тела — как труд тонкий, творческий для веселья ума и души. Все исполнялось по какому-то солнечному закону: чувствуй себя частью вихря солнечной энергии, бурлящей вокруг планеты, ручейком, звенящим в потоке жизни,— и нет занудного, обессиливающего рационализма, нет усталости. Труд оказывался праздничным пьянящим занятием.

Крупные поля пахали, бороновали, культивировали, собирали с них урожай электрокомбайны, оснащенные кристаллоблоками. Но окапывали деревья между корпусов Биоцентра обычной лопатой, рыхлили землю около них и на клумбах граблями, выкашивали траву на лужайках косой-литовкой с деревянной ручкой. И надо было видеть, как играла-блестела она в мускулистых руках Тана или кого-то еще, как напевал он, делая саженные взмахи. А еще кто-нибудь, проходя, кинет фразу из старого (бывшего старым и в XX веке) косарского анекдота: «На пятку жми, на пятку!» — в ответ на что полагалось погрозить кулаком.

В лесах, на промышленных делянках, деревья — сырье для пластмасс и синтетканей — валили и обдeldывали автоматы-пильщики на гусеничном ходу. А мостик через ручей сооружали с помощью топора и ножовки из тесаных жердей; шиком считалось построить его без гвоздей. Берну не раз доводилось пить воду из колодцев с деревянными срубами; он видывал, как пахали неудобные участки на склонах на лошадях однолемешным плугом; в прикарпатских лесах бортник-любитель потчевал его, Ило и «орлов» медом лесных пчел.

Все такие занятия можно было автоматизировать. Но люди удовлетворились обладанием возможностью и не спешили отравлять себе жизнь реализацией ее.

Парень почувствовал, что Берн не расположен общаться, что-то скрывает. Он шагнул рядом, поглядывал исподлобья, хмурил брови — потом взял и ушел. Дальше по нескончаемому саду Берн прогуливался один. Наполненные яблоками вагонетки катились мимо него к фотодороге. Загорелые, ловкие, знающие свое место в жизни люди сновали среди деревьев; смех, шутки, рабочие команды. Здесь жили. До профессора с его терзаниями никому не было дела. Он снова почувствовал себя обойденным.

Так он вышел к стартовой вышке — пониже и попроще, чем в Биоцентре. У подножия валялись биокрылья сборщиков, пакеты с ампулами АТМы. «Райский сад, куда к черту,— все не мог унять желчь Берн,— только ангелы отдельно, крылья отдельно!» Тут его осенила мысль. Он осмотрелся: поблизости не было никого. Поколебался. Пробормотал:

— Где нет собственности, не может быть и кражи,— и принялся торопливо крепить на спине подходящие по размеру крылья.

Минуту спустя он уже летел на северо-запад.

Берн продвигался в Европу тем же маршрутом, каким два века назад прибыл на Гобийское плоскогорье: обогнул с северо-востока Тянь-Шань, затем пересек бывшие среднеазиатские пустыни, Сырдарью, Амударью, Каспий. В Европу значило — домой; хоть и понимал, что прежнего там осталось мало, но все надеялся с помощью мест и стен, которые помогают, крепче утвердить себя.

Он тогда не знал об общепланетной подземке, хордовые туннели которой тетивами стянули удаленные на сотни и тысячи километров места земной поверхности; цилиндрические вагоны-поршни подземки домчали бы его в Швейцарию за часы. Но Берн летел на биокрыльях либо прежним способом останавливал на дорогах вагончики — и не без того, что они завозили его не туда... Даже питаться первые дни он норовил только тем, что попадалось на глаза: плодами, зернами из колосков, съедобными корнями. «Не хочу я ничего из вашей жизни! Я — человек вне времени!»

Но не получилось «вне времени». Скоро он «заскучал» желудком и душой — и у ближайшего сферодатчика заказал себе хороший ресторанный обед: с салатами, бульоном, кровавым бифштексом, напитками. Однако вышла заминка: автомат объяснил, что такой обед он легко по-

лучит в столовой ближайшего, в нескольких километрах лёту, поселка геологов; высылать же вертолет с тремя судками в произвольное место — это слишком. Такое делается только для человека в крайних обстоятельствах. Настаивает ли Альдобриан на крайности своих обстоятельств?

— Да, настаиваю! — дерзко сказал Берн и снова поймал себя на недобрых чувствах к ИРЦ.

Обед он получил.

...Впрочем, и до этого, признался сейчас себе Берн, не было у него независимости от мира: тело. Оно было их, соответствовало этой жизни.

Вряд ли он смог бы со своим прежним здоровьем спать на влажном мху, на траве или прибрежном песке; одну ночь он провел высоко в горах, укрываясь только лунным светом. Раньше после таких ночевок он имел бы простуду, приступ ревматизма и уж наверняка чувствовал бы себя разбитым. А так он вставал с солнцем, весь день был бодр, легко переносил зной и жажду. Даже заказы ИРЦ на калорийное питание происходили более от «психического» голода, чем от реального, — от убеждения, что при столь подвижном образе жизни на свежем воздухе ему надо много есть. Биолог Берн не мог не заметить более высокий кпд пищеварительной системы нового тела, настолько высокий, что он действительно мог бы обойтись плодами и кореньями.

А однажды... это было в каком-то горном массиве. Ночью вагончик его завез непонятно куда. Ища путь, Берн набрел на округлый, явно искусственного происхождения холм, покрытый травой. В основании его был темный вход, откуда тянуло теплом. Берн ступил на асфальтовую дорожку. Туннель вел полого вниз, идти под уклон было легко. Тьму рассеивали две светящиеся серым светом трубы вдоль стен; от них кисловато пахло свинцом.

Сначала профессор чувствовал себя нормально, но чем глубже он продвигался, тем сильнее им овладевало странное ощущение — сочетание озноба, неуверенности и шемящей тоски. Скоро к нему прибавились покалывания в мышцах и коже — такие бывают в затекшей ноге. Покалывания, озноб и тоска усиливались. Берн замедлил шаги, остановился, повернул обратно. Сразу стало легче. Он бегом припустился к видневшемуся наверху овалу выхода.

Найдя сферодатчик, он описал местность, холм и вход в него, свои ощущения — запросил объяснений. Когда автомат, помедлив, ответил, у Берна дрогнули колени: под холмом находилась автоматическая плутониевая энергостанция, реактор которой, видимо, дал утечку радиоактивности. Профессор представил, что было бы, если бы он, ничего не почувствовав, хватил бы полную дозу — погиб бы здесь, в безлюдье, от острой формы лучевой болезни, вот и все.

Так он открыл в себе чувство радиации — и помянул добрым словом Ило и Эоли, спасших ему жизнь еще раз.

Удаляясь, Берна видел, как к холму подлетали вертолеты с ремонтниками.

Старый путь через Среднюю Азию оказался совершенно новым. В память о пустынях остались только обширные фотоэнергетические поля: серые квадраты с алюминиевой окантовкой выстилали площади, которые раньше занимали барханы, заросли верблюжьей колючки да редкий саксаул. Солнечное сияние здесь было прежним, фотополя делали из него электрический ток.

Постепенно Берна отходил. Да и то сказать: коль рухнул перед ИРЦ, надо возвращаться и к людям. Но чтобы вернуться основательно, не до первого осложнения, ему следовало глубже вникнуть в историю этого мира, понять, какой он. Давно бы Берна этим заняться, с самого начала — да все было не до того.

С таким благим намерением он и прибыл в Самарканд. Вечный город был совершенно не таким, в какой они завернули с Нимайером по пути в Гоби; тогда он уступил просьбам инженера, хотевшего пощелкать там фотоаппаратом. Собственно, то, что накладывало на это место отпечаток вечности и азиатской экзотики, сохранилось: ансамбли Регистан и Шахи-Зинда, мавзолей Тамерлана, изумрудно-зеленый (правда, еще более растрескавшийся) купол мечети Биби-Ханым, миниатюрно-изящная загородная мечеть Чабан-ата, остатки обсерватории Улугбека. В остальном это был не город, местность как и всюду.

Между обсерваторией Улугбека и минаретом Нильса Бора на зеленом холме Берна увидел здание, которое искал — с колоннадой по периметру, тремя каскадами широких лестниц и вертолетами на крыше. Музей истории Земли.

Что-то холодное и мокрое шлепнулось на грудь, сдвинуло бока. Берн вздрогнул, открыл глаза: на нем сидел малыш Фе. Он только что выскочил из воды, по носу и щекам стекали струйки, глаза горели ожиданием: а что сейчас сделает с ним белоголовый Аль?.. Берн нахмурился: вот я тебе! Тому того и надо было — он в восторге забарабанил ладошками по груди профессора:

— Аль, Аль, аля-ля! Аль, Аль, аля-ля! — и намерился удрать.

Берну ничего не оставалось, как включиться в игру. Он вскочил, поймал визжащего малыша за бока, раскручивая на ходу, подбежал к пруду — и кинул что есть силы в воду, подальше. Фе полетел из его рук, как камень из пращи, только с ликующим воплем, сгруппировался в полете, ласточкой вошел в воду.

Лучше бы Берн этого не делал. Через минуту около него толпились все «орлы» и «орлицы». Они жадными глазами следили, как он раскручивает очередного, ныли нестройным хором:

— И меня-а, и меня, Аль! А теперь меня-а!

И каждого надо было раскрутить по персональному заказу: кого за бока, кого за руки, а кого и за ноги — зашвырнуть подальше. Каждый старался войти в воду ласточкой или солдатиком или хоть взвизгнуть от всей души.

Побывавшие в воде торопливо плыли к берегу, бежали занимать очередь.

После третьего круга Берн выбился из сил. Он отбежал в сторону, крикнул:

— Ило, сменяй! — и прыгнул в пруд.

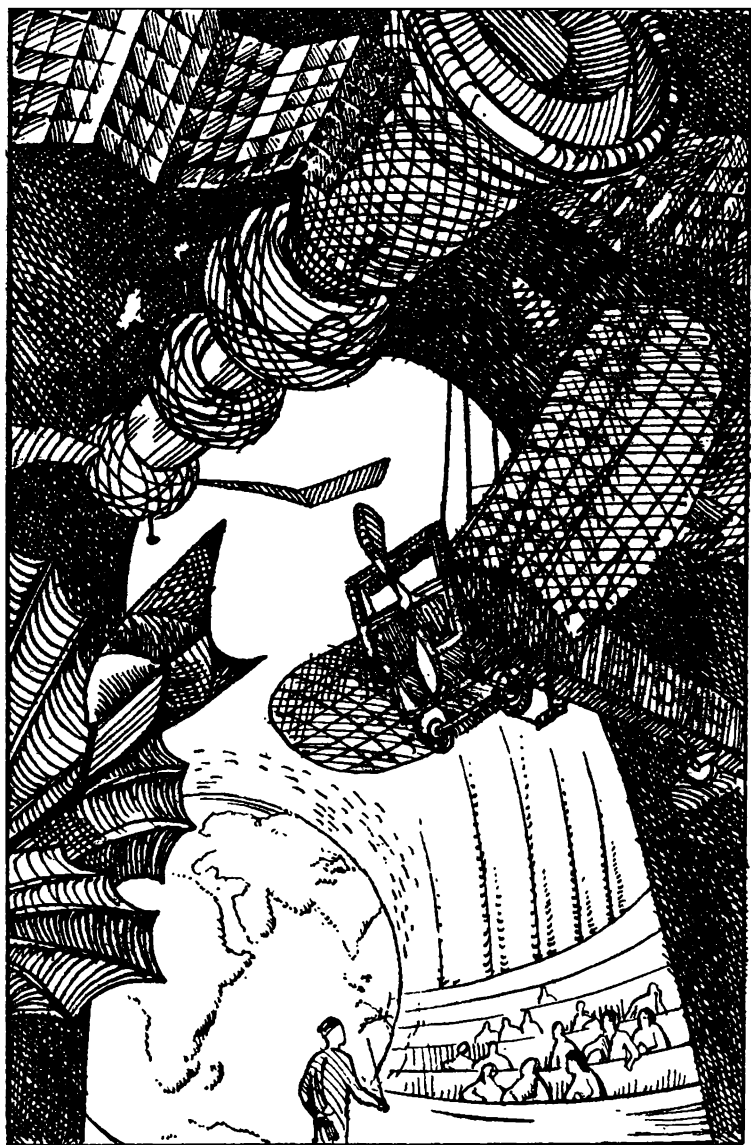
Зеленая, напитанная солнечным теплом влага сомкнулась над ним. По дну скользила переливчатая тень. Берн вынырнул у противоположного берега, слыша, как позади командует Ило:

— Хватит, все на берег, сушиться! Водорослями скоро обрастете...

Кто-то из «орлов» крикнул тонким голосом:

— Аль, вылезай сушиться, а то водорослями обрастешь!

Он усмехнулся, лег на воде, раскинув руки: неугомонны, чертенята!

С командой «орлов из инкубатора» он встретился в самаркандском музее.

Берн блуждал по прохладным залам среди обилия экспонатов — отрывочной памяти о том, что стало далеким прошлым. Механизмы, макеты, осколки, чучела; все сопровождается надписями, которые мало что ему объясняли. Вот двухфутовый металлический шар с усиками-антеннами, как у жука-долгуна: подпись — русское слово латинскими буквами «Sputnik». Обгорелое, побывавшее, видно, в переделках устройство на гусеничном ходу, с поворотной зеркальной антенной и лесенкой от кабины. Неровный скол на темном кристалле с переплетением жилок и слоев — образец кристаллической жизни с планеты у Проксимы Центавра. Заспиртован в банке трехглазый зверек, похожий на тушканчика, но с фиолетовой кожей, — представитель подземной фауны Марса. В соседнем зале пробирка на стенде, в ней темная маслянистая жидкость, подписано: «Нефть». Рядом кусок антрацита, подпись: «Уголь». Берн искал глазами дополнительные надписи: откуда нефть и уголь, почему их выставили в музее, с иных планет, что ли? Ничего не нашел.

Так он пришел в сумеречный зал со сферическим потолком. Здесь не было экспонатов. Середину зала занимал восьмиметровый матовый шар, поставленный на манер глобуса — с наклоненной осью. Вокруг аудиторным амфитеатром шли сидения. На них вольно расположилась небольшая группа детей в возрасте семи-восьми лет. В центре подвижная кафедра, похожая на кинооператорскую люльку, возносила на уровень шара плотненького узбека с круглым лицом, иронически сощуренными глазами, в цветастой тубетейке. В руках он держал клавишный пульт и указку. Берн тихо присел вниз.

— Итак, — начал лектор, — вы отправились в путешествие по Земле, в первый осмотр своего большого дома. Вы многое увидите, многому научитесь. Очень многое надо знать и уметь, чтобы стать хозяевами в своем доме... Меня зовут Тер, сегодня я дежурный по музею. Я постараюсь помочь вам преодолеть ту тянущуюся от пещерных времен мелкость представлений, по которой получается, что моя местность — это где я обитаю, от дерева до ручья или от горизонта до горизонта, а остальные места «не мои» и поэтому хуже, неинтереснее; что мои близкие — это люди, с которыми я связан родством

и бытом, а остальные люди все — не близкие, их жизнь незначительна и неинтересна; и, наконец, что мое время — это время, в которое неповторимый «я» живу, — а иные времена несущественны, неважно, что там было и будет.

Такие полуживотные представления всегда крепко подводили людей. По простой причине: они неверны. Наш дом — это весь мир; и не только Земля, но и Солнечная, Галактика... Даже из Метагалактики тянется к нам связь причин, но это вам еще не по зубам, рано. Наше время — это все время, какое помним и можем представить, не только прошлое, но и будущее. И наши близкие — все люди на Земле и в Солнечной. А если встретятся иные разумные существа во Вселенной, так и они тоже.

Разумные существа — а что это, собственно, такое? Мы считаем разумными себя — лично себя побольше, других поменьше. Но всегда ли мы разумны? Как это определить? Я скажу вам критерий, и будет хорошо, если вы усвоите его надолго.

Конечных результатов деятельности два: знания и рассеянное тепло. Только эти два, все прочее: производство вещей и пищи, сооружения, транспортировки, даже космические полеты — лишь промежуточные звенья. («Глубоко берет, — покрутил головой Берн. — Для детишек ли это?») Рассеивание энергии уменьшает выразительность нашего мира — накопление знаний ее увеличивает. Эти две штуки — энтропия и информация — настолько похожи, что в строгих науках они и описываются одинаковыми формулами, только с разными знаками; то есть они стороны чего-то одного, что мы еще не умеем назвать. Так вот: по-настоящему разумна та деятельность, когда вы больше добыли знаний, чем рассеяли энергии. А ежели наоборот, то даже если на промежуточных этапах ее появляются такие интересные вещи, как штаны или звездолеты, — в целом, по-крупному, она разумной не является. Это равно справедливо и для отдельных людей, и для человечества в целом: именно такой баланс наших дел ИРЦ и оценивает в биджах.

Это присказка. Перейдем к делу: к рассказу о Земле, какой она была и какой стала...

Лектор щелкнул тумблером. В зале стало темно. Шар осветился изнутри: это была медленно вращающаяся

Земля XX века. Берн увидел похожий на лошадиную голову Африканский материк, Австралию — голову разъяренной кошки; сверху проплыли сложные контуры Евразии, показалась слева Южная Америка — кобура без пистолета. Все как на глобусе — только это был не глобус: нет сетки меридианов, привычной раскраски от густосинего (глубины морей) через голубое и зеленое до коричневого (вершины гор). Краски были, но не те: темно-зеленые массивы приэкваториальных лесов, серые и желтые пятна пустынь, пестрая расцветка степей, полей, нив, сероголубой блеск водных просторов; белые вкрапления ледников на высоких хребтах смешивались с массивами туч, не разобрать где что. Только приполярные снежно-ледяные шапки слегка напоминали глобусные. Края шара туманила сизая дымка атмосферы.

Но, главное, шар жил! Красочные пятна на нем двигались, менялись: в доли секунды закручивались над материками циклонные вихри, передвигались, исчезали; в секунды от сизо-белого Заполярья расползлся на север Европы, Канады, Сибири белый покров и в секунды съезживался. Распространяясь, он гнал к югу тысячекилометровую серую полосу, а впереди нее — такой же ширины желто-красно-лиловую кайму осени. Когда зимний покров сжимался, то за ним, опять за серой полосой, волной накатывалась светлая, сразу темнеющая зелень — весна.

В противофазе с севером плясало, то расширяясь, то съезживаясь, снежно-ледяное кольцо вокруг Антарктиды. Но там, в океанских просторах, картина выглядела проще.

— А какая это планета?.. Ты не то включил, Тер, ты же хотел о Земле! — слышались с амфитеатра озадаченные детские голоса.

— А это и есть Земля, — сказал узбек.

Его ответ покрыл недоверчивый гул. Малыши хорошо знали, какая она, их Земля: они немало поиграли с мячами-глобусами, запускали в небо шары глобусной раскраски; немало поглядели и ежедневных сообщений, которые ИРЦ начинал с образного адреса, показывая ту сторону планеты и ту местность на ней, где произошло событие. Такие же образные адреса сферодатчики показывали, соединяя малышей для переговоров с родителями и близкими.

— Да, это наша Земля,— подтвердил Тер.— Такой она была последние миллионы лет, до начала Солнечной эры. Пляшущие белые нашлепки около полюсов — это зимы, времена холода, снега, льда. Вот что они такое...— Он щелкнул другой клавишей на своем пультике, и на всю Евразию развернулись пейзажи зимнего леса, потом картины пурги, лыжные гонки, мальчишки, сражающиеся в снежки и лепящие бабу. Малыши оживленно загомонили.— Да, теперь их нет и не скоро будут. Слишком много рассеяли тепла.

Вы знаете, что первые спутники были запущены в конце Земной эры. Был даже спор, что от них, а не от полета человека в космос надо отсчитывать нашу эру. Запускали их часто, фотографировали с них планету. Первые снимки были не ахти какие, получался преимущественно облачный слой... видите? Но постепенно наловчились. Среди обилия снимков отбирали удачные, выразительные. Так и получился этот фильм о Земле.

Каждый кадр — сутки планеты.

Год ее промелькнет перед вами за время глубокого вдоха, за семь секунд.

На весь фильм уйдет полчаса — вы и не заметите, как они пролетят...

8. ИСТОРИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

— В начале нашей эры суши на планете было вдвое меньше, чем сейчас. А людей вшестеро меньше. Но расселялись они крайне неравномерно. Где пусто: в высоких широтах, в горах, в пустынях...— Тер показывал указкой на шар, одновременно игрой пальцев на пульте проявлял в нужных местностях соответствующие им пейзажи: тундру, пустыню, тайгу, горы...— а где густо. Гуще всего люди селились в городах — в таких предельно заорганизованных, насыщенных техникой и энергией комплексах. Там в малом пространстве размещались миллионы людей.

— Друг на дружке? — пискнули с амфитеатра.

— Именно. В многоэтажных домах. Вот как это выглядело...

Щелчок и Дортмунд-Кельнское скопление городов из сложного коричневого пятна на северо-западе Германии

развернулось в панораму города, какую можно увидеть с самолета; она приблизилась, растеклась улицами-ущельями с потоками машин и людей в клубах газов.

Дети оживленно защебетали, а Берн почувствовал ностальгию.

— Социальный феномен городов еще ждет своего исследователя,— погасив вид, продолжал Тер.— Может, кто-нибудь из вас, став взрослым, разберется в побуждениях, которые сгоняли людей тогда вот так роиться в «ульях», оставляя большую часть поверхности планеты необжитой и слабо контролируемой. А пока вам многое придется принимать как факт. Я еще могу растолковать вам такие понятия, как «зимы», «пустыни», «города» — а в чем-то вы, возможно, разберетесь потом, взрослыми...

— Ты нам не говори, что мы узнаем потом,— резонно заметил какой-то мальчишка из тьмы.— Ты показывай, что у тебя здесь сейчас.

— Если нам все будут только говорить, что мы узнаем потом,— добавил вредненький девчоночий голос,— то мы никогда ничего не узнаем!

Берн профессионально посочувствовал узбеку, взявшему на себя задачу объяснить семилеткам то, что не всякому взрослому по уму.

— Да, в самом деле,— сконфузился Тер,— я увлекся. Вы шумите, если я еще буду, правильно... Итак, какие изменения больше всего заметны вначале? Эти города — видите, как растут!

На сфере серо-коричневыми кляксами разрастались Токио и Нью-Йорк, Лондон и Париж, Москва и Калькутта, Бомбей и Чикаго... многие новые города в Сибири, Австралии, Африке. Они ветвились пригородами, промышленными зонами, смыкались ими, сливаясь иной раз в общее, еще более причудливое пятно. Вокруг менялась местность: взрыхленными валами откатывались поля и леса, наступала вслед им сыпь кварталов; вверху менялась атмосфера — чаще собирались (и даже возникали) над городами облака и выпадали дожди, все обширнее становился над каждым сизо-коричневый «бугор» пыли и промышленных газов.

— Кроме того, заметно менялись реки, на них росли искусственные моря гидроэлектростанций. Видите: вот... вот...— Тер показывал Енисей, Миссисипи, Волгу, Нил, Колорадо; эти реки все шире разливались между пере-

мычками-плотинами.— ГЭС были единственным тогда способом прямого извлечения солнечной энергии, малой доли ее, попавшей в круговорот воды. Остальная и основная доля энергии добывалась не от сегодняшнего Солнца, а от светившего миллиарды лет назад. Жар его остался в земле в виде окаменелых или перегнивших растений, в виде угля и нефти. Теперь их нет, как нет и сопутствовавших им газов, сланцев, руд — все «подчистили» наши предки, и все им было мало. Это добавочное «солнце», распределенное по множеству топок и двигателей, тоже горело на планете.

Не столько горело, если быть точным, сколько чадило, пытело, ухало, рычало, дымило, коптило, ревело, воняло (веселье среди малышей) с небольшим, свойственным тепловым машинам коэффициентом полезного действия. Да и полезность-то этих действий истории еще предстояло оценить.

Видите: темнеет атмосфера, стираются контуры, краски... Вот стало четче, но в черно-белых тонах. Знаете почему? Сквозь слой пыли, дымов, утолщившихся облаков стало невозможно снимать в видимых лучах — перешли на инфракрасные. Тучи застилают планету сплошь.

Ученые предсказывали изменения климата Земли от сжигания угля, нефти, газов. Мнения их расходились: одни считали, что от сплошной облачности возникнет «парниковый эффект», облака задержат рассеивание тепла, станет жарко; другие — что, напротив, облака не пропустят идущие к Земле солнечные лучи и станет холодно. Получилось не так и не эдак: на Земле стало сыро, дождливо, туманно. Единственное, чему благоприятствовали такие перемены, это исчезновению пустынь.

Видите эти потемнения поверхности суши в Северной Африке, на Аравийском полуострове, в Центральной Азии, в северной части Австралии? Это пустыни напиваются влагой, а затем зарастают травами, колючкой, кустарником; там накапливается слой почвы. Мертвые просторы их становятся годными для хлебопашества и скотоводства.

Число жителей Земли перевалило к этому времени за двенадцать миллиардов. Энергии они потребляли все больше и больше. Горючие газы, нефть и уголь сделались настолько дороги и дефицитны, что сжигать их стало недопустимой роскошью — их перерабатывали в синтетические

материалы, в изделия, даже в искусственную пищу для жителей все растущих городов... Ибо города развивались, росли, бурлили делами — этакие планетные ноосферные вихри, втягивающие население, энергию, продукты, материалы. Видите, как сквозь облачную муть просвечивают своим инфракрасным излучением мегаполисы на всех материках: какие они обширные, как там тепло, оживленно, как светло ночами от множества ламп! Прибавьте к этому радиоволновое поыханье от бесчисленных антенн радиостанций, телебашен, радиорелейных линий... И на все это требовалась энергия, энергия, энергия!

Ее теперь все более поставлял распад и синтез атомных ядер на АЭС, атомных электростанциях. Это было удобно — особенно когда изобрели ядерный материал нейтрид. С ним производство громадных количеств электроэнергии на невообразимо мощных установках стало чистым и безопасным делом. Все переводилось на электричество: промышленность, транспорт, земледелие. Повсеместная электрификация оздоровила планету. Видите: очищается атмосфера, отчетливее проявляются детали поверхности. Вот снова все в красках — вернулись к видеосъемке... Видите, насколько зеленее стала суша — за счет бывших пустынь! Все больше крупных пятен одинаковых цветов и переходов. Это люди расселяются из сверхгородов, оздоравливают почву, засевают ее злаками, высаживают сады.

В это время благодаря нейтриду и атомному ядру особенно развернулось космоплавание; улетела к Проксиме и α -Центавра Первая звездная экспедиция. Возник и все расширялся стационарный пояс Космосстрой. Начали обживать Луну. Вам, наверное, и невдомек, что и она была не такой, что ее моря прежде были морями только по названию — пыльные выемки от метеоритов; и атмосферы там не было. Все можно: выделить воду из камня, запустить звездолеты, осадить пыль — были бы знания да энергия. Но — по тому балансу между ними, о котором я говорил, — оказывается небезразличным, какая это энергия, откуда она берется...

Теперь посмотрите внимательно на планету больше ее такой вы не увидите.

Смотритель умолк. Дети и Берн, затихнув, смотрели на волнообразное мелькание лет на крутых боках Земли.

Хороша была Земля ХХІ века. Сине-зеленые воды океанов с пятнами туч над ними, айсбергами в приполярных зонах, бликами солнца. Зеленые... нет, уже желтые... вот серые, вот в белой пороше, снова серые и снова зеленые переменчивые в мелькании времен года материковые просторы средних широт; только зимы там с каждым годом отползают все выше. Красно-коричневые, желтые, сизо-оранжевые извивы и ветвления горных хребтов с нашлапками-ледниками на вершинах; уменьшаются только эти нашлапки. У подножий и по бокам гор темно-зеленая окантовка лесов и они поднимаются с каждым годом все выше. Устойчивая зелень тропиков и субтропиков пронизана голубыми нитями рек и каналов. Ржавые пятна городов светлеют, кварталы и микрорайоны в них будто расплываются в зелени, в голубизне чистых вод.

— Красавица,— молвил Тер,— жемчужина среди планет. И не только в Солнечной. Теперь, после веков звездоплавания, мы можем оценить, какое сокровище имеем и едва не утратили. Среди сотни исследованных планет у многих звезд нет ни одной, которая была бы близка к нашей по выразительности, по антиэнтропийному блеску. Даже на планетах с атмосферой, влагой и достаточным освещением все в таком смешении, что о сложных формах жизни там и речи быть не может. Да и Земля-матушка такой была не всегда: миллиарды лет — от катархея, мезозоя, палеозоя — она все четче разделяла стихии, вымораживала избыток влаги в ледники на полюсах и в горах, осаждала муть в первичном океане, соединяла ручейки в реки, вырабатывала все более совершенные формы жизни... Все входило в ее выразительное великолепие: вершины и глубины, полярный холод и тропический зной, бури и штиль, плотность тверди и легкость облаков.

Вот... смотрите, как сейчас разрушится эта краса и выразительность — за минуты для нас, за десятилетия для современников! — Голос зрителя звучал гортанно, он волновался. — Разрушится, потому что под видом прогресса люди все-таки вырабатывали рассеянное тепло. Ядерное уран-плутониевое солнце незримо пылало на планете, соперничая своим спрятанным в реакторах блеском с солнцем настоящим. Избытки тепла сбрасывали в реки, моря и океаны. Вода — прекрасный аккумулятор, но всему есть предел. Люди быстро привыкали к тому, что там, где было холодно, становилось тепло, где было тепло, станови-

лось жарко, где было жарко, становилось адски жарко. Но планета к такому привыкнуть не могла, она стала меняться.

Пульсирующие в противофазе шапки льда и снега у полюсов начали уменьшаться. Вот линия снегов не достигает 60-й параллели. Вот серо-зеленый покров, помигав, навсегда остается за Полярным кругом. А вот и на острова Северного — уже больше не Ледовитого — океана пришла вечная весна-осень. Сокращаются ледяные поля Антарктиды; черные области не виданной ранее суши обнажаются по краям ледового материка. Тают — тоже от краев — льды Гренландии и Исландии. Водное зеркало планеты расширяется.

У Берна перехватило дыхание, когда он увидел, как океан поглощает сушу. В кинематографическом мелькании лет уменьшались долины Амазонки и Параны, вода заливала восточные равнины Южной Америки; континент этот утрачивал прежние очертания. Расширился Гудзонов пролив, слилось с морем Бофорта Большое Медвежье озеро на севере Канады. Дельты и низины рек, впадающих в океаны, превращались в заливы, а они все наращивались вверх по течению.

И вот в нижней части поворачивающегося шара за минуты — то есть за считанные десятилетия — дрогнул очертаниями, расплылся, разломился по ножевым линиям хребтов, растекся в океан двухкилометровой толщины вечный пласт льда: Антарктида, главный холодильник планеты. Из-под льдов обнажаются вольные контуры... многих островов: крупных, разделенных узкими проливами, гористых — все-таки архипелагом оказалось то, что считали материком. На полярных еще дотаивают льды, а северные уже зеленеют.

— Так началось Потепление... Видите: облачный покров сплошь обволакивает планету — а вот его вроде как нет, только картины поверхности снова черно-белые. Это что?

— Инфракрасная съемка! — пискнули с мест.

— Именно. С точки зрения науки это было интересное географическое явление — Потепление. Растаявшие льды добавили к уровню Мирового океана шестьдесят метров. Но это было еще не все: от происшедшего перераспределения масс на поверхность стали «выжиматься» подпочвенные и подземные воды — тот незримый Пятый океан,

который по запасу влаги не уступал видимым. Он добавил свои десятки метров к уровню затопления. Четвертая часть материковой и островной суши могла стать морским дном. Самое неприятное было в том, что на этой части суши жила половина человечества, на ней расположилось большинство городов, полей и промышленных комплексов...

Поэтому люди, как могли, препятствовали развитию этого явления.

Лектор нажимал клавиши на пультике, на шаре выделялись увеличенные участки. Берн видел, как перекрыли дамбой Гибралтарский пролив — Средиземноморье защищено от вод Атлантики. Нитка дамбы протянулась через Скаггерак от северной оконечности Дании до юга Норвегии: заперта Балтика.

Выше, северо-восточнее, заперто плотиной гирло Белого моря.

Но далее северные низменности оказываются беззащитны перед океаном: слишком велика протяженность низкого берега.

На юге планеты океан по долинам рек Муррей и Дарлинг вторгается в глубь Австралии. В Китае он заливает низовья Хуанхе и Янцзы, под водой оказывается общая долина этих рек, самая населенная часть страны. Уходят под воду столь же густо населенные низовья Ганга и Инда.

Но вот попытка океана подняться вверх по долине Амура отражена дамбой. Сохраняет очертания Африканский материк, который почти весь представляет возвышенное плато.

Неизменны и контуры Японских островов. Исчезают, тонут коралловые острова в Тихом океане, уходят под воду полукольца их лагун.

Вода заливает низменные области на западе Франции, берега Британии; там борьба идет не на жизнь, а на смерть. Вот видно на увеличенных кадрах, как быстрозамораживаемые дамбы окантовывают Британские острова — строго по прежним контурам, в духе доблестного английского консерватизма.

Французы действуют проще, нити их дамб проходят по воде где бывшей Гаронны, где Бискайского залива, а из отгороженного выкачивают воду.

Ничего, что изменятся привычные контуры страны — была бы она!

В Америке точно так огораживают ледовыми дамбами Флориду, оттесняют океан из долины Миссисипи.

Но вот — немногие годы спустя — прорывает океан эти дамбы. Вода катастрофически быстро заполняет низины. Снова отступает, обнажает почернелую сушу. Крепостные стены дамб — выше и толще прежних — оттесняют моря. Но ненадолго: рушатся и они. Прорывается в Красное море через Баб-эль-Мандеб поднявший свой уровень Индийский океан, сметает плотины у Суэца, заливают дельту и низовья Нила. Быстро повышается уровень и Средиземного моря — вместе с долиной реки По уходит под воду Венеция.

Океан на шаре вторгается в Балтику. Рухнула там стоявшая десятилетия Датско-Норвежская перемычка. Под водой оказался весь север Германии и Польши. Скандинавия превратилась в остров с причудливой береговой линией.

— Получался порочный круг: для сооружения дамб, для восстановления их, как и других разрушений... для всех действий — требовалась все большая энергия, а она в конечном счете превращалась в тепло, сильнее разогревала атмосферу и Мировой океан, будоражила природу. Около полувека рассерженная мать-планета выдавала ата-та по попке зарвавшемуся человечеству. (Движение среди малышей: образ был им близок.) Однако люди не только спасались и боролись со стихиями, но и — искали. Искали способы взаимодействия с природой, при которых тепла бы выделялось поменьше, а смысла и пользы получалось побольше. Так прежде всего были изобретены «летающие острова» из вакуумной снелевой пены — на них спасли многих и многое. Но самым главным был... что?

— Способ выращивания кораллов... розовых кораллов! — загомонили детишки. — Способ Инда!

— Именно. В 105 году Индиотерриотами тогда еще его звали просто Инди — разработал и стал с помощью энтузиастов внедрять, где мог, способ направленного быстрого роста в морской воде коралловых полипов. Чем теплее была вода и чем больше в ней было мути, грязи, солей, тем успешней они превращали ее в сушу. Смотрите, как это начиналось.

На шаре выделилась зона Восточно-Китайского моря с остатком кораллового архипелага Сакисима. Там за сократившееся в минуту десятилетие вырос розовой под-

ковой остров величиной в сотню километров. Он обволок соседние. В сушу превратилась и его середина. Еще мину-ту спустя он стал величиной с Суматру.

И сейчас при воспоминании о том, что он увидел даль-ше, у Берна сильно забилося сердце. Люди создавали ма-терики. Затравками были остатки мелких островов, скоп-ления рифов, мели; фундаментами — подводные хребты.

Одновременно в трех океанах: Атлантическом, Индий-ком и Тихом — розовые крапинки-зародыши начали расти, вытеснять воду, смыкаться. В увеличенных кадрах было видно, как из волн вырастают пологие округлые плато, от-ливающие розовой искрой и перламутром.

В Атлантике материк развивался на Срединно-Атлан-тическом хребте, повторял его S-образную форму. Ко-ралловые края Индианы распространялись в мелкой южной части Индийского океана от Кергелена, островов Сен-Поль и Амстердам. Меланезия сливала в коралловый монолит все множество островков, лагунных полукружий, рифов; Большой Барьерный Риф к востоку от Австралии становился хребтом на новом материке. Гондвана отвоевы-вала у океана пространство вокруг острова Пасхи. Аркти-да в Северном океане, зародившись одновременно с дру-гими материками, отставала в росте: прохладные воды сдерживали развитие коралловых колоний.

Мировой океан мелел на глазах, отдавал — черными полосами километр за километром — затопленные низины. Вот восстановились на несколько секунд привычные гео-графические очертания старой суши. Но только на секун-ды, на неполный год — дальше океан стал отдавать и свое кровное, континентальный шельф. Ирландия сомкнулась с Великобританией, а та через обмелевший Ла-Манш — с Францией. Из Доггер-банки получился обширный Дог-гер-остров. Обмелела почти досуха Адриатика. За счет исчезнувшего Персидского залива вдвое удлинился Тигр; теперь он наращивал илистую дельту прямо в Аравийское море. К северу Австралии протянулся перешеек от Новой Гвинеи. Гудзонов залив превратился в озеро скромных размеров.

Трудно было угадать теперь на шаре, где суша меняет-ся от обмеления, а где от роста кораллов. Снова — лектор показал увеличения — создавали дамбы (тоже коралло-вые), но теперь для сохранения внутренних бассейнов: за-

перли у Гибралтара Средиземное море, у юга Норвегии — Балтику, которой грозило полное обмеление; от южной оконечности Кореи протянулась к Китаю длинная, подобная китайской стене, дамба для удержания Желтого моря.

На новой суше розовые и перламутровые тона быстро вытеснялись черными, серыми, коричневыми цветами завозимых или синтезируемых на месте почв. Их в месяцы-секунды затягивала пленка зелени. Пестрой сыпью возникали поселения. Новая суша обживалась, не переставая расти.

Шар снова был цветной — снимали в видеоспектре. Атмосфера очищалась от избытка влаги и углекислоты (жизненная активность новых кораллов была такой, что они отсасывали нужные для роста ингредиенты и из воздуха), стала прозрачной. Ночами планета высвечивала в космос избыток тепла. Днем люди видели солнце.

...Потом у берегов Индианы Берн вместе с малышами опускался в глубинном лифте-батискафе на сотни метров, к основанию материка. Он видел там искусно выполненные колонны-опоры, арочные проемы, туннели для подводных течений. Великий Инд нашел не только способ ускорения роста кораллов, но и методы точного управления им. Появилась возможность не повторять слепую природу.

Новые материки создавали по проектам, как здания. При сокращении месяцев до секунд это на увеличенных кадрах выглядело эффектно. Уходит, поглощается лишняя вода — и обнажается прямое русло будущей реки: с розовыми мостами, с водосливными плотинами будущих ГЭС и ложами напорных «морей» выше их. В глубине материков русла ветвились на спроектированные по всем правилам гидрологии притоки.

А вот между двумя параллельными, уходящими в перспективу дамбами, наоборот, накачивают воду из океана, добавляют присадки. Коралловые дамбы сближаются, набирают высоту... соединяются в хребет. Не такой и высокий, не более километра, но достаточный для разделения вод по рекам, для преграды ветрам и регулирования погоды.

Берн видел и оценил искусство, с каким были исполнены краевые части новых материков. Здесь между фундаментными колоннами и стенами образовали системы каналов со шлюзами: посредством их можно было либо на-

правлять вглубь, либо пускать наружу омывающие берега течения — и тем глубоко менять климат. Другой новинкой были «полосы демпфирования», ослабленные участки кораллового щита, которые принимали на себя сейсмические удары из глубин планеты (а та, взбудораженная, посылала их еще много и изрядной силы), опускания или поднятия коры; здесь не строили, не селились — сдвиги и трещины ничего не разрушали.

— Звездные экспедиции — а их за это время было отправлено семь, — сказал Тер, — тогда покидали Солнечную ненадолго. Но если бы какая-нибудь улетела на сотню лет с субсветовой скоростью, то люди эти, вернувшись, наверно, спрашивали бы, как и вы: а какая это планета? Не заблудились ли мы во Вселенной? (Смех малышей.) Видите, как переменялась Земля!

«Я как раз вроде тех, — бегло подумал Берн. — И верно, не узнаешь...»

Изменились не только очертания суши, соотношение ее и водного зеркала — исчезли льды и снега, исчезли зимы. Мелькание лет теперь почти не давало себя знать; только на просторах средних широт зелень желтела, багровела, исчезала и снова появлялась — листовенные растения справляли ежегодные поминки по стужам и метелям.

Заново обживались — зеленея, высыхая, отстраиваясь — и освободившиеся от вод низины старых материков. Протянулись далее по ним реки, некоторые изменили русла: Нил, например, впадал в море на тысячу километров западнее прежнего устья, в залив Сидра, растекся и там многоорукавной дельтой.

И — вместе с расширением зеленых массивов, пестрых прямоугольников нив, ветвлением фотодорог — исчезали, рассасывались на планете города. Не только побывавшие под водой, разрушенные, — все. В одних местах эти бородавчатые скопления кварталов и промышленных зон просто таяли среди зелени, сходили на нет; другие, распространяясь все шире, редели внутри, просвечивали озерами, парками, лугами... пока не становилось невозможно отличить город от обычной местности. Не нужны стали эти «общечеловеческие гомеостаты» в новых условиях.

К концу сеанса среди малышей все усиливалось томление: возня, шепотки, вздохи. Как ни величественны были показываемые изменения лика Земли, но полчаса — дол-

гое время для людей в таком возрасте. Тер почувал это, закруглился:

— Так наш дом Земля приобрел нынешний облик — более благоустроенный, чем прежде, но, увы, несколько менее выразительный... Лет через сто, возможно, избыток тепла уйдет в космос, в приполярных областях восстановятся зимы. Так что вы на склоне лет, может быть, отведаете детской радости: покатаетесь на санках и поиграете в снежки.

Перспектива была отдаленной и не увлекла малышей. Они с вежливыми возгласами: «Мы благодарим, Тер! Тер, благодарим тебя!» — поднимались и, не ожидая, пока зажгут свет, топали по ступеням к выходу. Только один — полненький, белобрысый, серьезный — подошел к основанию шара, дождался, пока сюда опустится люлька-кафедра, сказал звонким голосом:

— Но ведь все кончилось хорошо?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да... раз мы с тобой живем на свете, — помедлив, ответил лектор.

— Ну, вот! — И мальчишка побежал догонять своих.

...Берн и поныне, в память об этой сцене, благоволил белобрысому увальню Фе больше, чем прочим «орлам». Малыш если не умом, то детским сердцем уловил самую суть показанного: то были картины детства человечества. А чего не случается в детстве! Не без того, что зарвешься в самообольщении и неведении, схлопочешь по затылку; бывает, и ушибешься, поранишься, переболеешь. Но если все от детства, от игры — пусть рискованной — жизненных сил, то все, конечно же, должно кончиться хорошо: тем, что человек (или человечество, все равно) становится уравновешенным, сильным, умным — зрелым.

9. ПРОВЕРКА НА РАЗУМНОСТЬ

(Комментарий для взрослых)

С Ило Берн встретился неподалеку от музея — тот с уважительным интересом осматривал каменный секстант обсерватории Улугбека.

Потом, прикинув вероятность встречи знакомого на Земле XXII века среди двадцати трех миллиардов ее жите-

лей, Берн понял, что встреча была не случайной, видно, Ило решил и дальше опекать его. Что ж, профессор был не против. Удары судьбы приводят в отчаяние только глупцов, умного же человека они настраивают на философскую созерцательность — и очень кстати, если обстоятельства благоприятствуют этому.

Старый биолог хоть и не обнаружил, как обычно, свои чувства, но тоже был доволен. Довольны были и «орлы», что их команда увеличилась на одного человека, да какого интересного — пришельца Аля. Дальше они путешествовали вместе.

Но главное было другое. Увиденное в музее настолько потрясло Берна, что личные проблемы отодвинулись на задний план. Он не дотянул до намеченного пункта высадки во времени на сто шестьдесят веков; но если мерить не годами, а изменениями, то перескочил этот пункт на геологическую эру. Еще глядя фильм в музее, Берн подумал: чтобы получить столь наглядную картину изменений климата и поверхности Земли в ее давней естественной истории, пришлось бы снимать с частотой кадр в десятилетие — а не кадр в день.

Мощь цивилизационных преобразований превосходила природные в тысячи раз!

И раз уж так получилось, что он одной ногой здесь, а другой там, в прошлом, то следовало вникнуть в проспавшее время. Возможно, после этого он утвердится обеими ногами здесь?

Поэтому последующие недели Берн все свободное (от перелетов и переездов, от несложных обязанностей по команде) время отдавал одному занятию: находил сферодатчик и запрашивал у ИРЦ все новые сведения по истории. Исследования с готовыми концепциями он отклонял, отбирал первичные: сообщения газет и радио, кинохроники, телеролики, даже рекламу — лишь бы во всем чувствовался аромат времени. Наверно, ИРЦ и здесь подыгрывал информационной выразительностью: впечатление от голых фактов получалось порой настолько сильным, что Берн не мог уснуть.

Сообщения, аэросъемки, ноты держав, рекламы, статистика, призывы деятелей и конференций, телерепортажи, доклады комиссий... Не всё говорили малышам, не все имело смысл им говорить. Тер только заикнулся (и то не-

удачно) о разноее интересов и действий множества бывших прежде государств, блоков, монополий, мафий, партий. Стремительный взлет цивилизации подверг суровой проверке на разумность этот разноречивый, отстаивание всеми своего и пренебрежение общим для всех. Многое не выдержало проверку, осталось по ту сторону исторического перевала.

...Загрязнение среды, надо быть справедливым, заботило людей с самого начала, вызывало протесты, проекты и принятия мер. Но оно было лишь заметной подробностью на грубом нарушении устоявшегося энергетического баланса планеты — оскорбляло глаз, резало слух, шибало в нос... А главный зверь, Рассеянное Тепло, точил когти в безмолвии, в глубокой засаде; он равно набирал силу и от «вредных», и от «полезных» дел. Заводы грохочут, дымят, сливают в реки кислоты; теплоходы и танкеры грязнят океан нефтью; скоростные самолеты уничтожают озон... Это можно засечь, добраться по вещественной ниточке до причин, до виновников, поднять шум, потребовать наказания, компенсации, новых законов... А тепло — чье оно, от чего? Поди узнай. Да и пар костей не ломит.

Дольше всех и прикидывались, будто ничего не происходит, страны с развитой промышленностью и энергетикой. Вбирали население в города, наращивали там ассортимент техники, помогающей уберечься от загрязненной среды; даже, продавая во всем мире эти изделия, выглядели спасителями тех, кто мог купить. Взамен отравленных, отказывающихся родить полей сооружали гидропонные небоскребы, фабрики синтепищи — погрузились не так глубоко, вынырнули первыми. И тем утвердили лозунги: «Была бы энергия!», «Энергия спасает от всего!»

Спасение одних за счет других.

...Часть сведений ИРЦ выдал рекламами тех времен.

Реклама респиратора-шумопоглотителя — намордника, охватывающего низ лица, обнимающего уши, с усиками телескопической антенны. Незаменимая вещь на улице, которую тут же показывает ИРЦ: рев потока машин, вонь отработанных газов, пыль от чего-то ремонтируемого-строимого-сносимого (копают экскаваторы, перемещают бульдозеры, бахают автокопры); суета, гам, галдеж стремящихся докричаться друг до друга беседующих; мусорные баки, люки со вспышками сварок... И тем не менее

неодобрительно смотрят прохожие на лица немногих, защищенные суперреспираторами. Усмеваются, кивают, показывают пальцами. Оно и понятно: очень уж лица в них похожи на собачьи морды.

Но вот светский раут в загородном парке. Аллеи, рододендроны, кипарисы, розовые кущи. Здесь и помина нет промышленной вони и шума, но все дамы (обнаженные спины, длинные платья, изысканные прически) и их кавалеры (во фраках, мундирах, начищенной обуви, в орденах и нашивках) — в намордниках. Переговариваются, прогуливаясь по аллеям, посредством радиоустройств. По изгибам спин видно, что дамы довольны островами кавалеров. У женщин респираторы обшиты нитками жемчуга, украшены драгоценными камнями. Вот — крупно — явная кинозвезда. Неважно, что респиратор исказил черты ее дорогого лица, — все так же обворожителен взгляд лучистых глаз. Покупайте, покупайте, покупайте!.. Бал организован фирмой респираторов.

И дело пошло. Та же улица — но теперь все прохожие в намордниках с антеннами. Девушка, прогуливаясь с парнем, повторяет — со спины — ужимки светской дамы.

Реклама более позднего времени: «В скафандре — как дома!» Снова улица, только теперь на ней респираторными масками не спасешься. Бредут в сине-черном смоге, сквозь который с трудом проникают снопы света от фонарей и реклам, мимо закопченных, маслянисто заляпанных стен, шагают через мусорные барханы (пепел, бумага, фольга, пластик) — фигуры космического вида. Только в гермошлеме не плакатный облик — испитое лицо с тревожными, почти безумными глазами. Тело вихляет за прозрачными, купленными на вырост доспехами среди шлангов, карманов, проводов. Их много, удальцов, которым нипочем городские стихии. Некоторые подходят к кубам-автоматам у стен и, подсоединив шланги, опускают жетон: в карманы заливается бурая или синяя вязкая масса. Может, это синтемолоко или синтехлеб с синтемаслом — кто разберет. В скафандре — как дома!.. Лирически бредут сквозь уличный ад прижавшиеся друг к другу двое; скафандр у него сверху пошире, внизу поуже, у нее наоборот — вместе они образуют ласкающий взгляд параллелограмм.

Реклама «Мой скафандр — моя крепость!»: драка, трое на одного. И один этот, хиленький, но в модернизирован-

ном и электрифицированном скафандре фирмы А побеждает троих громил в устарелых скафандрах фирм Б, В и Г: двоих обращает в бегство, одному разбивает шлем — и тот, надышавшись смога, умирает в забавных судорогах...

Покупайте, покупайте, покупайте! И покупали. Берн хорошо понимал чувства и мысли людей того времени: «Да-да, ах, как это все нехорошо!.. Китов повыбили, селедка нефтью отдает, на улице дышать нечем, газеты предрекают разрушение природной среды. Грязевые дожди, солнце все время за облаками... И куда это правительство смотрит, и ученые эти! Продукты дорожают, к синтемасу не подступишься, а тут еще надо респираторы покупать на всю семью, квартиру герметизировать, универсальный кондиционер ставить — не знаешь, как концы с концами свести! Надо, наверно, перейти в фирму «Петролеум рай», там, говорят, хорошо платят. Что, это та самая фирма, которую штрафовали за слив нечистот, за отравление воздуха? Ну, об этом пусть голова болит у боссов, у правительства — мы люди маленькие. Хе, значит, фирма и вправду состоятельная, не боится крупных штрафов, стоит перейти!.. Да и не так они, наверно, отравляют среду, это всегда напишут больше, чем есть на деле».

И так все миллиарды «маленьких людей»: заработать на респираторы, на скафандр, на «дачный интерпретатор» (моделирующий электронный комплекс, который позволял в комнате интерпретировать все — от сбора грибов в солнечный день до подводной охоты)... Как заработать, на чем? Неважно.

Одни покупали — другие производили. Чего стоили увещевания беречь почву, сохранять природу, не загрязнять реки и воздух, когда именно разрушение почв, загрязнение среды породили ту массу частных проблем и потребностей, какие никогда не породила бы чистота и сохранение природы, — проблем и потребностей, которые отменно удовлетворялись производством скафандров, респираторов, кондиционеров, переходных бункеров и так далее. Какой бум, занятость, прибыли! Хватит на любые штрафы. Покупайте, покупайте, покупайте! Рыбку хорошо ловить в мутной воде, не в чистой.

Произвести, чтобы заработать. Заработать, чтобы купить произведенное другими. И тем дать заработать им. Чтобы и они смогли купить... Круговорот производства и потребления, мутный бурлящий вихрь, который легко под-

минает под себя глубокие идеи и учения, проекты оздоровления мира, любые глобальные проблемы. Побеждает одним: суммированной человеческой мелкостью.

Ведь и промышленники превосходили потребителей только в аппетитах.

Побеждала человеческая мелкость и тем — стихия.

...Это цельное впечатление природного процесса, прищипоренной человеческой активностью эволюции вспять! Даже и скафандры не противоречили ему, распространение их выглядело возвратом к панцирю, к внешнему — как у триллобитов и аммонитов, с которых начиналась жизнь, — скелету.

Социалистические страны, многие прогрессивные научные организации выступали с призывами, с разработанными предложениями о рациональном и более экономном использовании энергии и природного сырья, о развитии тех способов добычи и таких источников энергии (солнечной, водной, геотермической, приливной), которые, помогая в решении сегодняшних проблем, не создадут новых проблем в будущем; о многодесятилетнем и даже вековом планировании производства и распределения в масштабах всей планеты...

Буржуазные правительства и организации демонстрировали свое понимание этого, даже соглашались в принципе, но... но при условии, что эти меры не потеснят интересы фирм, производственных концернов, торговцев. И все оставалось на бумаге.

Эпоха нейтрида, эпоха обилия ядерной энергии, эпоха звездолетов. Наблюдая в сферодатчике блеск и нищету этого времени, сочетание высоких взлетов и глубочайших падений человечества, Берн понял, почему его ошарашила новость, что космические полеты начались почти при нем, в XX веке. Его неверие в их близость не касалось технической стороны: он понимал, что от скоростей ракет «Фау-2» и сверхзвуковых истребителей до первой космической рукой подать.

Но выход в космос — это не только техника.

Ведь сколько было сочинено об этом, сколько мечталось — и все в светлом, возвышенном ключе! Казалось, что дело это не для того склочного недалекого человечества, которое тогда обитало на Земле, а для иного — благородного, высокоорганизованного, какое появится еще не скоро.

Может быть, и энтузиасты космоплавания надеялись, что факт выхода в космос облагородит человечество?

Увы — и он это видел — эпоха звездоплавания также не переродила мир, как до нее эпохи радио, электричества, пара, книгопечатания и изобретения пластмасс. Эти штуки оказались мало связаны: звездные перелеты сами по себе, — а разрушение природы, истребление естественных богатств, перепроизводство энергии, потребительское вырождение само по себе.

Нейтрид — материал, по всем параметрам соответствующий ядерной энергии, выдерживающий миллионградусные температуры, любые давления, напряжения, излучения, — безусловно, был одним из замечательнейших изобретений в истории человечества. Но именно он, сделав атомную энергию столь же доступной, легкой и универсальной в применении, какой до этого была электрическая, подвел мир к Потеплению.

Еще долго держалась надежда, что — поскольку все сложилось из маленьких действий, мелких побуждений и причин — Потепление скоро пройдет; его можно переждать в комфортабельных жилищах, на «летающих островах», в крайнем случае, на околоземных орбитах... А оно все не проходило.

...И, только начав терять, люди поняли, как много они имели, каким громадным в сравнении с тем, что можно приобрести в свое владение, было общее, не принадлежащее никому богатство: голубое небо с солнцем, воздух, которым можно дышать, вода, которую можно пить, орошать ею землю, купаться в ней, спокойная, безопасная для строений, транспорта и пешего хождения суша, родящая и сохраняющая жизнь почва.

10. ВИЗИТ ДАМЫ (П О Д Ъ Е М)

Это случилось в 109 году, в разгар Потепления. В актив человечества к тому времени можно было занести только начавший распространяться общепланетный язык, впитавший в себя самое выразительное и точное из национальных (преимущественно из английского, русского, французского, китайского, хинди...), да применение индексowych имен. Причина того и другого была одна: смешение наро-

дов, переселения, смены мест и сред, бедственные ситуации, требующие быстрой связи и сотрудничества. Понятие постоянного места жительства стало абстрактным. Только служба информации в эти годы была на высоте.

Корабль Пришельцев долго кружил вокруг Земли, не привлекая внимания. Его конструкция: эллиптический диск на двух черных сигарах — была не самой примечательной среди обилия «новых ковчегов», в которых на различных орбитах спасались от потопа миллионы состоятельных «чистых» и «нечистых».

Потом вдруг стали замечать, что корабль этот легко меняет скорости, высоты, наклоны орбит, расходится со встречными — так, будто законы механики не для него были писаны. Это было — с точки зрения оборонительных систем на Земле — чревато неожиданностями и опасностями. Тревогу усилило и то, что корабль не отзывался на кодовые запросы... Одним словом, когда он оказался в пределах досягаемости, три ракеты противокосмической обороны с ядерными боеголовками были выпущены по этой цели с трех баз почти одновременно, с разницей в минуты.

Оказавшись в поле влияния корабля, ракеты не взорвались, а последовали за ним звеном. Тотчас после этого на всех телеэкранах Земли появилось лицо Прекрасной Дамы; название принадлежит газетчикам, но это действительно было очень красивое женское лицо.

— Люди! — сказала Дама; голос был безукоризненно чист и мелодичен. — Мы не есть то, что вы воспринимаете сейчас посредством ваших органов зрения и слуха. Мы прибыли в Солнечную систему издалека, из другой звездно-планетной системы, с целью поиска разумных существ и установления контактов с ними...

В разных странах ее речь звучала на языке именно этой страны.

— Земля привлекла наше внимание своим повышенным радио- и тепловым излучением. Наш образ жизни, как и реальный облик, и способы общения имеют мало общего с вашим. Поэтому мы еще не разобрались, что тут у вас и как. Единственное, что, как мы надеемся, нас сблизит, это мысль, разум, возможность понять друг друга. Но возникают сложности. Мы не можем для начала не отметить странный способ приветствовать гостей из иных миров. Смотрите, какие «подарки» прислали нам с трех точек вашей планеты...

И под перечисление координат баз на экранах показался «эскорт» корабля Пришельцев: три ракеты разных конструкций и раскраски.

— Мы не считаем, что эти смертоносные «подарки» поднесли нам все люди Земли,— продолжала, снова появившись на экранах, Дама.— Поэтому и возвращаем их точно в те места, откуда они запущены. Даем находящимся там двенадцать часов на эвакуацию. Особо рекомендуем вывезти ядерную взрывчатку — иначе эти ракеты, взорвавшись, наделают слишком много бед.

Точно в назначенный срок ракеты упали на свои базы и взорвались. Разрушения они произвели не такие уж и большие. Зато психический резонанс события был громаден: буря возмущения и страха уничтожила сначала прямых виновников запусков, затем покончила и с военными системами.

Выступление Прекрасной Дамы и — еще более — демонстрация Пришельцами своего умного могущества породили сверх того общепланетную волну радужных надежд и чаяний. Они тотчас начали высказываться в газетах, по радио и телевидению, в разговорах: что вот-де теперь все наладится, мудрые могущественные Пришельцы помогут людям, сообщат знания, как быстро охладить воды и атмосферу, успокоить сейсмику, уменьшить радиацию... Уж они-то знают, как надо, и все могут.

Но те что-то не спешили. Они день за днем, неделя за неделей кружили по Солнечной, не давая советов и не сообщая сведений о себе. Корабль то приближался к Земле, изучал, видимо, разные участки ее поверхности, то описывал петли вокруг Луны, удалялся к иным планетам, к Солнцу, снова возвращался. Он ловко, вызывая восхищение космонавигаторов, совершал расхождения с кораблями землян, которые, презирая правила безопасности, набились на встречи,— уходил от них с запредельными ускорениями.

Наконец три месяца спустя на телеэкранах снова появилось лицо Прекрасной Дамы.

— Люди,— сказала она чистым мелодичным голосом на всех языках сразу,— мы улетаем. Сумма наших впечатлений об увиденном и узнанном о вас такова, что мы не считаем себя вправе ни вступить с вами в обстоятельный контакт, ни открыть координаты места в Галактике, откуда мы прибыли. Похоже, что вы для этого еще не созрели.

Равным образом мы не считаем себя вправе удовлетворить высказываемые вами (и так понятные нам!) надежды помочь вам выпутаться из общепланетных экологических затруднений. Мы не делаем это не потому, что не располагаем соответствующими знаниями и возможностями. Мы ими располагаем, и если бы ваши беды имели естественные причины — будь то планетные или космические, — мы сочли бы непереносимым долгом помочь вам. Но все ваши беды — и многие на Земле это уже понимают — есть продукт деятельности, которую вы считаете разумной. Возрастание энтропии, выразившееся в Потеплении, климатической неустойчивости и многом ином, есть продукт вашего ума — и вашего безрассудства, вашей изобретательности — и вашей алчности, вашей страстной мечтательности — и вашей недалекости, ваших амбиций — и страха жить. Да, у вас есть знания, технические достижения... но почему вы не верите друг в друга, ополчаетесь, соперничаете? Почему большинству из вас сиюминутные блага заслоняют и прошлое, и будущее, и весь мир? Почему никак не найдете точной меры взаимоотношений между собой, с природой? Почему даже в общей беде не можете объединиться? Ведь никто за вас это не сделает!

Если вы разумны по-настоящему, то должны найти выход из лабиринта, в который сами себя завели. А если нет, то и наша помощь будет не впрок — даже может сделать вас опасными для других, истинно разумных, но не столь активных цивилизаций во Вселенной. Считайте, что сейчас вы держите экзамен на разумность. Мы верим в вас и не говорим: прощайте. До встречи, люди, до свидания!

Экраны погасли. Корабль пришельцев совершил изящный и стремительный разворот, стал удаляться по гиперболической траектории в сторону ядра Галактики. Бросившиеся было вдогонку корабли землян отстали...

Наверно (и даже наверняка), возрождение наступило бы и без этого события. Исторические процессы волнообразны, после наинизшей фазы спада начинается подъем. Собственно, все было подготовлено предыдущим, назрело и созрело: и технические способы, и общий язык, и, самое главное, все большее распространение социалистических, коллективистских идей — убежденность, что только в них, в объединении раздробленного человечества в разумно и мощно действующее целое, спасение его от гибели. Недоставало — особенно для тех ленивых умов и слабых душ,

которые норовят то возлагать надежды на других, то винить во всех бедах других (таких всегда немало), — последней малости: наглядного и убедительного толчка.

Визит пришельцев и послужил таким толчком. Все были посрамлены, унижены, все почувствовали себя виноватыми. И как-то быстрее начало доходить до сознания, что ни технические, ни общеполитические идеи сами по себе не материализуются. Надо действовать.

Не коралловые чудеса Инда и не переход на солнечную энергию спасли планету — как не нейтрино и не тепловая энергия губили ее. Дело было в людях, и начинать приходилось с себя. Сникли, исчезли противостоящие друг другу и взаимно обличающие друг друга организации — были люди в беде, стремящиеся выбраться из беды. Началось согласование действий, совместное планирование, единение усилий.

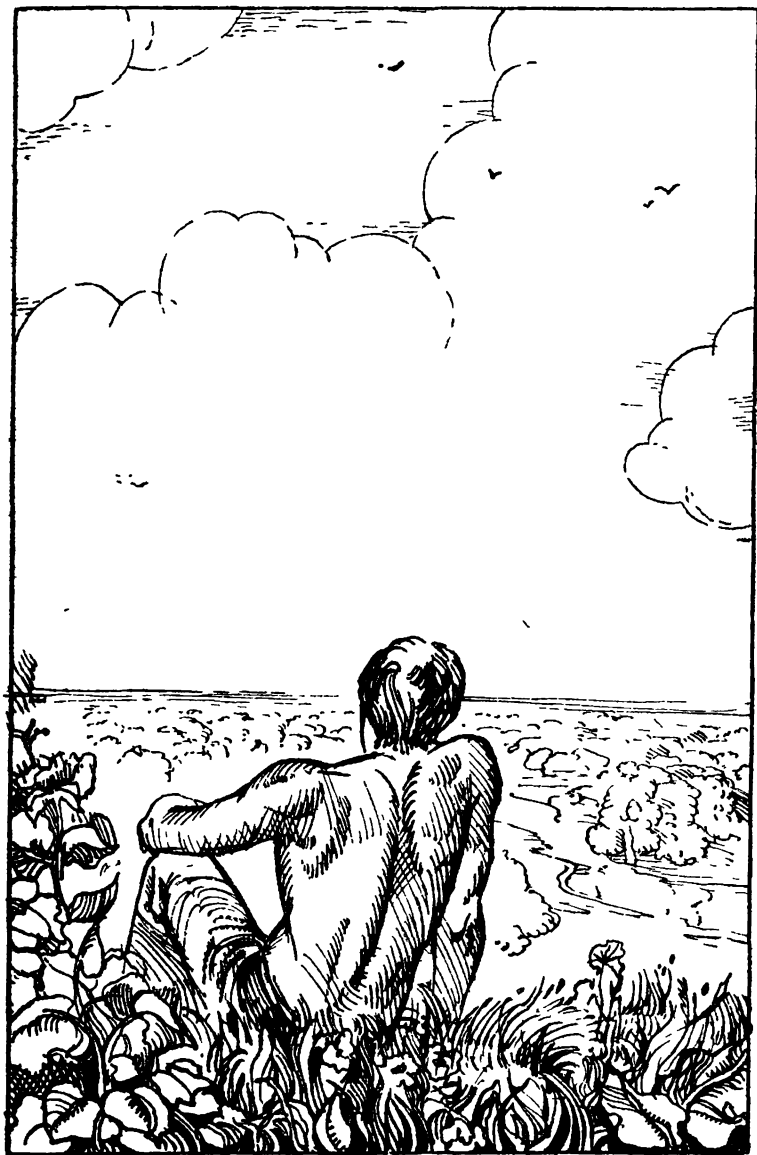
..Берн, вникнув в историю, новыми глазами стал глядеть и на Ило: вот человек из того же XX века, что и он... ну, правда, родился не в начале, а в конце его, в 1985 году, но мог быть ему внуком (а Иоганну Нимайеру даже и сыном). Человек, который прожил все это время! Не проспал, не пролежал в анабиозе в шахте, а участвовал в событиях и свершениях — делал новый мир.

Но глубоко на эту тему профессор не задумывался: в душе зарождались сомнения, которые не хотелось переводить в слова.

11. ДЕВОЧКИ ИГРАЮТ В «КЛАССЫ»

Берн прохаживался по краю летающего острова, как по кабинету: пять шагов туда, пять обратно — по лужайке с короткой травой. Теперь у него нет кабинета. Собственно, недолго и устроить, приказать ИРЦ на каждой стоянке соответственным образом обставлять ему коттедж. Но это не то: так каждый сможет заказать себе кабинет. Соль не в том, что у него прежде был кабинет, а в том, что у него был, а у других — нет.

Солнце садилось. Тихо было на земле — как бывает тихо в степи у большой реки на закате. «Лапуты» — и на ней было тихо, детишки уgomонились — поднялась в уплотнившемся воздухе, плыла на километровой высоте. Ее едва заметно уносило от реки. Луг на правом берегу залил

туман, только верхушка продолговатого холма выступала там из белесой глади, будто темная спина огромной рыбы. И оттуда, из-за реки, из хрустальной тишины и тумана легкое движение воздуха донесло фразу:

— Ну, Дин... ну, пусти!.. — произнесенную женским голосом.

Профессор всмотрелся, ища на туманном лугу женщину и Дина, который не отпускал, — ничего не увидел. Вздохнул. Мысли приняли иное направление.

...Перед отлетом с командой «орлов» и Ило из Самарканда он нашел в укромном месте сферодатчик, поколебавшись, сказал:

— Лиор 18, Гобийский Биоцентр.

Шар, помедлив самую малость, осветился. Внутри была Ли. Сначала видна была только ее голова, за ней часть малахитовой стены «корпуса Ило», струя фонтана и ветвь с просвечивающими на солнце листьями. Ли шла в корпус. Берн смотрел на милый профиль с чуть вздернутым носиком, на задумчиво сжатые припухлые губы; витые пряди золотистых волос около шеи пружинками подрагивали в такт шагам, касались смуглого плеча. Постепенно в шар вместились тело, руки, шагающие стройные ноги — Ли удалялась.

«Ли!..» — скорее подумал, чем позвал Берн.

Молодая женщина остановилась будто в раздумье, начала оборачиваться... В тот же миг профессор леопардом сиганул в кусты, оцарапался, присел там с колотящимся сердцем. Он вдруг понял, что боится встретиться с Ли взглядом. Уже в кустах Берн сообразил, что мог просто прикрыть шар ладонями.

— Дурак! — в сердцах сказал он сферодатчику, вылезая, когда изображение погасло. — Я просто хотел посмотреть.

ИРЦ ошеломил его ответом:

— Это замечательно, Альдобан 42/256, что ты хоть сам уже знаешь, чего хочешь!

Электронная выразительность, юмор автомата.

Как он был душевно слеп: «студенточка»! А она более зрелая и сильная, чем он, — как и все они, умудренные такой историей.

Никогда, никогда Ли не скажет ему: «Ну, Аль... ну, пусти...» — никогда! Назад пути нет — ни для миров, ни для людей.

Из Самарканда хордовые туннели пронесли их сквозь Памир и Гималаи в Астроград — некогда город в долине Брахмапутры, в 200 километрах южнее Джомолунгмы, а ныне просто самую известную в Солнечной системе местность: отсюда через электромагнитную катапульту стартовали с минимальной потерей вещества космические аппараты. Сюда же они и возвращались из космоса.

Первым делом посетили, конечно, Музей астронавтики. И в отделе анабиоза ни у кого из посетителей не было более толкового гида, чем у «орлов». Потом герметические вагончики канатной дороги вознесли команду на самую высокую гору мира. С нее они видели знаменитую катапульту: индукционную катушку, блестяще змеившуюся по ущелью от долины в горы; конец ее, приемо-стартовое жерло на специальной эстакаде, выносился на сотни метров над слепяще-белой вершиной Джомолунгмы. Внутри катушки проскакивали, ускоряясь, продолговатые обтекаемые тела, вылетали из жерла в разреженный темно-синий воздух; им требовалось теперь чуть поддать дюзами, чтобы набрать космическую скорость.

Берн стремился в Европу — и они направились в Европу. В лесах Прибужья «орлы» вместе со взрослыми расчищали заброшенную просеку; и хоть вклад их состоял в том, что они сносили к кострам обрубленные ветки да перегоняли в прокопанные канавы лягушек и ужей из обреченных на высыхание болот, все равно это было приобщение к принципу: «Земля — наш дом». Потом дневка в Карпатах, двухсуточная остановка на Дунае — и Цюрих.

Прибыв в родные места, Берн заново почувствовал силу пронесшегося над планетой шквала. Даже Альпы изменились: вместо ледниковых шапок — лесá. Исчезло питаемое ледниками Цюрихское озеро.

Здание университета с башенками и колоннами сохранилось, его берегли как архитектурный памятник Земной эры. Только теперь здесь был не университет — автоматическая кондитерская фабрика, которую «орлы» посетили с великим удовольствием.

Да, сохранившееся содержалось в порядке, появились новые сооружения — но Берн будто блуждал среди незримых руин...

И здесь он, старожил, был в центре внимания малышей, показывал и рассказывал, где что было, — и малость перебрал. Когда сообщил «орлам», что это здание с башенкой

было университетом, где учились восемь тысяч студентов, а он сам был там профессором, у тех возникли вопросы: что такое студенты, профессор? Берн принялся объяснять — и в нынешних понятиях невольно вышло, что он был учителем для взрослых. Малыши ахнули, а кто-то позади тихонько произнес:

— Бхе-бхе!..

Если Дед Ило, известный всей планете человек, всего лишь учитель для них, малявок, то каким немислимим гигантом и героем должен быть «учитель для взрослых»? И чтобы им был Аль, который — они видели — во всех отношениях уступал Деду!..

Само понятие «учитель для взрослых» им казалось невозможным: взрослых не учили, они сами учились в делах от умеющих и знающих. Да и малышам никто никогда ничего не вдалбливал. В республике Малышовке читать они выучились, читая («А я эти знаки уже умею прочесть!.. А я Гулливера прочитал!..»), как и плавать они выучились, купаясь, как и летать на биокрыльях, пользоваться автовагончиками и многим другим они выучились в игре, соперничестве, азартных попытках.

Педагогический принцип, сделавший Ило учителем, был прост: дети должны общаться с самыми интересными, бывальыми, значительными людьми. Не то важно, чему они научат, о чем расскажут, — важно прямое общение. То что эти люди-вершины с ними разговаривают, путешествуют, спят, едят, ходят, что они — просто люди, снимало массу запретов с психики детей, высвобождало в них глубинную интеллектуальную силу, возможность и самим в будущем творить значительные дела.

Учителей выбирали, как депутатов парламента, и авторитет они имели не меньший.

У Деда Ило не было особой методики воспитания. Просто — все обволакивающая, мудрая, несколько ироничная доброта; в атмосфере ее, под прищуром все понимающих глаз казалось неуместным хныкать, капризничать, обижаться и обижать. Бывало, что он и наказывал: когда выговором, а когда, не тратя слов, и шлепком; но и в этом случае он как бы удовлетворял созревшее у зарвавшегося, нашкодившего «орла» чувство вины.

Знания о жизни он предоставлял им черпать из жизни, только намечал информативные маршруты путешествий. Сам же преимущественно учил детей владению собой,

своим телом — особенно свойству самозалечивания. Это замечательное качество, как понял Берн, генетически только приживалось в людях, по наследству переходила потенциальная возможность (подобно тому, как наследуется возможность говорить, а не знание языка); и если упустить время, детские годы — пиши пропало.

В этом деле за детьми, особенно за мальчишками с их духом соперничества, нужен был глаз да глаз. «Вот у меня такая царапина залечится, а у тебя нет, ага!..» А потом и хвастающийся терял от боли необходимую собранность, и у него не залечивалось. Лилась кровь, начинался испуг, рев — экспериментаторы бежали к Деду за исцелением и выволочкой.

«Детям все — игра...» — рассеянно думал профессор, глядя в сторону четырех девочек на площадке у домиков и пытаясь понять, во что они играют. Девочки замысловато прыгали на одной ножке, жестикулировали — их фигуры вырисовывались на фоне заката. Движения казались знакомыми. Берн приблизился, посмотрел — и не поверил глазам: на летающем алюмосиликатном острове, на километровой высоте над коралловым материком Атлантидой...девочки играли в «классы»!

На серых плитах (с гнездами под переносные коттеджи) были нарисованы мелом те же фигуры: пять пар пронумерованных квадратов, увенчанные полукругом, а в нем та же — хоть и новыми символами — загадочная надпись: «Небо не горит». Рядом запасливо вычерчена фигура второго тура — в ней парные квадраты чередовались с одинокими.

Играли долговязая Ия, полненькая белая Ни, двойняшки Ри и Ра. Девочки прыгали с зажмуренными глазами, передвигали с клетки на клетку камешек — и уже немного ссорились:

— Ага, Ни, ты наступила! Нинуха!..

— А вот и не наступила! И не наступила!..

— Ийка, ты плохо зажмуриваешься!

Берн был ошеломлен. После того как он заново прочувствовал концентрированный драматизм истории — увидеть игру в «классы»! Игру, в которой извечно участвуют девочки от семи до двенадцати лет (младшие плохо прыгают, старшим неинтересно), игру, правила и приемы которой передаются от поколения к поколению девчушек без

участия взрослых. Изменились материки, появились новые, стерлись границы государств, смешались нации, переменялся язык и нравы — а игра все живет! И школ-то в прежнем смысле, с классами, не стало; игра в «классы» пережила классы. Только и остались неизменны правила ее да параметры и орбита Земли. Космическое явление, а?

И прыгают девочки по разлинованным квадратам, прыгают под солнцем, под тучами, даже на «летающих островах». Играть-то все равно хочется. Ну их, этих взрослых!

— А почему... «небо не горит»? — спросил Берн.

Девочки остановили игру, переглянулись: взрослый, а не понимает.

— Но ведь это же небо, — рассудительно молвила Ия.

Профессор сконфуженно отошел. Два столетия назад он пытался выяснить этот вопрос в сквере возле университета — с тем же результатом.

«Человечество будет жить вечно, — вдруг понял он. — Оно может прожить те или иные периоды своей истории лучше или хуже, скудней или богаче, использовать или упустить многие возможности... Но оно будет, пока есть Земля и светит солнце!»

12. ЭРИ, СВИФТ И К°

Странная процессия двигалась к Берну по тропинке. Ее возглавляли двое в остроконечных колпаках и невозможных мантиях, усеянных блестками в форме полумесяцев, квадратов, кругов. По бокам шествовали двое с палками. Позади, млея от веселья, плелись остальные «орлы».

Процессия приблизилась. Профессор узнал в мантиях чехлы от биокрыльев, а в возглавляющих шествие — Эри и Ло (мальчика с подвижным лицом и лукавыми иссиня-черными глазами, такого же проказника, как и Эри, соперника его в верховодстве детьми). Рожицы у обоих были размазаны волнистыми и ломаными линиями, левый глаз у каждого устремлен — для созерцания себя — внутрь, к переносице, правый — для созерцания небесных сфер — под лоб. «Лапутянские академики». Их, как положено, сопровождали хлопатьщики с пузырями на палках — коротыш Фе и невозмутимый Эт; они то и дело ударяли «академиков» пузырями по щекам и носам.

Вблизи Берна «лапутяне» приняли особенно глубоко-

мысленный вид. Эри, повернувшись к профессору, изобразил на лице уж такую умственно-драматическую отрешенность с оттенком мировой скорби, уж настолько вывернул глаза — один вверх, другой внутрь, так задумчиво отвисил нижнюю губу, что сопровождающие только тихо застонали.

И «академики», и другие дети косились на Берна, ждали: как будет реагировать беловолосый Аль? У профессора хватило выдержки не выдать возникшее в душе раздражение — стоял, смотрел с иронической улыбкой, молчал. Малыши описали вокруг него петлю, с хихиканьем удалились. «Не удивляюсь, если на ужин хлеб и все другое подадут в форме «лапутянских фигур», — подумал Берн. — На «лапуте», как на Лапуте...» Он был недоволен возникшим в душе раздражением, недоволен собой.

...Это была не просто игра и не просто выходка Эри — Берн не сомневался, что закоперщик он, — продолжение спора. Он возник в воздухе, на подлете к заливу Свифта, две недели назад. Команда «орлов» с Ило впереди журавлиным клином неспешно летела вдоль восточного побережья Атлантиды; справа океан, слева зеленый массив, внизу желтая полоса пляжа. Впереди вырисовывался в подёрнутом дымкой воздухе округлый залив; внутренняя часть его содержала много островков, между ними разбивалась на рукава дельта полноводной реки. Берн поинтересовался, в память о каком именно Свифте назван залив.

— О Джонатане! — хором ответила малыши.

— Вот как! Сатирике?

— И не сатирике, а фантасте! — прогалдел хор.

Профессор не скрыл неприязненного удивления: он не любил Свифта. «Вот действительно, нашли непреходящее светило!» Малыши заметили, их задело.

— А он все правильно написал, — задиристо сказал Эри; он планировал рядом на крылышках воробьиного цвета. — Спутники Марса Фобос и Деймос предсказал? Предсказал. Их орбиты, периоды вращения.

— Ну, это случайность, — снисходительно заметил Берн.

— И струльбрудгов — тоже он! — подал голос летевший по левую руку от профессора Ло.

— Как, разве и струльбрудги существуют?! — иронично поразился Берн. — Это где же, на какой планете? С каких времен?

— Ну, знаете! — умело спародировал его иронию Ло. — Я понимаю, сомневался бы в струльбрудгах Дед Ило, которому всего-то неполных два века. Но когда их отрицает Аль, родившийся в 51 году до нашей эры!..

И все покрыл звонкий хохот малышей. Берн не нашелся, что возразить.

Жизнь для «орлов» была игра, правильным в ней было все, что интересно. Поэтому, может быть, напрасно на привале профессор — сначала снисходительно-вразумляюще, но постепенно накаляясь от скептических возражений и похмыкиваний Ло и Эри — начал объяснять, что Свифт был вовсе не ученый, а плохой литератор, желчный мало-сведущий сатирик, который своими выдумками высмеивал современное ему общество, пытался унижить людей противопоставлением их нравов лошадиным...

— И не людей вовсе, а эхху, — возразил Эри. — При чем здесь люди?

— Он зло пародировал в своей Лапутянской академии и в образах ее ученых мужей Королевское научное общество Великобритании, — вел дальше Берн, — высмеивал даже таких членов его, как Исаак Ньютон и Иоганн Кепплер.

Но до сознания малышей это не дошло. Автор «Гулливера» не мог быть плохим, желчным, недобрым. Плохое они вообще не хотели знать. Все неудачное, злое — и в сочинениях Свифта, и у других фантастов — они оставляли без внимания, как и явные противоречия с научным знанием. Это не имело значения — у вымысла своя правда.

...Это было замечательно: мир, категорически отвергший ложь — даже «святую», «во спасение», — бережно хранил и накапливал художественный вымысел: сказки, фантастику... «Почему? — недоумевал Берн. — Только потому, что в них нет корысти?..» Собственно, в мире, творящем и познающем новое, другого отношения к вымыслу быть не могло. С вымысла начинается мысль — он и есть мысль. Талантливый вымысел есть реальность ноосферы, реальность разумной среды — наравне с машинами, зданиями, мостами. И случается, что намного переживает их. Вот и Свифт...

— А «лапуты»? — возглашал Эри. — Они ведь тоже есть.

— Но... эти летающие острова не такие, они иначе устроены.

— Так что? Сейчас многое не такое, техника — она ведь развивается.

Нет, спорить с малышами было накладно.

Ило не вмешивался, с интересом слушал обе стороны, посмеивался одними глазами.

— М-м... конечно, я не все еще знаю, — скрывал за иронией раздражение профессор, — эхху, струльбрудги, «лапуты»... Так, может, и гуигнгны есть?!

Это был вызов. Дело чести для «орлов» стало доказать, что да, и гуигнгны есть.

Случай представился в следующие же дни.

Может, пасись эти полудикие трехлетки в иных местах, они так и остались бы для детей просто лошадьми.

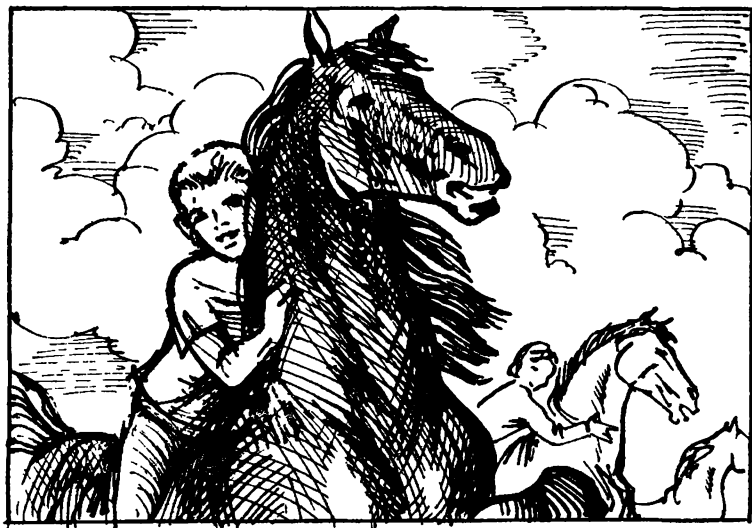
Но на берегах залива Свифта и островках смыкающейся с ним дельты, конечно же, могли обитать только гуигнгны.

...Живности было много на планете — дикой, полудикой, домашней. Самые приятные отношения «орлы» установили с коровами.

Это всегда превращалось в игру: найти стадо, выбрать самых симпатичных («Эту!.. Нет, эту!...») — из расчета по соску на каждого, привести в лагерь, «в гости». Вела процессия: двое держат за рога, кто-то несет хвост, кто-то забрался верхом; рога растерянных и довольных общим вниманием коров украшены венками; кто-то на ходу потчует каждую вкусной травой, молодыми побегами. И разумеется, каждую надо было назвать, огладить бока, почистить от пыли, промыть у ручья соски, глаза от натеков, ноздри. Коровам такое обхождение ужасно нравилось: они глубоко дышали, поводили глазами, норовили лизнуть руки детишек. И питались «орлы» не как-нибудь, а по строгой схеме: установив корову удобно, укладывались под нее крестом, лицами к свисающим щедрым соскам; время от времени хлопали себя по тугим животикам, прикидывали: хватит или попить еще?.. И насасывались так, что вопрос о заказе ИРЦ обеда или ужина отпадал.

Это была общепланетная мода, от которой при случае не уклонялись и взрослые. Коровы же, завидев пролетающих малышей, всегда поднимали головы и нежно-призывно мычали.

А в пеших походах за «орлами», случалось, увязывались самые беспокойные и мечтательные, приходилось общими усилиями возвращать их в стадо.

Лошадей было немного в силу малой нужды в них: для спорта да для езды и работ в горных условиях, где они оставались вне конкуренции с любым другим тяглом — живым или механическим. У залива Свифта они и вовсе существовали для установления экологического баланса на новой материке. Люди навевались сюда для ветеринарного контроля, реже для отгона. Лошади паслись — не дикие, не домашние, сами по себе.

«Гуигнгны» не вдруг приняли «орлов» в компанию. Первый день малыши бегали, играли, купались, жгли костры сами по себе, а группки лошадей на лугу и островках паслись, пили воду, переплывали протоки, гонялись со ржаньем друг за дружкой — сами по себе. Только косили глазами в сторону детей да иногда, перестав пастись, поднимали головы,стораживали уши — следили. Когда «орлы» приближались, они уходили, не переставая щипать траву, а иные поворачивались задом и недвусмысленно поднимали копыто.

Но поздним вечером они пришли глядеть на разведенный у воды костер, на чинный ужин малышей; стояли поодаль, светили из тьмы парами глаз — круглыми фиолетовыми телеэкранчиками. На следующий день подпустили

самых рискованных и дружелюбных, которые, приговаривая: «Кось-кось!..» — тянули к ним краяхи свежего посоленного хлеба. Хлеб-соль был принят, лошади дали себя гладить, расчесывать гривы, выбирать из них и хвостов репья.

Дальше — больше. В жаркий полдень те и другие купались в протоке — сначала рядом, потом вперемешку. Настырные «орлы» подплывали, забирались лошадям на спины, прыгали с крупов в воду, переплывали протоку верхом или держась за гриву. Переплыв, выезжали на луг — и, конечно же, нельзя было не проскакать по вольной траве против теплого ветра, замирая и обнимая шею. Девочки жмурили глаза, повизгивали, но от мальчишек не отставали.

Возвращались «орлы» с исхлестанными высокой травой икрами, иные — сверзившиеся — пешком, но все равно счастливые.

Вырисовывались характеры, притирались характеры... В следующие дни у «орлов» завелись сердечные дружки и подружки среди «гуигнгнмов». У Эри их было два: чалый с белой полосой вдоль хребта и гнедой. Он подзывал их кличем: «Гуи-игнгнм, гуи-игнгнм!» При одних интонациях прибежал Чалый, при других — Гнедик. Приближаясь, они отзывались похоже. И разговаривал с ними Эри таким же грудным бормотаньем, шептал, терся лицом об их морды; лошади кивали головами, трясли гривами — понимали.

Когда Эри скакал, стоя и балансируя руками, на Чалом, то Гнедик бежал рядом нога в ногу — чтобы в случае чего принять дружка-гуигнгнма Эри на свой круп.

Ия подружилась с кобылкой Машей, белой в серых яблоках, существом с проказливо-ироничным нравом. Она охотно позволяла всем детям кататься на себе — но очень любила на резвой рыси споткнуться на самом ровном месте, «клюнуть» головой. Не ожидающий подвоха всадник кувыркался через ее шею в траву. Маша останавливалась, начинала пастись, только лукаво косила темным глазом: что же ты, мол?.. Но Ию она так никогда не сбрасывала и всегда являлась на ее зов.

— Вот скажи, что они не гуигнгнмы и не понимают! — торжествующе приставал Эри к Берну. — Позови ты Чалого или Гнедика — они и ухом не поведут.

Верно, такое установилось понимание — пусть не

словами, а чувствами — между малышами и лошадьми, что, глядя на них, надо было либо отказывать в разуме первым, либо признавать его за вторыми.

Мир для «орлов» был весь свой. Они сами «паслись» на планете, как лошади у залива.

...Но зато и было плачу с одной стороны и призывного скорбного ржания с другой, когда пришло время расставаться. Отправив вперед вертолет с имуществом, Ило, Берн и «орлы» полетели косяком в глубь материка. Малыши глядели вниз, где мчал среди высокой травы табунчик друзей-гуингнмов, кликали со слезой:

— Маша! Машутка! Машенька-а!..

— Чалый! Гнедик!

Машутка, Гнедик, Чалый и другие лошади отвечали на призывы тонким заливистым ржанием, бежали, обгоняли друг друга, подняв головы, ветер развеивал их гривы.

Так одни долетели, а другие доскакали до места, где рукава дельты сходились в километровой ширины реку. Табун остановился на обрыве. Стая «орлов» удалялась над водой, поднималась в нагретом потоке воздуха. Лошади смотрели им вслед, вытянув шеи. И долго, за километры, были видны с высоты продолговатые неподвижные пятнышки у края зеленого поля за рекой.

Ило благодарил судьбу, что ни одна из лошадей не кинулась в воду, не поплыла за ними. Кто знает, что бы тогда началось... Потом он сердито выговаривал «орлам», что они вели себя неправильно, что нужно, относясь к животным, как и ко всей природе, доброжелательно и похозяйски, не привязывать себя ни к кому и ни к чему исключительными чувствами, что такие избирательные привязанности автоматически противопоставляют предметы чувств всему иному — и поэтому принесли в свое время людям не меньше бед и огорчений, чем вражда и ненависть.

И все равно в последующие дни настроение в команде было пасмурное.

С малышами было интересно — с малышами было сложно.

Дети были несовершенней взрослых, с большими — в телесных и психических чертах — отклонениями от норм: то излишне худы, то полны, голенасты, сутулы. Одни задиристы, другие трусоваты. Сестренки Ри и Ра всегда ходили насупленные, озабоченно прятали длинноватые зубки, за

которые их подразнивали «зубатиками»; но когда смеялись, то без удержу, так что обнажались и десны. Дразниться, покрасоваться, прихвастнуть — это все «орлы» тоже умели. Даже приврать для силы впечатления. У них, в отличие от взрослых, имелось и словцо для обозначения такого занятия: бхе-бхе. Девочки куксились, ябедничали и — прав был Эри — иной раз влюблялись. Мальчишки же, случалось, выясняли отношения между собой и с ними грубыми действиями. Все они были, как выражался Ило, неотрегулированы; регулировка эта и составляла предмет его забот.

Дети были несовершенно, дети были как дети, — и, может, именно поэтому их мир подходил Берну более, чем мир взрослых. Они были такими, как и во все времена. Ему приходило в голову, что окажись он здесь, в XXII веке, ребенком, то вжился бы в новый мир безболезненно.

«Лапута» так и не ушла от реки. Ветер прекратился — она повисла над правым берегом. От меркнувшего заката широкая полоса воды внизу была багровой и застывшей. Вверху разгорались огни Космосстроя: яркие были неподвижны, как звезды, мелкие перемещались. А за ними в темнеющем небе загорались и звезды. Первым на юго-востоке запылал Сириус.

Глубокую тишину нарушили редкие звучные всплески, они доносились с верховья реки. Что-то мощно и равномерно хлестало по воде. Профессор пошел к краю острова, сюда же, к бортику, сбежалась и малышня.

По течению реки несло судно, похожее на гигантский белый диск — с огнями по ободу. Верх его подкрашивал багрянец заката. Он вертелся и прыгал по воде, будто плоская галька, запущенная умелой рукой, — «пек блины». Вдали показался другой «диск» с огнями, он тоже «пек блины», догонял.

Суда сравнились друг с другом под «лапутой». Второй корабль взревел турбинами, разогнался — и в невероятном стометровом прыжке пролетел над первым. Плюхнулся впереди, очертившись веером брызг, помчал дальше. Оказавшийся сзади «диск» тоже разогнался, исполнил прыжок, но — не догнал.

Малыши у барьерчика восторженно вопили, подпрыгивали.

«Диски» умчались к заливу Свифта — и долго еще

слышалось усиленное береговым эхом «плес-сь! плас-с! плесь! пляс-с!».

«Теперь Ило не будет покоя,— подумал Берн, направляясь к домикам,— пока «орлы» не совершат путешествие на таких кораблях-дисках».

13. ЛЕГЕНДА О НЕИЗВЕСТНОМ АСТРОНАВТЕ

Берн угадал: хлеб, ломти отварной телятины, куски творожного пудинга с шоколадной корочкой — все было нарезано «по-лапутянски»: ромбами, цилиндрами, конусами, знаками интегралов. Вряд ли это исполнили кулинарные автоматы ИРЦ, скорее всего, «орлы» постарались сами. Это новшество прибавило им аппетита. Да и без того пища была свежа, вкусна, к ней было вдосталь фиников, винограда, мангового сока — объедков не осталось.

После ужина все расположились на лужайке возле сферодатчика. Шел час ежевечерних сообщений.

— Созрел первый урожай винограда в предгорьях Сихотэ-Алиня,— заговорил женский голос. В шаре возник зеленый склон, террасы с шестами и проволоками, оплетенными лозами; проволоки прогибались, гроздья винограда свисали, будто просились в руки.— Для сбора формируются бригады по сорок работников от Южно-Уральского и Каракумского лесоводств, Алтайской лаборатории горообразования и из контролеров фабрики пищи в Кос-Арале. Съезд и начало работ завтра утром. Опоздавшим достанутся работы только по упаковке.

— Подумаешь,— сказал сидевший возле Берна коротыш Фе,— Сихотэ-Алинь! Я и сам там был.

— Завтра начнутся экскурсии подростков двенадцати — четырнадцати лет на Космосстрой, по курсу практического космоведения,— объявил мужской голос.— Дети познакомятся с ангаром для сборки звездолетов, аннигилянтной заправочной станцией, заводами сверхлегких вакуумных материалов. Они научатся передвижению и простейшим трудовым операциям в космосе в состоянии невесомости.

На этот раз из груди «орлов» вырвался почти единый вздох: ух, подростки!.. А им еще такого ждать и ждать: четыре, пять, а то и шесть лет — полжизни.

Шар показал сборочный ангар — медленно вращаю-

щийся среди тьмы и звезд цилиндр; за прозрачной стеной что-то вспыхивало, перемещалось. Малыши мысленно были там.

Картина в сферодатчике переменялась: равнинный пейзаж со сходящимися в туманную перспективу грядками; низкие растения на них, небо в плоских тучах.

— Для орошения овощных плантаций на Аравийском полуострове на ближайшие двое суток объявляется дождливая погода. Режим дождя — моросящий...

Ежевечерние сообщения сами по себе интересовали «орлов» ничуть не больше, чем во все времена такие штуки интересуют детей их возраста; дело было в ином. Дед Ило за свою жизнь так много повидал, участвовал во стольких событиях, начинаниях, проектах, что среди информации оказывались и такие, которые он мог дополнить из первых рук: работал в упомянутом месте или консультировал по проблемам, знаком с упоминаемыми людьми — как-нибудь да относился. Это так и называлось: рассказы из первых рук — и у «орлов» была страстишка: угадать по передаваемым хроникам, к чему Дед причастен и сможет что-то рассказать. Поэтому слушали они, наострив уши, и испытующе поглядывали на Ило. Тот сидел, скрестив ноги, руки на коленях.

— От сотрясения океанского дна в районе Южного Полярного круга произошло опускание восточного побережья Гондваны, — сообщил автомат ИРЦ. — Биogeологический институт начинает там работы по наращиванию материкового кораллового слоя. Для участия в них приглашаются добровольцы-глубинники. Координаты побережья, где в ближайшие годы нельзя вести крупное строительство, следующие...

Взгляды в шар, на полузалитые на просевшем берегу здания, на треснувшую арку кораллового моста через канал — испытующий взгляд двенадцати пар глаз на Ило: нет, вроде ничего — и снова на шар.

...Берн тоже один раз выступил с «рассказом из первых рук». Как-то вечером в шаре появилось продолговатое лицо Эоли. Эолинг 38 отвечал на вопросы о перспективах «обратного зрения» для считывания памяти.

Ило мог бы сам (и с большей, пожалуй, доходчивостью) рассказать детям об этих исследованиях. Но дал слово Берну, участнику первого результативного опыта.

Тот постарался: рассказал об опыте, о своем участии, а

заодно и о встрече с эхху в лесу — она заинтересовала малышей больше всего остального, больше даже «обратного зрения».

Впечатление об опыте отложилось у них мимолетной игрой: один подступал, сверля глазами, а другой пятился, начинал мычать: «Мыа-мыа!..»

Новое изображение в шаре Берн принял сначала за сцену из спектакля: столько напряженного драматизма было в фигуре человека в скафандре и прозрачном шлеме. Он стоял, полуобернувшись к бело-голубой вспышке; слепящие, странно оборванные снопы света вырывались из овала у его ног. Скафандр скрадывал пластику тела, но все равно были понятны ужас и решимость, охватившие человека. Казалось, сейчас он шагнет, начнет делать то тяжелое, но необходимое, к чему привели его обстоятельства и воля.

Но человек не двигался, не оборачивался. Фигура отдалилась, стал виден пьедестал в форме носа ракеты, надпись по нему алыми символами, ниже — огни снующих по площади машин.

— Вы видите памятник Неизвестному астронавту, — объявил мужской голос. — Он создан группой скульпторов-космостроителей и установлен сегодня на Круглой площади Лунного Космоцентра...

Ия, устроившаяся на траве рядом с Ило, посмотрела на него, сказала уличающе:

— Ой, Де-ед! А ведь ты в этом участвовал.

— В чем? — скосил тот глаза на нее. — В Пятой экспедиции?

— Ну, Дед... из той экспедиции никто не вернулся, это известно. В ней ты участвовать не мог. Но все равно, по моему, здесь без тебя не обошлось.

— Ишь!.. — Ило повернулся к Берну: — У девочки есть чутье, которое стоит развить.

Теперь оживились все малыши:

— Ой, Де-ед, ты что-то знаешь о Неизвестном? Расскажи!

— Расскажи, расскажи, Дед!

— Ух, Иища! — со страшной завистью произнес Фе, который еще ни разу ничего не угадал.

Девочка довольно потупилась.

— Может, дослушаем сообщения?

— Не надо! ИРЦ, мы благодарим! — махнул в сторону шара Эри.

— Мы благодарим, ИРЦ! — подхватили другие.

Свечение в шаре начало гаснуть.

— Нет, не так.— Ило поднял голову, скомандовал: — ИРЦ, дать изображение скульптуры Неизвестного крупно. Задержка. Отлично... Ну, слушайте. Только предупреждаю: о том, что произошло у Тризвездия, я знаю не больше других. Касался я этого события в другое время и в другом месте.

Звездолет «Тризвездие» стартовал в 70 году. Это был самый крупный из построенных кораблей. Тризвездие Ω-Эридана было главным пунктом в его программе глубокой космической разведки. Тогда... точнее, 47 лет спустя после старта Пятой, я был транспортным диспетчером на Космосстрое, хлопотал около грузов, следующих на Орбиту энергетиков. Работа обыкновенная: следить по экранам и табло за движением ракетных составов, делать замечания водителям о нарушениях режимов разгона-обгонаторможения-поворота-и-так-далее, назначать очередность грузов... И еще: препираться с поставщиками и заказчиками, которых — и тех, и других — не устраивает оптимальный график доставки грузов.— Ило усмехнулся.— Это удивительное дело, до чего оптимальные, рассчитанные компьютерами графики никогда никого не устраивают! Каждый считает свой груз самым важным, самым срочным...

— Ты не о том рассказываешь,— заерзал на траве Эри.— Ты про Неизвестного!..

— Не все сразу. Так вот: нахожусь я в диспетчерском зале, прохаживаюсь в магнитных башмаках около пульта. На Земле подо мной день, над куполом солнечно-звездная ночь. На экране бородатый землянин из Арктиды требует, чтобы его аппараты лазерной сварки пошли на Орбиту сегодняшним экспрессом. Я ему замечаю, что для такого случая надо бы ему сконструировать свои аппараты вдвое легче и компактней. Он осведомляется, занимался ли таким делом я сам. Отвечаю, что нет и не собираюсь, потому что лазерная сварка...

Эри вызывающе шумно вздохнул:

— Уф-ф...

Ило скосил на него глаза.

— ...потому что лазерная сварка устарела, и я не

понимаю, зачем он стремится с ней на Орбиту энергетиков? На Земле не удалось пристроить? Землянин начинает заикаться, я протягиваю руку, переключаюсь на другой вызов — как вдруг...

Ило замолк, кашлянул. Поднялся без помощи рук, распрямляя скрещенные ноги.

— Что-то в горле запершило. Надо попить водички, — и не торопясь удалился во тьму, к питьевому фонтанчику.

— Де-ед!

— Ну, Ило!.. — понеслось вслед.

«Орлы» провожали биолога такими полными отчаяния взглядами, будто он уходил навсегда.

— А все ты! — Ло ткнул локтем в бок ошеломленного таким поворотом событий Эри.

— Да! Вечно он суется! — подхватили девочки. — Ты же знаешь, что Дед не любит, когда перебивают.

— Высочка! Задавака!

— Сам задавака! Вот как дам...

— А ну, дай!..

Кто-то вскочил на ноги, кто-то выпятил грудь, у кого-то губы сложились в трагическую подковку... Еще секунда, и Берну пришлось бы вмешаться. Но вернулся Ило, и сразу установилась такая тишина, что все услышали, как в пруду сонно плеснула рыба.

— Как вдруг, — с того же слова продолжил Ило, без помощи рук опускаясь в прежнюю позу, — звонок и рапорт патрульного робота-бакена: «В среднюю зону 4-го сектора пространства вторглось массивное тело. Скорость 150 мегаметров в секунду, вектор 61° восточной долготы и 5° южной широты. Траектория пересекается с грузовой трассой к Орбите».

Я прыгнул через половину зала к пульту экстраординарных действий — предусмотрен такой для космических диспетчеров. Занес палец над кнопкой «Уничтожение метеоров», чтобы выпустить на тело аннигилятные торпеды. Когда на трассу, где составы идут один за другим, вторгается глыба со скоростью половина от световой, колебаться нельзя. И — застыл с поднятой рукой, потому что робот продолжал: «Тело имеет форму ракеты IP. На позывные не отвечает. Навигационные огни погашены. Признаков управляемости не обнаруживает».

IP — одноместная разведочная! Ракета с человеком? Или чужой корабль?! Наши IP не развивают такую ско-

рость. Откуда же она... Но эти мысли хлынули потом. В тот момент я действовал, как электронная машина, может, даже чуть быстрее — от патрульного бакена к неизвестной ракете ринулись, распустив огненные хвосты, три электромагнитных перехватчика. Они всегда наготове на случай, если какой-то транспорт утратит управляемость. Нажать-отпустить еще две кнопки — робот сам корректирует полет перехватчиков. Одновременно правой рукой нажать-отпустить, нажать-отпустить, переключить, закрыть ладонью ряд фотоэлементов, перебросить предплечьем шеренгу рычажков — так я расчистил от транспортов опасный участок трассы: одни составы притормозил, другим приказал свернуть, третьим повысил скорость...

Нет, ребята, не такое это простое дело — нажимать кнопки. Если бы мы, компания молодых транспортных диспетчеров, не придумывали для развлечения или тренировки всевозможные головоломные ситуации, не соревновались бы в их быстрейшем разрешении, кто знает, справился ли бы я с реальной!

— И такую задачу вы решали вперегонки? — не удержался Эри.

На него недовольно покосились.

— Нет, в том-то и дело. Я же говорю, никогда еще в Солнечной не двигалась с такой скоростью ракета. Но получилось. Шальная ИР проскочила в «окно» на трассе, перехватчики за ней. Догнали, облепили с боков. Правда, их запасов топлива далеко не хватило, чтобы погасить ее скорость. Но я тем временем оповестил все службы космоса; за ракетой направили недостроенный звездолет «Вега». Через две недели он прибуксировал ее к сборочному ангару... — Ило помолчал. — Собственно, сам я дальше этой ракетой не занимался.

— Ничего, рассказывай!

— Рассказывай, будто ты сам!..

— Сам я ею не занимался, — повторил биолог, — но, конечно, следил за сообщениями ИРЦ, связывался с участниками к исследованию ракеты товарищами. Даже слетал между дежурствами к тому ангару — поглядеть.

Это в самом деле была одностая разведочная — такими оснащают звездолеты, как теплоходы моторными шлюпками. Она повидала виды, эта ракета. Передняя часть была вся изъедена метеорной пылью. Под оспинами и окалиной не сразу удалось найти опознавательные сим-

волы: три звездочки треугольником, а под ними «IP-9/12». На «Тризвездии» их и было двенадцать.

Внутри был полный разгром. Даже не то слово «разгром»: оттуда было удалено все: кресла, приборные доски, рычаги, пульт управления, переборки, баллоны с воздухом, контейнеры с водой и пищей; обивка содрана, кабели сняты. Но сделано это было умело, с толком: переборки обрезаны у самых стен, оставшиеся провода схемы управления спаяны и кратчайшим путем протянуты к курсовому автомату. Прodelавший это хорошо знал, может быть, сам конструировал такие ракеты. Нетронутым остался только отсек аннигиляторного двигателя, сделанный из нейтрида. Топливные бункеры были пусты.

Это была первая и последняя весть о Пятой экспедиции. Разведракете типа IP удалось невозможное — совершить межзвездный перелет. По скорости и времени рассчитали дистанцию: как раз от Ω -Эридана... Исследователи изучали внутренность пустой ракеты сантиметр за сантиметром. Наконец, нашли в трех местах заклеенные кусочки магнитной пленки. Десятилетия полета с такой скоростью, воздействия перегрева и полей сделали свое — шорохи, трески, гулы почти начисто смазали человеческую речь. Дешифровщики из Центра дальней связи ухватились за это «почти». Месяц они просеивали шумы, выделяли из них логическими фильтрами размытые гармоникн смысла. С каждой пленкой работала отдельная группа в полном неведении о результатах у остальных. Собрались, сопоставили. Текст совпал с точностью до порядка слов... ИРЦ, — возвысил голос Ило, — показать крупно пьедестал!

Фигура астронавта ушла вверх. В шар вплыл округлый цоколь: блок ракеты IP-9/12. По нему шли огненные строки:

«У Тризвездия Ω -Эридана в плоскости вращения белого карлика плотный астероидный пояс антивещества. Звездолет погиб. Измените систему метеорной защиты».

Алый свет литер озарял лица малышей.

— И все. Ни одного лишнего слова, — помолчав, продолжал Ило. — Ни единого слова о себе. Почему? Не хватило времени? Вряд ли. Скорее, просто показалось мелким, сообщив главное — об открытии, опасности и беде, — дополнять это необязательными сведениями о своей особе. Выделять себя среди всех погибших.

— А... что там произошло? — спросил Эри.

Дед в раздумье повел плечами.

— «Измените систему метеорной защиты». Эти четыре слова немного проливают свет, позволяют что-то предположить... Вы видели хроники о Залежи в Тризвездии, видели этот широченный диск астероидов вокруг белого карлика Ω^1 -Эридана, ныне Звезды Неизвестного. Он похож на соединенные вместе кольца Сатурна, только гораздо обширнее. Две других звезды — Ω^2 и Ω^3 — красная и желтая — подсвечивают с разных сторон это галактическое Эльдorado. Необыкновенное зрелище. И на внешнем краю астероидного поля, где оно расплывается, комья антивещества мельчают, осталась громадная «дыра», вмятина пустоты с поперечником в тысячу километров. Это место аннигиляции звездолета.

Наверно, все было, как обычно: звездолет повис на удаленной от центральной звезды орбите, разведракеты IP-9/12 послали искать — поскольку там нет планет — астероид покрупнее для развертывания базы. Наверно, локаторы звездолета заблаговременно и на предельной дистанции засекали метеоры, траектории которых могли пересечься с кораблем. Это не опасность, система аннигилянтной защиты срабатывает автоматически: выстреливает самонаводящейся пушкой в метеорные тела миллиграммовые пульки из антисвинца. Легкая вспышка в ста километрах от корабля обращает метеор в пар и излучение, в ничто. Но эти метеоры сами были из антивещества...

Ведомая Неизвестным IP-9 отлетела, наверно, достаточно далеко, аннигиляционный взрыв звездолета ее не задел. Только вспышка, затмившая свет трех звезд, дала знать разведчику, что он остался один. Секунды — и ничего нет: ни корабля, ни сотни, без малого, товарищей, ни даже обломков. Если Неизвестный и не понял сам, то спектроанализаторы ракеты объяснили ему, что представляет собой астероидный пояс у белого карлика...

— А дальше? — тихо спросил Ло.

— Дальше его действия были подчинены одной цели: отправить сообщение. Направить его в Солнечную, там перехватят. Главное было — топливо. Аннигилят состоит из равных количеств вещества и антивещества, вот и надо, чтобы и того и другого было побольше. Не так уж и трудно отправить в плавильный бункер «Вещество» перед камерой сгорания все лишние предметы в ракете — они

теперь все были лишние, кроме курсового автомата. Не так уж и трудно было ему упростить схему управления: только форсированный разгон и движение по прямой... Но самое трудное, невероятно трудное — наполнить бункер антивещества!

Это более всего и убедило, что у Тризвездия есть такая залежь: ведь на своей заправке IP никогда не достигла бы скорости 150 мегаметров в секунду — куда! Значит, Незвестный собирал астероиды там. Как? Есть у ракеты минимальные технические средства для такого, для подзаправки в космосе: нейтральный манипулятор, засасывающий магнитный смерчик... Но один, в невесомости, в условиях, когда первое неточное движение наверняка окажется и последним... это был труд!

После этого ему осталось включить двигатель на режим нарастающего ускорения, выверить последний раз траекторию, чтобы далекая звезда Солнце находилась в перекрестии курсового фотоэлемента... — Ило замолк.

— И — выброситься? — хрипло спросил Эри.

— Нет. Он не мог выброситься, это сбило бы ракету с курса. Да и... — Дед поколебался, стоит ли такое говорить детям, — его тело, десятки килограммов дефицитного там вещества, тоже должно было войти в топливный баланс. Должно, не мог он, подчищая все, упустить из виду себя. И он вошел в плавильный бункер. Там есть переходный отсек с двумя герметичными люками. Когда он открыл внутренний, реле безопасности захлопнуло за ним внешний, сбросило его вниз.

Ило замолк. Молчали и дети. Берн рассматривал памятник в шаре: так вот почему астронавт стоит лицом к огню.

— А кто же он был? — спросила Ия. — Неужели не удалось установить — по голосу, по признакам каким-то?

— Слышали только голос дешифрующей машины, — ответил Ило. — А признаки — какие признаки! Все участники звездных экспедиций отлично водят разведракеты. Для них обязательно участие в конструировании и сборке звездолета и основных его машин — это принцип надежности через человека.

— Даже не узнали по записи: мужчина это был или женщина?

— Человек это был, — сказал Ило. — Человек.

Ночь пришла на «лапуту». Тьма внизу была расцвечена

огнями дорог, вышек, зданий. Тьма вверху была как отражение, хотя огни в ней светили куда мощнее: они казались подобны земным только потому, что находились гораздо дальше. Одни, космосстроевские, в тысячах километров, другие, звездные, и вовсе пылали в десятках и сотнях парсек отсюда. Но и к тем, и к другим летели сейчас люди.

Берн увидел дополнительные отсветы, дрожавшие в и без того блестящих глазах Ии и Ни. Девочкам было очень жаль Неизвестного. Других из Пятой тоже, но не так: они погибли мгновенно, не осознав, что случилось. А этого, который остался один в звездной пустыне, в равнодушно уничтожающем все мире, и не мог даже ошибиться, пока не сделал все,— было жаль до слез.

Ило искоса смотрел на Эри. Тот, полуотвернувшись, жмурил глаза: это он сейчас входил в плавильный бункер ракеты, это ему бил в лицо нестерпимый тысячеградусный жар... Пусть неизвестный, но он!

Старый биолог улыбнулся тепло и чуть иронично.

14. ИЛО И БЕРН

В минувшем апреле ему исполнилось 182 года. Он и сам чувствовал, что зажился сверх всякого приличия. Не нужно столько — тем более ему, знающему жизнь достаточно полно, чтобы держаться за нее. Да и вообще, если человек настолько не понимает жизнь и свое место в ней, что и после ста лет цепляется за нее, смакует биологическое существование,— зачем он жил? Человек часть ноосферы, часть разумного мира — и важно почувствовать момент освобождения, за которым мир далее может развиваться без него. Тянуть дальше — значит, паразитировать, заедать чужой век. Такое — не для него.

Оправдание избыточной жизни Ило видел в неоконченных делах — в тех, в которых мир без него еще не обходился. Помыслы и действия биолога были подчинены одному: закругляться. Заканчивать старое, не брать на себя новое — освобождаться.

Но жизнь все не отпускала. Вот, подкинула Альдобиа-на, надо держать его при себе. Должны же пробудиться в древнем профессоре хоть намеки на память Дана, должны! Астр прав: если не он, так кто?

...Не отпускали — хотя это было без толку, зря — мысли о загубленной Биокolonизации. Их возбуждали путешествия с «орлами», перелеты. Паря в воздушных потоках над зелено-голубым миром — с водами, тучными нивами, теплым ветром, — он невольно подумывал, что и на других планетах могло быть так. Даже одна усиливающая проект идея пришла к нему в таких размышлениях-полетах, что посредством тех же микробиологических операций можно образовать на планетах залежи нефти, горючих сланцев, слои плотного угля, даже километровые пузыри газа. Не для прежнего бездарного расходования на топливо (хотя и это не помешает там как НЗ — солнца-то все-таки искусственные!); это была бы сырьевая база для производства полимеров, синтетических материалов, даже пищи. Куда как важно было бы для строительства новых цивилизаций.

Разгорячась в мыслях, он продумывал методику, отвечал на возможные вопросы Эоли, сотрудников, даже Приемочной Комиссии... а потом спохватывался со стыдом и болью. Нет проекта Биокolonизации как не было; другими делами заняты сотрудники, другие опыты ведут они на Полигоне. Есть лишь его бессмысленное умствование, старческое невладение мыслью. Раньше он мыслями владел так же уверенно, как и телом.

Потом снова мечтал, планировал — жило в нем это, жило! Однажды даже запросил у ИРЦ обзор проектов и идей по освоению далеких планет. Просмотрел — и проникся гордыней: не было ничего в обзоре и близкого к Биокolonизации, не было, черт побери!.. А затем спохватывался, стыдил и смирял себя.

Малыши не были проблемой, возня с ними была отдыхом и возвращением к истокам. Ило щедро отдавал им то, что знал и умел и что они могли сейчас принять. Исчезновение его будет для «орлов», конечно, еще большим огорчением, нежели расставание с «гуигнгнмами»... Ну ничего.

— Ило, а какое у тебя прежде было имя, нормальное?

Тот взглянул удивленно. Профессор поправился:

— Я не так сказал, не нормальное... Конечно же, нынешнее индексное, которое дает информацию о человеке, нормально и разумно. Ну... стихийное, которое родители дали. Тоже на «И»?

Старый биолог молча глядел перед собой: то ли вспоминал, то ли всматривался в дали своего прошлого.

— Совершенно верно, на «И», — улыбнулся он Берну своей простецкой улыбкой. — Иваном звали. А в детстве и вовсе Ванюшкой.

...
— Неужели ничего нельзя поделывать? Вы так много знаете о человеческом организме! Освободиться от устаревшей информации в мозгу, очистить память тела, повысить его выразительность — можно это?

— Можно. Только бессмысленно. Лишней информации в человеке нет. Все накопленное им в жизни плюс унаследованное — это и есть его личность. Устранять, очищать — значит, уничтожать личность. Чем это отличается от смерти?

— Значит, идея бессмертия — вздор?

— И да, и нет. Есть два типа бессмертия: бессмертие камня, его можно достичь анабиозом, мгновенным замораживанием, и бессмертие волны. Цену первому ты знаешь сам. Второе подобно бегу волны по воде: волна движется, вода остается — забывание-вытеснение старой информации по мере накопления новой. Это тоже самообман. Не бывает бесконечного в конечном, невозможно это!

Ило помолчал, добавил:

— Поддерживать функционирование живой плоти неопределенно долго в принципе можно. Только это не будет бессмертие личности. Личность есть выразительная цельность. А всякая цельность — конечна.

...
— В чем смысл жизни?

— Все в том же, в служении идее освобождения человечества.

Ило по неведению польстил Берну, предположив, что и он служил этой идее. Профессор, впрочем, слышал о ней.

— М-м... И каким же образом?

— В твоё время преобладало освобождение людей от произвола стихий и от порабощения другими людьми. Потом — по закону отрицания отрицания — пришлось не однажды освобождаться и от первоначальных «освободителей»: от порабощающего влияния собственности и техники, от чрезмерной власти людей над людьми, от денег и получаемых с помощью их преимуществ... от многого.

Кроме того, во все времена шло освобождение через познание, через понимание места разумных существ в планетных и космических процессах — через постижение истинного смысла вещей. Такое познание превращает людей из слепых орудий природы в соратника-напарника естественных процессов, а затем в руководителя их.

— А сейчас?

— Это последнее: освобождение через познание и накопление возможностей — энергетических и информационных.

— Но... уверенность, что владеешь возможностями, дает реализация их?

— Не всякая. Экспериментальная реализация — да. Использование — трата, но с непременно приобретением новых возможностей, более обширных, чем израсходованные, — тоже. Понимаешь, это тонкая штука — реализация, в ней должны отсутствовать порабащающие стимулы «преуспеть», «не упустить выгоду или наслаждение», «урвать свое»... Тебе это может показаться странным, но уверенное владение возможностями приносит людям больше счастья — светлого, спокойного, — чем древнее стремление к максимальному удовлетворению потребностей, стремление наполнить бездонную бочку.

— Да, когда знаешь, к чему это привело, ясно, насколько недалек был тот животный принцип.

— Целым является человечество. Биосфера планеты. Материальные же потребности индивидуумов должны удовлетворяться в той мере, в какой удовлетворяются «потребности» клеток организма: в самый раз для нормального жизнедействия. Больше оптимума так же вредно, как и меньше его. Не знаю, воображают ли клетки, что обеспечение делается ради их выдающихся качеств, — но разумному существу лучше бы понимать все, как есть.

— Собственно, в здоровых человеческих коллективах так и было, — заметил Берн.

— Да, но много ли их было в истории — здоровых?.. Есть и еще смысл жизни, самый простой: распространяться. Вид «гомо сапиенс» распространился по планете и в окрестном космосе, теперь надо — дальше.

Они вели эти неторопливые беседы в разных местах и в разное время: поздними вечерами на крылечке коттеджа под звездами, уложив спать малышей, или над речным

обрывом, любуясь стеклянной, зелено освещенной луной гладью воды, или днем, наблюдая игры «орлов».

Новый разговор начал Берн:

— Не возвышенные идеалы определяют развитие человечества, не стремление освободиться, владеть возможностями. История человечества — это история кризисов и их преодоления. Схема одна: благодаря недалекости и эгоизму людей накапливается исподволь какой-то скверный фактор, потом — переход количества в качество — и он проявляется бедами, потрясениями. Значительная часть людей разоряется, гибнет, дичает; уцелевшие напрягают силы для борьбы со стихиями и между собой — больше, как правило, между собой, чем со стихиями. Лучшие из них напрягают умы, ищут выход... и находят его в новшествах. Начинается подъем, общество развивается, люди множатся, распространяются, заселяют новые территории. Но в силу тех же извечных причин: недалекости и эгоизма — опять накапливаются «тихие» факторы. И цикл повторяется.

Первыми были кризисы чрезмерного истребления дичи и бездумного поедания всех съедобных плодов, корней... всего, что родила земля, — полудикими первобытными племенами. Множество племен вымерло, уцелевшие додумались до скотоводства и земледелия. Развились на этом, увлеклись — и начали новый цикл: истребление лесов переложным землепользованием, а пастбищ, лугов, степей — чрезмерным выпасом размножившихся стад, кои подчищали все до травинки. Этот кризис породил пустыни Средней Азии и Северной Африки, погубил древние цивилизации... И так далее, через средневековые моры, кризисы скученности и антисанитарии в городах, через войны и восстания (каждое — кризис от накопившегося фактора), через кризисы товарного перепроизводства, через разрушения среды обитания — до последнего Потепления. Схема одна, и главное в ней, что все из благих намерений... Можно ли считать такой путь развития разумным?

— В среднем — да, — сказал Ило. — Ведь каждая новая ступень в конечном счете оказывается выше предыдущих.

— А если бы не было спадов, разрушительных провалов — насколько бы они были выше? Какой был бы взлет! Неужели нельзя плавней, устойчивей, смотреть далеко вперед?.. Вот сейчас пока хорошо, стабильно, тишь

да гладь — а можно ли поручиться, что в мире, в людях не накапливается новый «тихий» фактор, который, когда придет время, сразу и громко заявит о себе?.. На стадиях спада неконтролируемо выделяется накопленная энергия — а ее все больше.

Ило выслушал профессора с большим интересом. Тот и сам, окончив, подивился: высказанное оформилось в уме его как-то вдруг. Собственно, начальные суждения были близки к тому, что он говорил еще Нимайеру, подо что подгонял гипотезу Морозова. Но в конце он — он, Берн, отрицавший человечество! — верил в возможность бескризисного развития, хотел этого, досадовал, что такого еще нет, даже мысленно представил, какой получился бы при этом звездный рывок человечества, победное распространение его во Вселенной... Все это подумал будто и не он.

— Кризисы недостаточной разумности, — задумчиво молвил Ило. — Все верно: деятельность, не продуманная до конца, в итоге оказывается замаскированной стихией. Возможно, в этих срывах природа, естественное течение явлений, осаживает нас — торопливых? Может, надо, пока не спланировали все до крайних пределов бытия, сдерживать наращивание мощи, смирять творческие порывы? Или как-то иначе дозировать: меньше изменять природу, больше приноравливаться к ней, а?

— Понимаешь, не так все просто, — покрутил головой Берн. — Если сдерживать энергетику, реализацию возможностей преобразования природы... да еще начать приноравливаться к ней до идеального согласия, то разумная жизнь может замереть. Даже повернуть вспять, как... как у этих...

— У кого — у этих? — с любопытством взглянул на него Ило.

— У кого? Ну, как же... — Профессор растерянно потер лоб: действительно, у кого? Что это он понес? Что-то мелькнуло в уме — и исчезло. — Да, что-то я не так. Не обращай внимания.

Ило отвел удивленный взгляд.

Разговор прекратился, но весь вечер Берн был под впечатлением обмолвки. Отходя ко сну, он допросил себя: «Так у кого все-таки у «этих»? О ком я?» — «А о тех, — ответил он себе, — о тех самых, из памяти Дана». И его пробрал холод.

Инстинкт самосохранения сторожит в человеке не

только тело, организм — психику тоже. Подобно тому, как рука отдергивается от обжигающего, колющего, бьющего, так и память человека, его ум и воображение сами могут уклониться, «отдернуться» и от внутренней информации, и даже от фактов действительности, если они посягают на его личность. Так и с Берном. Он знал минимум о том, чей мозг ему прижили: Эриданой, астронавтом, погиб у Альтаира... и больше знать ему не хотелось. Любопытство иногда возникало — но сразу упиралось в стену внутреннего страха, страха попятить свою личность, которой и так туго пришлось в этом мире.

Астронавт Дан — уже в силу одного того, что он астронавт, — явно был незаурядным, сильным человеком; к тому же он принадлежал этому миру. Берн ему благодарен за то, что перешло от него: за зрение, слух, новую речь... но и хватит. Шевеления остального, попытки Дановой памяти пробудиться вызвали панический вопрос: а как же я? Что станет со мной?.. Мирное сожительство, симбиоз двух психик, двух взглядов на мир был — он это чувствовал — невозможен.

В то же время этот внутренний страх неизвестно перед чем был неприятен, лишал самоуважения. Собственно, чего он пугается?.. Однажды Берн преодолел себя, запросил у ИРЦ краткую — самую краткую! — информацию о Дане, о Девятнадцатой звездной. Сферодатчик говорил и показывал три минуты. Берн почувствовал облегчение, даже разочарование. Экспедиция к Альтаиру была в сравнении с другими малорезультативной. Астронавты, разбившись на группы, изучили двенадцать планет, на которых не нашли — кроме второстепенных малостей — ничего, что людям не было бы известно и до этого. Дан погиб тривиально, по своей неосторожности, вызвавшей неполадку в биокрыльях и падение. Тело разбилось, голову спасла напарница по работе на этой планете Алимоксена.

Профессор увидел и изображение своего донора: шатен с волевым лицом, синими глазами, резкими чертами и веселой, чуть хищной улыбкой — улыбкой бойца. Облик действительно сильного человека.

Эти сведения не имели ничего общего с бредовыми переживаниями после первой операции. Не ассоциировались они и с воспоминаниями во сне или полусне, которые иногда тревожили профессора. Значит, то и есть бред и сны. И точка. За выводом было чувство облегчения, избав-

ления от опасности, но этого Берн предпочел не заметить.

А сегодняшняя обмолвка возвратила его к проблеме, которую он считал для себя решенной. Она была из той области — бреда и полуснов. За ней маячило что-то огромное и не его. Берн был раздосадован.

Разговор с Ило продолжился на следующий день. Они лежали на округлых, оглаженных миллионолетней лаской волн камнях под навесом из пальмовых листьев. Левее на галечном пляже копошилась малышня. Плескали синезеленые волны Среднеземного моря. Дело происходило между Алжиром и Эрроном.

— В выборе человеком жизненного пути, — задумчиво проговорил Ило, — да и в частных решениях: как поступить в том или ином случае — велика роль прецедента, знания о других жизнях или поступках. Вечная цель человека: повторить и превзойти достижения других, не повторяя их ошибок.

— Ты хочешь сказать, что и для человечества было бы неплохо знать о жизненных путях иных разумных жителей Вселенной, иных цивилизаций?

— Это слабо сказано: неплохо знать. Не только бы неплохо, с каждым веком это все более насущно необходимо. Знай мы заранее о путях других, то, может, многого избежали бы. Необязательно даже, чтобы нашлись гуманоидные цивилизации, пусть иных видов — пути разума должны быть схожи независимо от биологического начала. В конце концов, необязательно и чтобы сплошь просматривались параллели — пусть наше повышенное понимание себя, своего пути возникнет из несогласия с чужим опытом, из отрицания его. Но пусть будет хоть что-то!

— Неужели — ничего?

— Почти. Две эпизодические встречи — и обе нельзя считать Kontakтами. Первая — тот визит Прекрасной Дамы, который застал человечество в скандальном положении, в каком гостей не принимают. Иномиряне отшатнулись от нашей дикости, от неумения совладать со стихиями и собой; для них наша разумность осталась под вопросом. Вторая — обнаружение у Проксимы Центавра жизни несомненно высокоорганизованной и разумной, но такой, что почти начисто исключает Контакт, сотрудничество, взаимопонимание: кристаллической. Там, около безатмосферных планет и в окрестном космосе, роятся, летают

электрические «торпедки». У них громадные скорости, иной — электромагнитный — принцип движения, исключительное быстроедействие мышления и обмена информацией... Словом, эти существа куда роднее нашим электронным машинам, ракетам, чем нам, белковым созданиям. Астронавты Седьмой экспедиции изучали и наблюдали их. Они, вероятно, наблюдали и изучали астронавтов... если не приняли за живые организмы технику нашу, а не их — но и только. Вот и все, что мы знаем о других в нашей Галактике.

— Как все? — вырвалось у Берна. — А Амебы? Ну... Высшие Простейшие?

— Помилуй, — Ило смотрел на него во все глаза, — какие же амебы — высшие? Простейшие — да, но почему высшие?

— М-м... да, в самом деле... — БERN тоже почувствовал замешательство. — Что-то я опять зарапортовался. Жарко очень. Пойду искупаюсь.

Он встал, направился к воде. Ило глядел вслед — и вдруг понял: в А л е п р о б у ж д а е т с я Д а н!

Та обмолвка об «этих самых», у которых жизнь замерла; вот сейчас — о «высших простейших амебах»... да, пожалуй, и экспромт о «срывах от недостаточной разумности» — все это принадлежит не профессору БЕРНУ из XX века!

Ило почувствовал, что не только обрадован, но и опустошен этим открытием: тащил на горбу груз, донес, скинул, распрямился — все!.. Правильно он, выходит, отклонял попытки опасного экспериментирования над Алем: терпение и время, время и терпение — среда и жизнь свое возьмут. Не могли не взять, ибо некуда в нынешней жизни развиться личности Берна, тем ее качествам, которые он принес из XX века; и по этой же причине не могла не прорасти, не развернуться в нем, не заявить о себе личность Дана. И вот — получилось. Стало быть, и с этим все. Ныне отпускаешь...

«Постой, — вдруг опомнился биолог, — я не тем взволнован, не тому радуюсь. То, что в Але проявилась память астронавта, — мой маленький результат. Но главное другое: о чем эта память? Ведь похоже, что в ней сведения о Контакте. Там, у Альтаира, эти «высшие простейшие», амебы какие-то мыслящие... и два астронавта Девятнадцатой экспедиции с ними общались! Выходит, версия

гибели Дана неверна... Пстой, пстой, даже и это неважно: что версия неверна и что гибель была. То, о чем мечтали, как только осознали множественность миров во Вселенной, то, чего искали последние века, — свершилось? И пусть свершилось как-то не так, с осложнениями, все равно знакомство с иным разумом, с иным путем развития!.. А меня это не волнует и не трогает. Не волнует даже, что носитель информации о Контакте — вон он плавает у скал. Разделался с последней жизненной задачей и все? Дальше не мое, не для меня?..

Значит, вот ты такая, моя смерть!»

15. ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

В ралли «Таймыр — Крым» Арно отправился, чтобы хоть ненадолго отдалиться от Ксены. Дать подумать ей, подумать самому. Ничего не было сказано между ними на прощание; может, она догонит или он вернется. А скорее, и не догонит, и он не вернется.

...Было кое-что сказано три дня назад, ночью, в коттедже. Ксену вдруг прорвало:

Ну, Арно, миленький, ну, командир, рыжий с гордой душой! — Она положила голову ему на грудь. — Отпусти меня к нему, а?

Он понял, о ком речь. Не шевельнулся.

— Отправляйся, разве я что говорю!

Ты не говоришь — ты молчишь! — Ксена откинулась. — Ты в душе отпусти.

И вот теперь он отпускал в душе. Дело было не в любви и не в ревности — хотя немного и в том, и в другом; понял Арно, что Ксена исцелилась от шока Одиннадцатой планеты. Теперь для нее, как и для любого сильного, душевно здорового человека, нет счастья в благополучии, в застойном однообразии жизни — пусть даже приперченном гонками на автодроме. Хочется испытать дух свой, пройти, балансируя, над психической пропастью, в которую ее ввергла история с Даном. «Зачем мне душа, если нет для нее гибели!» — вспомнил Арно фразу из старой книги.

Не могло ее, его Ксену, тянуть к Пришельцу как к личности, человеку — пусть даже в нем есть частица Дана. Не могло! Ей нужна от встречи с ним именно хорошая доза «гибели»: волнений, терзаний, чтобы убедиться в кре-

пости и здоровье духа. И в добрый час. Удерживать — хоть молча, хоть словами — значило изводить ее и себя. Пусть действует и решает сама.

Только холодно стало на душе. Потеряв Ксену, он терял все, что имел на Земле. Никакая другая женщина не заменит ее ему — как не мог он сойтись в дружбе с милыми, славными... но очень уж земными людьми. Они с Ксеной одной породы: люди космоса.

Безмаршрутное ралли от Таймыра до ЮБК было новым словом в обучении транспортных кристаллоблоков, настолько новым, что многие сомневались: стоит ли ставить такой эксперимент? Заданы только точки старта и финиша, выигрывал необязательно прибывший первым; можно двигаться по дорогам, можно через луга, пашни, болота — но учитывался каждый поломанный кустик, каждый помятый на посевах стебель, каждый клочок сбитой при резком вираже коры с дерева. Само собой, запрещалось и раз узнавать дорогу. Конечной целью этого экспериментального ралли, как понял Арно, было научить перцептронный транспорт движению по неизведанной местности к указанной цели оптимальными маршрутами. На Земле не было нужды в таком, это была еще одна примерка к иным планетам.

Они ехали пятые сутки. Арно лидировал в своей группе. Только раз он оплошал, выехал к Волге не там, где рассчитывал, в поисках моста отклонился на северо-запад. Мчались полный световой день, от восхода до заката. За день он выматывался, спал беспробудно. Завтра был последний этап.

В этот день он со своим напарником, который вел параллельный состав, выехал к берегу Азовского моря у Бердянской косы. Далее сложность была только в том, чтобы не свернуть на ведущие в живописные тупики к косам, отмелям, берегам лиманов дорожки туристов; пересечь по сухому пути Сиваш — и маршрут, считай, весь. Этапные судьи намекали, что у них есть шансы на первое место.

Арно постелил себе на прибрежном песке, надеясь быстро уснуть под убаюкивающий мерный накат волн на пологий берег. Но не получилось. Ночь была удивительно ясной. Он увидел звездное небо таким, каким оно не бывает на севере. Сначала над головой в темнеющем июньском

небе загорелся белый огонь Арктура. «Арктур, Восемнадцатая звездная. Командир Витольд, коренастый такой парнище с простым прибалтийским лицом. Вместе работали на сборке узлов управления его и моего звездолетов в Главном ангаре. Как давно это было!.. Сейчас они подлетают к цели».

С чернильно-темного востока поднималась Вега. «От нее года через четыре должна вернуться Двдцатая, — сразу отозвалось в уме. — Командует Династра 80/118, замечательная женщина, хоть и долговяза, непривлекательна собой. Хорош парень Дин, как ее называли в Академии астронавтики. С самой академии мы и не виделись, она улетела к Веге еще до финиша Девятнадцатой... Под началом у нее 38 человек, как и у меня было».

В хвосте Лебеда бриллиантовой искрой сверкал Денеб. К нему еще не летали, далек. За ним, паря во тьме, поднимался к середине неба Орел. И в нем, сопровождаемый эскортом из двух звездочек, накалялся белым светом Альтаир.

Альтаир!

Небо сразу сделалось объемным. Не на одной линии эти звездочки, нет — они такие же далекие и тусклые и при взгляде о т т у д а. За ними, еще неизмеримо дальше, та сторона Галактики, разделенная Великой Щелью звездная полоса. Сейчас она едва просматривается сквозь воздух.

Альтаир!..

Арно на память знал, как меняют свой рисунок Лебедь, Лира, Кассиопея, сам Орел, все иные созвездия, как выглядят они с каждого парсека пути к Альтаиру. Он будто видел это сейчас, повторял маршрут.

Нет, это было невыносимо. Он встал, повернул постель, улегся ногами к западу: тот участок неба и Млечный Путь оказались вне поля зрения.

Но перед глазами появилась иная россыпь небесных огней, «галактика местного значения» — Космосстрой. Арно понял, что попался. Он уже забыл, почему выбрал именно север, где летом звезды не видны вовсе, а зимой немногие в редкую ясную погоду. И Космосстрой оттуда едва заметен.

А теперь все навалилось. Он легко узнавал — по вращению (от него менялась яркость отраженного солнечного света), по орбитам, перемещениям друг возле друга,

по вспышкам прожекторов — все объекты. Вон расходятся составы цилиндрических барж с ракетными толкачами РТ-100 в хвостах. Поворачивается тусклым дном к Земле медленно вращающаяся станция-цистерна; ей сигналит световой морзянкой приближающийся грузовик-плането-лет. Левее «плеяды» тесная группа ярких пятнышек: шары-цеи сверхлегких вакуумных материалов.

Арно будто был там сейчас, даже вспомнил — держит же память! — кто где работал и работает, с кем он встречался. Как много у него там коллег и знакомых, куда больше, чем на Земле! И вот — видит око... Ему нельзя туда, нельзя даже на толкач, космическим возчиком.

Это было нестерпимо. Арно повернулся вниз лицом, раскинул руки, бил и царапал холодный песок.

— Боже мой... боже мой... — шептал он, — я бы отдал все. И за что мне так?! Не только работать, но хотя бы умереть там — я бы отдал все. Ведь есть и сейчас дела для тех, кто презирает смерть: в радиационном поясе Юпитера, на Меркурии, на Венере, около Солнца... есть, я знаю... Они не смели судить меня по земным законам, не смели, не смели!

Арно так и не уснул в эту ночь. Утром он был совершенно не в форме, снял себя с пробега.

На Таймыр он решил не возвращаться.

Эоли проснулся в своем коттедже в Биоцентре среди ночи, сам не зная почему. Рассвет только занимался, бледнели звезды над куполом, синело черное небо. Молодой биолог чувствовал тревогу и одиночество — такое одиночество, что трудно было глубоко вздохнуть.

«Ило... — вдруг понял он. — Я ни разу не связался с ним. Как будто мне нечего ему сказать, не о чем спросить! Ждал, пока он вызовет меня. Ах, как же так...»

— Эолинг 38 вызывает на связь Иловиенаандра 182! — сказал он шару.

ИРЦ безмолвствовал. Эоли все повторял свой вызов:

— Иловиенаандр 182! Иловиенаандр, отзовись! Эолинг 38 вызывает Иловиенаандра, разыщите его, люди! Ило, где ты, отзовись же!..

Наконец сферодатчик дал ответ:

— Он умер.

«Я почувствовал это, — понял Эоли в тоске. — Умер, как и жил, — без лишних слов».

Перед ужином Ило объявил:

— Сегодня будет холодная ночь. Накидайте-ка побольше «дров» в свои «печки»!

— Намек понят,— откликнулся Эри.

Предупреждение поняли и другие «орлы»: за ужином все наелись до отвала. И это была единственная мера против холода. Дети легли спать, как обычно, на открытом воздухе, на матрасиках под тонкими одеялами, которым, разумеется, не дано было долго удержаться на их вольно спящих телах.

Так было не первый раз. К ночи температура воздуха действительно упала, в ясном небе холодно блистали звезды. Берн перед сном, любопытствуя, подходил к малышам. Те не ежились, не мерзли, тела их были разгоряченными — избыток пищи выделялся согревающим лучше одеял теплом. Он знал, что утром дети проснутся без признаков насморка.

Ило сидел на камне у воды. Профессор подошел, стал расспрашивать: каков механизм явления, в чем тонкость?

— Какая должна быть тонкость, помилуй! Мы теплокровные, наши организмы — костры, горящие при температуре тридцать семь градусов, источник тепла — перевариваемая пища. Чего же еще?

— Но прежде-то так не могли.

— Так это прежде и была тонкость,— скупое улынулся биолог.— По поговорке: где тонко, там и рвется. Слабина.

Берн отошел. Поразмыслив, он вынужден был согласиться, что нет здесь ни механизма, ни тонкости — простая эскимосская уверенность, что сытый замерзнуть не может. Ее Ило и внушил детям.

Сам он ночевать все-таки отправился в вертолет.

...Потом Берн не раз вспоминал и этот эпизод, и разговор — короткий и незначительный. Ничто, совершенно ничто ни в словах Ило, ни в интонациях речи не показывало, что этот их разговор последний, что старый биолог уже все решил.

Ило не уснул в эту ночь — сидел, слушал плеск моря, перебирал в памяти прожитую жизнь. От начала, от круглолицего сорванца вроде Эри. Что ж, жизнь получилась не только долгая, но соразмерно с этим выразительная. Сделал все, что задумал, и сверх того кое-что. Достиг немало. Даже учитель.

...Не то это все: достижения, учитель, биджевый фонд — не главное. Метки на выразительном, но не сама выразительность. С молодости, с самого начала творчества он понял: своим, более глубоким, чем у других, проникающим в сути умом, своим чувствованием жизни получил от природы такую плату вперед за все дела, что ничто пред нею все иные награды. Наказанием было бы, если бы не смог вернуть делами то, что дано. Не в этом, не в бухгалтерской сводке свершений сейчас вопрос, а всегда ли был последователен, честен перед собой? Вел жизнь или тащился в ее потоке, принимая барахтанье за свои действия?

И сомнение, смятение владело сейчас старым человеком. Казалось бы, завершив все, должен обрести покой — а нет. «Человек должен жить столько, сколько надо для исполнения всех замыслов». Но ведь не так было, далеко не так! Если по тезису, то следовало остановиться на исполнении Биокolonизации — и отстраниться от судеб проекта. А взялся решать и это, решил по-страшному, и сейчас саднит душу. Зачем?

«Не по собственному тезису жил ты, Ило!»

По тезису участвовать в жизни надлежало только созданием, творчеством. Вносить вклад. А участвовал и сомнением, отрицанием, спорами. Проверял на прочность. Ведь правильно он все-таки поступил с Биокolonизацией. Да, для него и, в меньшей мере, для Эоли такое решение драма, но для мира в целом — все правильно. Она будет, Биокolonизация, — повторит работу Эоли или додумаются другие, — но войдет в жизнь не с налета, а после многих примерок и выборов. Так и подобает выбирать людям общества с обилием возможностей. Такое решение и будет прочным...

И понял Ило самое большое заблуждение своей жизни: он, убеждавший других (последнего — Аля) более чувствовать себя частью человечества, чем индивидуумами, сам-то всегда считал себя выразительным целым, хотя был — частью. Частью человечества прежде всего. Поэтому равны оказались его дела и его сомнения, его идеи и отрицание их — все было частью Дела, общечеловеческого потока Действия, малой частью. И призрачно, иллюзорно было стремление завершить все самому: не с него началось — не на нем кончится.

Вот только теперь, поняв это, биолог обрел спокойную

ясность духа. Осознать, что жизнь его лишь часть Жизни человечества, струйка в громадном потоке, было равно открытию, что никакой смерти нет.

Перед рассветом задул ветер с севера, заштормило. ИРЦ перегонял закрутившийся над Европой циклон на просторы Северной Африки.

Ило обошел спящих малышей, прикрыл разметавшихся, подоткнул всем одеяльца, поставил со стороны ветра наклонный полотняный щит. Ничего с «орлами» не произошло бы и без него — просто хотелось напоследок что-то сделать для них. Ишь раскинулись на матрасиках. Ну, живите долго!

Альдобиан спал в вертолете наверху. Ило решил не будить и его, произнес несколько фраз в сферодатчик, дал программирующую команду. Потом заправил АТМой биокрылья, надел и взлетел со скалы.

Он летел вдоль берега на восток, туда, где багровело перед восходом солнца затянувшееся тучами небо. «Ныне отпускаешь, владыка, раба твоего по глаголу твоему...» — продекламировал он в уме под мерные взмахи крыльев. «Нет, не то. Не был я рабом. Был настолько свободен, что всегда выбирал и место, и образ жизни, и замыслы. А уж выбрав, поддавался, позволял им поработить себя. Тогда был раб — усердный, многотерпеливый... И ныне отпускает меня не владыка — отпускаю себя я».

Он поднимался все выше, хотел напоследок увидеть побольше. «Не наполнится око видением, не насытится ухо слышанием», — пришли на ум другие библейские строки. Усмехнулся: а что верно, то верно! Сколько видел всего — и поинтереснее, чем открывшееся глазу сейчас: пустое море под левым крылом, гряды волн в белых барашках, внизу полоса берега и прибоя, по правую сторону кремнистое плато, переходящее дальше в зелень полей и рощ с домиками возле... все, как всюду. И все — дорого. Прощай, Земля!

Впереди из-за горизонта выдвинулся алый краешек солнца. Прощай, Солнце!

«Не прощай, Земля, и не прощай, Солнце! Никуда я не денусь от вас, никуда не уйду из круговорота веществ и энергии. Я прощаюсь с вами такими, какие вижу сейчас. Иная жизнь — жизнь этого берега, камней, воды, прибоя,

похожего на храп великана,— влечет меня, жизнь с иным смыслом. И будет нам жизнь вечна... да! Ибо ничто не уходит из круговорота ее. Не уйду и я».

Ило чувствовал тягу слиться с этим берегом — только искал место для себя.

Звуки прибоя под ним отделились мерными стонами бакена-ревуна, раскачиваемого волнами. На километровой высоте, где летел Ило, начали возникать облака; пришлось снизиться, чтобы не утратить видимое внизу. Солнце поднялось, но свет его будто протискивался в щели между полосами туч. Напористо дул северный ветер.

«Здесь!» Ило примерился, прикинул поправку на снос, взял мористей. Берег под ним выгибался мысом. И над оконечностью его, на высоте восьмисот метров летевший человек отстегнул тяжи и скинул крылья; левое, потом правое.

Он падал, раскинув руки и ноги,— так летят в затяжном прыжке. Очерченный горизонтом круг быстро уменьшался. Раскинутыми руками Ило будто охватывал его, охватывал землю и море — место, которому теперь принадлежал.

Его несло на выделявшийся среди скал светло-коричневый камень, громадный и округлый, как лоб мыслителя. Подле него каждый накат волн вздымал многометровый гейзер брызг; многократно и ликующе ахал прибой.

Коричневое, серое, белое, желтое, зеленое — пятна камней, воды, прибоя, береговой зелени — все приближалось слишком быстро. На миг заробела душа, сами зажмурились глаза: захотелось, чтобы все скорее кончилось. «Прочь!.. — взбодрил он себя. — Не зажмуривать глаз!»

«Возвращаю тебе тело свое, земля!»

Удар.

Кровь стекала с покатых боков камня, смешивалась со вспененной водой — соленое с соленым.

Мерно стонал на одной ноте бакен-ревуна. Высокие волны накатывались на скалы, ударяли о них, славили бетховенскими финальными аккордами... не смерть, нет — конец жизни человека.

Третий день профессор скрывался в камышовых зарослях дельты Нила — новой дельты Нила, протянувшего русло через Ливийскую равнину до залива Сидра. Он не хотел попадаться кому-либо на глаза, пока с кожи не сойдут эти пятна — коричневые овалы, какие образует на коже сок кожеры грецких орехов. Берн прятался от солнца в тени камышовых стен, в жару купался в протоках, бродил по песчаным островкам — мыкался, размышлял.

Дело было не только в пятнах, для прикрытия их можно заказать ИРЦ подходящую одежду. А вот зачем ему снова появляться на людях?

...Когда он проснулся в то утро, Ило для него был еще жив; он жил объемным изображением в шаре. Изображение окликнуло Берна:

— Аля, я не вернусь, прощай! Пока не прибдет новый учитель, ты остаешься старшим. В интернат я сообщил. Позови детей.

Проснувшиеся «орлы» сгрудились у сферодатчика. Ило, назвав каждого по имени, тоже сказал, что не вернется, надо слушаться Аля, вести себя хорошо.

— Ой, а куда он смотрит? — обеспокоилась Ри.

Верно, обращаясь к малышам, Ило смотрел не на них, а поверх голов и в сторону. Потому что это был уже не Ило — запомненные ИРЦ его изображение и речь.

Во время завтрака детей Берн попытался связаться со старым биологом, где бы тот ни находился, и узнал, что связаться уже невозможно. В растерянности он не придумал, как сказать это малышам, решил не говорить. Это была ошибка. «Орлы» все узнали по ИРЦ в тот же день. Мало того что был плач, печаль, общее чувство сиротливости, слезливо-требовательные вопросы: «Аля, ну почему Дед так сделал?!» — на которые тот ничего не мог ответить, но возникло и недоверие к нему.

Сначала, впрочем, все пошло более-менее гладко. Они двинулись по намеченному еще Ило маршруту на восток и юг, к Среднему Нилу, к Красному морю, посетили там Нубийский ДШК — домоштамповочный комбинат.

Комбинат выпускал коттеджи для приэкваториальных районов. Машины его работали на берегах Нила среди массивов быстрорастущей бальзамической сосны — на месте прежней Нубийской пустыни. ДШК был скорее

похож на явление природы, чем на создание человеческих рук: могучее, как извержение вулкана, только не разрушающее, а производящее. Полчища автоматов-пильщиков валили на делянках тридцатиметровые сосны, разделявали, скатывали стволы в гигантские вязанки. Их подхватывали электролеты-«пауки» (лопасти их сливались в незримый круг, видны были только членистые захваты да маленькие тела-моторы), несли и сбрасывали в канал. Потоки воды несли к бункерному реактору песок, алюмосиликаты, соли — весь набор ингредиентов.

Потоки вихревой воронкой сходились к широкому, как жерло вулкана, раструбу бункера; перемалывающие шестерни в нем глухо сотрясали почву и воздух. Готовая масса снизу подавалась в матрицы гороподобных прессов; у подножия их неслышно в созидательном гуле шелестели вековые дубы. Терпко пахнущая желтая масса заполняла пресс-формы. В них по направляющим колоннам опускались блистающие металлическими гранями дома-пуансоны; они издавали оглушительное «Чвак!», замирали, поднимались. Пресс выставлял на ролики конвейера дымящиеся сизо-желтые коробки с проемами для дверей и окон, с нишами, столом и ложем. Другой пресс выдавал крышイクупола, третий — фундаменты.

По сторонам конвейерного тракта сустились монтажные автоматы. В сравнении с прессами они казались крошечными, хотя ворочали домами. В конце конвейера собранные коттеджи подхватывали «пауки», уносили по всем направлениям.

«Орлы» с Берном долго кружили над комбинатом, опускались, заглядывали во все места — искали людей. Наконец нашли на удаленной сопке, откуда открывался вид на Красное море. Под прозрачным куполом у экранной стены и пульта стояли мужчина и женщина — настройщики.

Обязанности настройщиков были необременительны: перепрограммировать автоматы по поступающим заказам. Как раз сейчас они настроили ДШК на партию коттеджей со стенами-жалюзи и навесом над входом — для жарких мест. На очереди партия домов со скошенными фундаментами для установки на склонах гор.

Предприимчивые парни Эри и Ло сразу нашли применение домострою: отозвали женщину, что-то нашептали ей. Та покивала, улыбнулась, поманила напарника — все

направились к пульту. К ним успела присоединиться Ни, но на остальных любопытствующих Эри и Ло закричали:

— Не подходите, нельзя! И тебе, Аль, нельзя!

«Конечно, нельзя: надо же, чтобы было кому потом удивляться». И Берн решил не жалеть сил, когда придет время для этого.

Но ему не пришлось особенно и прикидываться. Когда под вечер они прилетели к Овальному озеру, то там, на красивом мысу у пляжа под соснами, стояли четыре домика. Какая у них была немыслимая раскраска стен! Видно, настройщики стремились угодить всем вкусам. Какие были великолепные микропористые лежа — по четыре в каждом коттедже! И какая задорная музыка звучала из сферодатчиков в стенах! А когда в сумерки эти стены начали накаляться радужными люминесцентными переливами, то и закоперщики Ло, Эри и Ни застонали от восхищения.

...У этих уединенных домиков у озера все и началось.

Кончина Ило всколыхнула Берна: вот человек — жил сколько хотел и как хотел, в полную силу, выразительно... А он? Слоняется по планете как неприкаянный. Неужели так и останется на задворках в этой жизни — ни на что не влияющим, никому не нужным?..

Словом, смерть биолога разбудила в Берне жажду успеха. Для начала он решил покорить «орлов» — настолько, чтобы они не пожелали нового Деда, захотели путешествовать с ним. А если так и не выйдет (он знал, какой вес имеет слово «учитель» и личность учителя), то хоть пусть вспоминают о нем: «А вот Аль нам объяснял... Аль рассказывал... Аль говорил...» Неужели теперь, когда фигура Ило его не заслоняет, он не сумеет пленить души этих щенков? Он — интересный бывалый человек, знающий много такого, чего в этом мире не знает никто!

«С чего все пошло наперекося?» — соображал Берн, сидя на песке и обняв колени руками в пятнах.

...Конечно, больше всех допекали его эти двое — Эри и Ло. Они еще со времени победоносного спора о Свифте ни во что не ставили его; когда профессор урезонивал их, то за словом в карман не лезли, отвечали сразу, остро и умно.

«Человек как организм настолько сложен, что разница в запасах информации ребенка и взрослого ничтожно мала, а размеры и вес ничего не доказывают, иначе выхо-

дит, что самое умное существо на земле — «кит». (Афоризм Эри.)

«Хорошим взрослым быть легко, а ты попробуй быть приличным ребенком — в считанные годы и без образования!» (Афоризм Ло.)

Это говорилось при «орлах», те веселились, хлопали в ладоши, ждали меткого ответа Аля. А он пасовал от неожиданности, когда же придумывал удачное, время было упущено.

Но окончательно подвели профессора «рассказы из первых рук». Он решил продолжить эту традицию Ило. Да ему и в самом деле было что рассказать, чем поразить воображение малышей. Он решил перво-наперво заинтересовать их рассказами о войне, о всем военном. Разве он сам не был мальчишкой!

Ах, лучше бы он не пытался!.. До рассказов о битвах и воинских подвигах дело, собственно, и не дошло; все рухнуло на вводных, так сказать, лекциях: о вооружении, организации армий. Дети хорошо поняли техническую сторону — тем более что простое оружие существовало и поныне.

Им было интересно узнать и о могучих танках, могших своротить дом или проложить себе дорогу сквозь лесную чащу, о пушках, стрелявших на многие километры, о самолетах, которые могли гоняться друг за дружкой в воздухе, пикировать, сбрасывать бомбы, разрушать здания или мосты...

— А для чего все это было? — спросила посреди рассказа однажды Ия.

— Ну, не понимаешь разве: тогда было много диких опасных животных, — горячо принялся объяснять ей Фе. — Это теперь против них достаточно дробовика или электропистолета, а во времена Аля — ого-го... только с танками, пушками. Или даже сбрасывали бомбы на стада хищников. Правда ж, Аль?

Берн подивился: неужели ничего не знают?

Нет, — ответил он, — против зверей и тогда было достаточно дробовика. А эта техника предназначалась против людей.

— Не хочешь же ты сказать, — с недоверчиво-ехидной улыбкой, которая всегда злила профессора, спросил Ло, что люди могли убивать... людей?

Не только могли — делали это! Если подсчитать,

то за всю свою историю люди куда меньше перебили зверей, чем друг друга.

На лужайке у красивых домиков стало очень тихо. Ия, Ни и двойняшки Ри и Ра смотрели на Берна, побледнев. Мальчишки переглядывались: кто-то не то кашлянул, не то произнес сакраментальное «бхе-бхе...».

Чтобы проверить возникшее подозрение, БERN навел по ИРЦ справки: так и есть, детям ни о войнах, ни об иных видах массовых убийств людей людьми не рассказывали; это-де воспринимается ими болезненно, создает нежелательный крен в психике.

«Ну, знаете!..— распалился профессор.— Что за тепличное воспитание, что за ханжество! Скрывать от детей такое! Это же история». И он решил раскрыть малышам глаза. Уж теперь-то они точно будут вспоминать: «А вот Аль нам рассказывал...»

...Это произошло перед закатом. Малыши, гуляя по окрестностям, нашли рощу ореховых деревьев, натрясли крупных орехов. Сейчас они сидели кружком, очищали толстую кожуру; пальцы и ладошки у всех были темные.

А БERN заливался соловьем, рассказывал о ядерном оружии, о баллистических самонаводящихся, чувствующих тепло городов ракетах с тритиево-стронциевой начинкой, о последнем — перед его захоронением в Гоби — крике военной мысли: электронно-кибернетической системе автоматического возмездия — на случай, если живых не останется... «Орлы» щелкали орехи, слушали отчужденно. Первым не выдержал Эри.

— Послушай, Аль,— молвил он рассудительно,— ведь все эти штуки должны были обходиться в огромный труд, в большие биджи, так?

— Еще бы,— подхватил профессор,— настолько большие, что были по средствам самым крупным державам. Другим оставалось трепетать и присоединяться.

— Вот видишь. А ведь в твоё время на Земле было много пустынь, неосвоенных земель и морей, так? — В голосе Эри прорезались уличающие интонации, глазенки щурились.— Многие жили плохо, не могли досыта поесть, не имели хорошего жилья — так?

— Да,— подтвердил БERN со вздохом,— больше половины населения планеты.

— И ты говоришь, что в то время, когда люди так жили, другие люди тратили силы и знания не на то, чтобы

их выручить из бед, а чтобы делать дорогие машины, которые могли всех убить?!

Это уже был не вопрос — риторический возглас.

Но так было!

— Так не могло быть, Аль, — вразумляюще сказал Эри, беря из кучки новый орех. — Это ты бхе-бхе... или как оно называется на твоём древнем языке: «ди люге»?

«Орлы» засмеялись. Было ясно, что они на стороне Эри, не верят Берну, им неловко, что он так перехвастал и запутался. Все ждали, как Аль выйдет из трудного положения.

Да как... как ты смеешь, der Rotzig!¹ Берн вне себя вскочил на ноги. Нет, это уже было слишком. Мало того что эти щенки, верящие в любые выдумки Свифта... да что Свифт в царевну-лебедь и стойкого оловянного солдатику! — отказываются принять от него чистую правду, так ему еще и наносят самое тяжелое в этом мире оскорбление. И все этот Эри!

Тот не понял, как его обозвали, но сориентировался на интонации:

Сам ты «дер ротциг»!

Добропорядочная душа профессора не вынесла. Он схватил мальчишку за уши, дернул, потом, когда и ошеломленный Эри вскочил, сунул его голову между колен, занес карающую длань.

...Немало радостей пережил Берн в этом мире — но, несомненно, самая острая была та, когда припечатывал всей ладонью по мускулистой, слегка лишь защищенной шортами попке малыша и сладостно приговаривал:

А! А! Вот тебе! Вот!..

Он не ждал реакции, какая последовала за этим. Среди «орлов» считалось хорошим тоном стоически переносить боль — будь то полученные в играх и походах царапины, ушибы, шлепки от Ило, удары во взаимных наскоках... Но то было другое. Сейчас малыши почувствовали сердцем: неправая сила наказывает, унижает правого, но слабого.

Эри вырвался, отбежал; ошеломление у него сменилось яростью. Напластования цивилизаций исчезли, перед Берном стоял маленький дикарь. Он издал вопль, нагнулся и бац! — первый орех разбился о лоб профессора.

---

¹ Сопляк (нем.).

Ия всплеснула руками, Ни ахнула. Но мальчишки и двойняшки Ри и Ра подхватили почин вожака. В воздухе замелькали зеленые и желтые (очищенные) орехи — все крупные, величиной с кулак. Потом, массируя бока, спину и руки, Беря проклял вместе с «орлами» и ботаника, которому вздумалось вывести такой сорт.

...Он бежал, преследуемый орущей бандой чертенят, петлял между деревьями. Но швырялись они метко, то и дело на голове и плечах профессора чавкаяще лопались зеленые ядра. Хуже всего был выделявшийся сок: он оставлял на коже коричневые пятна, отмыть которые было невозможно.

На следующее утро Берн был весь пятнистый, как ягуар.

Вот и скрывается теперь в зарослях, как ягуар.

Не как ягуар — как человек, вконец растерявшийся, не понимающий, как ему дальше жить. Жизнь снова вышвырнула его прочь, наподдала коленом. И если в первый раз он был сам в том повинен, допустив малодушие, то теперь — ну, ни в чем же! Что он такого сказал, сделал? Хотел как лучше.

«А зачем им твоё ослабляющее души подлое знание: о том, как убивали и могли убить? Им, которым предстоит столько сделать. Все их помыслы должны быть обращены к лучшему в человечестве».

Это будто кто-то другой подумал в нем, подумал ясно и крепко.

...И чего ему, в самом деле, вздумалось рассказывать о прежнем оружии! Для этой малышни понятие «ракетное оружие» столь же нелепо, как прежде было бы «автомобильное оружие»: ракеты — устаревающий способ транспортировки в космосе, только и всего.

Нет, даже не в том дело. Как бы «орлы» ни вели себя независимо, как бы ни старались поступками и суждениями утвердить свою самобытность, все равно они — дети в мире взрослых. И они знали, отлично знали, как взрослые умно и прекрасно устроили мир. Во взрослых людях для них воплощалась мудрая сила человеческая; они и сами, как вырастут, станут такими. И чтобы когда-то, пусть в старые времена, взрослые вытворяли такое!.. Нет. Бхе-бхе... «Ди люге».

Берн расхохотался, но тотчас оборвал смех. До смеха ли ему: как быть, как жить?.. Могло ведь начаться и не с

рассказа о сверхоружии. В сущности, в этом скандале вылились копившиеся у детей чувства неприятия его — с его внутренней фальшью, эгоцентризмом, повышенной мнительностью. Они чувствовали все это в нем... Психическая несовместимость — как тканевая, бывает. Не прижился он, чужеродное тело.

Эта мысль была тоже будто не его — новая, странная. Никогда Берн не думал о себе так саморазоблачающе. Что это: раскаяние после неудачи или?.. Он внутренне насторожился.

Да нет же, нет! Маленькие глупцы, щенки — что они понимают! Со взрослыми-то он ладил.

...В том и дело, что в лице детей с их несовершенствами, но и с их прямодушием жизнь отвергла его начисто. Окончательно. Обратно в нее пути ему нет.

Берн устало склонил голову в колени. «Как же быть? И ни у кого не спросишь... Ох, и надоел же ты мне, Альфред Берн!»

Он вскочил на ноги как ужаленный. Что?! Кому это он надоел?!

17. АГОНИЯ — РОЖДЕНИЕ

Берн даже ушел от места, где сидел, — будто дело было в месте. В нем все напряглось в ожидании опасности и для отпора ее.

На краю островка среди водорослей лежало в воде что-то продолговатое. Он принял его сначала за обомшелое бревно, подошел: пятиметровый серо-зеленый крокодил покоился, омываемый с хвоста илистой водой, на плоском животе и поджатых когтистых лапах. Выпуклые полуприкрытые веками глаза смотрели с лениво-ироническим ожиданием. Это вдруг взбесило Берна.

— Что, ждешь своего часа, рептилия? — яростно говорил он, подходя вплотную. — Тысячелетия нашего владычества ничего не доказывают, да? Не дождешься, пошел отсюда... Ну?!

Крокодил шевельнулся, отвернул, будто нехотя, страшную морду — и уполз в воду, уплыл. Берн опаматовал, его пробила дрожь. Это сделал будто не он. И слова эти... Попер на такое чудище, надо же. Перекусил бы пополам. А удрал. Сыт?

Профессор сел на песок у воды. По-южному быстро

смеркалось. Черное небо заполнили звезды. И, глянув на них, Берн понял, что сидит не так. Надо иначе, лицом несколько левее блиставшей над горизонтом Полярной. Повернулся, поднял голову: теперь правильно — слева, на западе, пылает в светлой части неба Венера, прямо вверху лишь чуть уступающий ей в блеске Юпитер, правее его тлеет желто-красный огонек Марса. Вся плоскость эклиптики теперь перед глазами, плоскость закрученного вокруг Солнца вихря планет и полей.

Он легко представил-почувствовал огненную ось этого вихря — слева ниже горизонта; воображение продолжило и плоскость — фронт его в закрытой планетой части пространства. Все двигалось и вращалось согласно, все было объемно: Венера уходила вниз впереди Земли, Марс и Юпитер позади и слева — но эти планеты-струи вихря отставали в беге. А за вихрем Солнечной текли другие звездные струи, увлекаемые, в общем, для ближних тел, русле галактического рукава туда, куда он смотрит: в сторону созвездия Цефея.

Это было чувственное понимание Галактики. Оно сообщало душе покой и силу — но это были чужой покой и чужая сила.

— Не хочу-уу! — заорал профессор, вскакивая на ноги и потрясая кулаками. — Не надо! Пусть небо будет плоским!

Он даже вспотел, несмотря на вечернюю прохладу так стало страшно. Опасность была внутри, он понял: новый человек пробуждался в нем, с иными знаниями, иным отношением к миру. И этому новому он, Берн, был мелок и противен.

— К чертям, не выйдет! — Он забегал по песку, колотя себя по голове, по груди. — Не возмешь! Я — Альфред Берн!

«Да-да, Берн. Профессор Альфред Берн, отбросивший свое время, заскочивший через тысячи причин далеко в мир следствий. А ведь они могли быть не такими, следствия из тех же причин: ведь и ты — причина...»

— Что-о? Я?! Почему-у?

«И ты причина. Ты изъял себя из прошлого, изъял действия, которые мог совершить... и ведь немало мог, величиной был, светилом. А вспомни, с какими чувствами ты изучал историю проспанных тобою веков, Потепления, экологического кризиса... вспомни злорадненькое удовлет-

ворение: а со мною все обошлось, все хорошо — ага!..»

— Не надо!.. — молил теперь Берн внутренний голос, который бил на выбор по скрытым изъянам души.

«Нет, надо — не устраивай показуху терзаний. Ты не один такой беглец от настоящего, причина будущих бед, вас много было. Другие бежали тривиальней: в узкую специализацию, в погоню за успехом, в любовь, в заботы о семье, даже в деловые и политические интриги... лишь бы не встать в большое, общечеловеческое. Ты улепетнул оригинальней и дальше всех».

— А, насмехаешься! Все равно не бывать по-твоему! Это мое тело!..

«Твое тело сгнило бы в лесу еще минувшей осенью. Много ли в этом теле твоего?..»

— Нет, врешь: я — или никто! — Берн стремительно выдернул из шортов пояс, сделал петлю и искал воспаленными глазами дерево и сук, через который можно ее закинуть.

«Вот! Теперь ты во всей красе, Альфред Берн, в полный рост! — издевался, все крепчая, внутренний голос. — Издал свой пороссячий визг: а я-а! Только я-а!.. С ним ты полез в шахту, с ним и вынырнул на поверхность. Не дури, эй! Не дури! Обстоятельства подчиняются тому, кто крепче духом. Тужься не тужься — ты обречен логикой своей жизни...»

Не было вокруг деревьев — одни камыши. На соседнем островке Берн на фоне дотлевающего заката увидел что-то похожее на ствол. Возбужденно сопя, перебрел протоку по грудь, кинулся сквозь тростники: это был сферодатчик на высокой ножке.

«Спокойней, Аль, не надо истерики, — урезонивал теперь голос. — Ты хочешь жить? Живи, кто же против. Но как? Для чего? Ответь себе: представляешь ли ты свою дальнейшую жизнь?»

Шар при виде человека зарделся сигналом готовности.

— А... и здесь ты, кристаллический соглядатай! — прохрипел Берн. — Ну, скажи же хоть ты, всезнайка, электронный оракул: в чем смысл жизни? Скажи это Альдобриану 42/256!

— Чьей? — уточнил с двухметровой высоты бесстрастный голос ИРЦ. — Если твоей, так уже ни в чем.

Берн застонал и, обхватив голову, опустил на песок. Будущего не было.

Человек, который не знал, кто он, проснулся на рассвете. Прекрасная женщина стояла рядом на розовом песке, женщина из его снов. У ног ее лежали биокрылья. Синие глаза смотрели с нежностью и затаенной тревогой.

Человек закрыл глаза — проверить, не сон ли? Нет, женщина осталась по ту сторону век, в реальности. Открыл глаза. Она опустилась рядом на колени, растрепала волосы над лбом:

— Пробуждайся, Дан! Вставай, соня.

Жесты, слова, голос — все знакомое, щемяще-милое. Он сел, упираясь руками в песок, глядел вовсю: густые серые волосы, собранные сзади, чистое лицо с чуть вздернутым носом, сросшиеся темные брови (он знал: когда она не улыбается, они будто сведены в тихом раздумье); округло-точные линии тела, рук, плеч.

— Ксена?!

...Он не связывал индексное имя Алимоксена 33/65, узnanное в справке ИРЦ, с женщиной, которой грезил. И вот — вырвалось, связало само.

— Ксена, ты — есть?.. — Он встал на ноги.

— Я есть, — просто ответила она, глядя снизу, — ведь я и была, никуда не девалась. А ты — есть? Ты — Дан?

Он шагнул, поднял и обнял ее. Руки в самом деле были теплые и сильные. Он испытал миг яркого, как вспышка, счастья, когда целовал глаза с пушистыми ресницами, губы, шею. Но тут же ожгла мысль: значит, все не бред?! Он отстранился.

— Постой... я не Дан. Я — Берн? Аль?.. Не знаю. Я будто родился. Ни в чем не уверен. Я — Дан, пусть... — Он испытующе взглянул на женщину; она стояла, опустив руки. — Скажи, что случилось с Даном... со мной, со мной! Что произошло там с... с нами — на Одиннадцатой?

— Ну... ты же сам знаешь. Залетел слишком высоко, отказали биокрылья. Судороги в них получились от избытка кислорода... Упал на «нож-скалу», разбился. Я отыскала твою голову. Сохранили ее в биоконсервирующем растворе...

Голос Ксены звучал по-ученически неуверенно, просительно. Она будто уговаривала его согласиться с тем, что говорит. И это прибавило уверенности ему. Он шагнул, взял ее за плечи:

Не отказывали у меня биокрылья! И судороги были не в них — во мне. Парализовалось тело, я же тебе ради-

ровал. И не потому все это, что высоко залетел, избыток кислорода. Это сделали Амебы!

Никогда он не видел, чтобы человек так пугался. Лицо женщины посерело, зрачки в остановившихся глазах сошлись в точки. Он почувствовал, что ее трясет.

— Что с тобой?

Она прижала похолодевшее лицо к его щеке, зашептала умоляюще и сбивчиво:

— Там не было никаких Амеб... никаких Высших Простейших.

— Я не говорил о Высших Простейших! — торжественно перебил он.

— И не надо говорить... Там не было никого. Пустая планета, почти безжизненная, только микроорганизмы... И в воде ничего не было. Не надо об этом, Дан. Они... я не знаю как, но отомстят и здесь, убьют тебя снова. Они в нашей психике, понимаешь? Не было там ничего: ни живого моря, ни домиков...

— Я не говорил о домиках, о море! — у него необыкновенно сильно колотилось сердце. Уверенность росла: значит, все — не бред!

— И не надо говорить, не надо помнить, Дан, милый! — молила она. — Они достанут нас и здесь... по иным измерениям, понимаешь?

Он начал кое-что понимать. Взял лицо Ксены в ладони. В ее глазах стоял синий ужас.

...Ей было трудно сейчас, невероятно трудно. Она даже жалела, что прилетела сюда.

Просто хотелось покончить с той историей, с чувством вины (непонятно в чем и перед кем) и страха (непонятно чего), очиститься и вернуться к Арно. Но получилось другое: отыскав на островах дельты Нила этого человека, увидев его в жалком положении, скорчившегося на песке, она — просто чтобы приободрить — назвала его Даном... и пробудила Дана! И сразу началось страшное, болезненное: чужие глаза с чужого лица смотрели на нее взглядом Дана — проникающим в душу, требующим всю правду о том, о чем она не хотела помнить.

Ксена не знала, что Дан в Берне начал пробуждаться давно; ситуация, в которую, как ей казалось, она попала по своей воле, была на самом деле неотвратима.

— И ты... уничтожила записи, съемки, анализы? Записала и сняла то, что они показали и подсказали, да?

Ксена часто закивала, попыталась спрятать лицо.

— А мозаичные шары памяти той Амебы, что с ними?

— Не знаю... я ничего не знаю, Дан! — Она вырвалась, отошла.

— Что же вы с нами сделали, а?.. — Он опустил голову, смотрел, сжав кулаки, будто сквозь Землю.

Этот миг, вероятно, и надо считать точным концом существования Берна, полным вытеснением его пробудившейся личностью астронавта. Настолько полным, что восстановилась свойственная лишь бывавшим в дальнем космосе чувственная галактическая ориентация. Именно поэтому он сейчас смотрел вниз, сквозь Землю, на находившийся по ту сторону планеты в созвездии Орла Альтаир.

Личность есть отношение. Отношение переменялось — изменилось все. Возродившаяся личность Дана восстанавливала и наращивала свою цельность, подгребала к себе все факты — ставила на свои места:

это ему, Дану, его мозгу трансплантировали несовершенное, изуродованное обезьянолюдьми тело незадачливого пришельца из Земной эры...

для того чтобы преобразовать в машине-матке в соответствующее его, Дана, личности и астронавтическим качествам; соответственно и...

период блужданий-путешествий Берна был, собственно, периодом освоения, обживания им, Даном, своего нового тела — периодом «запуска».

...Ведь именно так начальная ступень ракеты — тяжелая примитивная громадина, начиненная топливом и кислородом, разгоняясь, передает энергию космическому кораблю, сообщает ему нужную для выхода на орбиту скорость, а сама, истощившись, кувырком летит к Земле. Правда, эта ракета-носитель оказалась с норовом, рыскала, но ничего — вышли.

Итак, прощайте, профессор! Помните, вы говорили в пустыне Нимайеру, что-де «над всем есть мое «я». Нет меня — нет ничего»? И вот вас нет, а мир этого и не заметил.

...Эриданой, астронавт и исследователь, смотрел вниз, сжимая кулаки. «Что же они с нами сделали! — Жилкой у виска билась гневная мысль. — Они хорошо продумали свой замысел. Вышние Простейшие, что и говорить. Если бы убили обоих, на Одиннадцатую явилась бы другая

исследовательская группа. Эти действовали бы осматрительней, с непрерывной связью с кораблем. Обработать психически нас обоих тоже, они знали, не удастся: и Ксену-то они сломили только моей гибелью... Так надругаться над людьми ради своего болотного благополучия!»

Он поднял от Земли, от Альтаира за ней, наполненные презрением и болью глаза. Часть этих чувств нечаянно выплеснулась на Ксену. Она и без того стояла как потерянная, а сейчас и совсем сникла.

Взгляд Дана смягчился, веки прищурились, он улыбнулся. Странно и радостно было Ксене увидеть на чужом лице этот прищур и улыбку, приподнимающую щеки, — улыбку бойца, улыбку человека, которому труды и опасности веселят душу. Улыбка Дана — она так помнила и любила ее.

— Ничего, Ксен,— сказал он.— Мы вместе — и все еще будет!

Она с коротким рыданием кинулась к нему.

В Гобийском Биоцентре день склонялся к вечеру. Эоли после опыта приводил в порядок лабораторию, когда сферодатчик произнес:

— Эолинга 38 вызывают на связь Эриданой 35/70 и Алимоксена 33/65.

Опыт вышел неудачный, настроение у Эоли было грустное. Новость его поразила: «Эриданой? Тот, чей мозг пошел в распыл в операции с Пришельцем?.. Этак и Ило скоро свяжется со мной по ИРЦ с того света!» Он остановился среди зала со шваброй:

— Ладно, давай Эриданоя!

В шаре возникла седая голова, знакомое лицо с тонкими чертами: рядом — красивое женское лицо.

— А, Аль! А я думаю, кто это так шутит.

— Не Аль,— качнул головой мужчина,— и никто не шутит. Альдобиаана 42/256 больше нет. Это Ксена, я — Дан. Готовь аппаратуру для «обратного зрения», Эоли. Мы будем завтра. Нам есть что вспомнить и сообщить людям об Одиннадцатой.

Часть II. НА ПЛАНЕТЕ АМЕБ

1. СООБЩЕНИЕ ИРЦ

Чрезвычайное
Общепланетное
Общесолнечное

— Внимание! Через шестьдесят минут начинается передача мнемонического (по способу «обратного зрения») отчета двух участников Девятнадцатой звездной экспедиции Эриданоя 35/70 и Алимоксены 33/65 о Контакте с разумными существами в планетной системе Альтаира. Трансляция через каждый четвертый сферодатчик. Для уменьшения перегрузки информационной сети рекомендуется в вечерних и ночных областях Земли подогнать в места скопления людей «лапуты» и использовать их днища как экраны для проекторов массовой информации. Внимание! Через пятьдесят восемь минут начинается передача мнемонического отчета...

Арно как раз и находился в месте большого скопления людей — на южном берегу Гондваны, где просела часть кораллового кряжа и собрались добровольцы-ремонтники.

Он работал в отряде глубинников, обследовал фундаментные опоры края материка; в дело включился недавно; его еще мало кто знал здесь.

Глубинники, товарищи Арно, и ремонтники-проектировщики, услышав оповещение ИРЦ, враз поднялись на вертолетах — догонять недавно проплывшую над этим местом «лапуту», пока ее не перехватили другие. Догнав, прибуксировали и сейчас чалили у берега канатами к столбам и деревьям, выравнивали, чтобы на трехсотметровой высоте над проектором получился экран.

Короткий в высоких южных широтах день кончался. Сейчас на материках и островах уходящей в ночь части планеты люди делали то же, что и здесь; не столько внимая призыву ИРЦ не перегружать его информационную сеть, а из иных, чисто человеческих побуждений. Для восприятия *такого* события, *такой* информации самым подходящим экраном, конечно же, было днище летающего острова

в ночи среди звезд, самым подходящим голосом — звучание массового транслятора, подходящей компанией — большая толпа, в коей легче сопереживать. Как и здесь, на берегу Моря Содружества, люди располагались под днищами туч-экранов — кто в шезлонгах, кто на траве или теплом песке, в гамаках, на скатах крыш — устраивались поудобней, примеривались смотреть ввысь. Проекторы давали на днища «лапут» тестовые изображения сто на сто метров.

Арно же, услышав оповещение ИРЦ, почувствовал, напротив, желание уединиться. Ноги сами понесли его в сумеречную долину, к травянистому холму, оттуда днище «лапуты» смотрелось тоже неплохо. Он был растерян и ошеломлен, как еще никогда в жизни. Для всех людей предстоящее сообщение было сенсационно-интересным; для него оно, сверх того, было страшным.

Там, на Одиннадцатой планете Альтаира, были разумные существа. Дан и Ксена установили с ними Контакт. А он, не разобравшись, ничего даже не заподозрив, поспешил увезти полубезумную Ксену и останки Дана. И все, и только. Упустил самое важное, цель звездных усилий человечества! Проступок, за который он осужден на несамостоятельность, в сравнении с этим выглядел детской шалостью.

Сейчас его имя в среде астронавтов окружено молчаливым сочувствием: каждый мог бы так погореть. Но теперь... ни молчания, ни сочувствия не жди: позор на веки веков. Командир звездной экспедиции, который проморгал Контакт!

...Когда — тридцать шесть лет назад — Совет Космцентра утвердил его командиром Девятнадцатой, он был счастлив, горд, даже потаенно любовался собой. Теперь он в полной мере почувствовал ответственность, возложенную на него таким избранием, — ответственность перед историей. Успехи и достижения принадлежат экспедиции, а каждый просчет и ошибка — его, они навеки будут связаны с именем командира.

Арно сейчас не представлял, как будет жить дальше.

— Внимание! — снова зазвучал из транслятора голос ИРЦ; перекаты его неслись над притихшими к ночи лугами, пляжами, водой. — Через двадцать пять минут начинается передача из Гобийского Биоцентра отчета о Контакте с разумными существами в планетной системе Аль-

таира. Отчет ведут астронавты Девятнадцатой экспедиции, состоявшейся...

ИРЦ начал излагать сведения об экспедиции, ее составе, старте, исследованиях, об обстоятельствах гибели Дана, трансплантате Берне, пробуждении личности и памяти астронавта. И хотя на днище-экране при этом показывали волнующе-знакомое Арно: звездолет, каким он стартовал (коническая цистерна с аннигилятом, на узкий конец ее надета «баранка» жилых и рабочих помещений, на широком — нейтральный рефлектор-двигатель) и каким вернулся (от цистерны остался самый кончик, «баранка» и рефлектор — тоже частично демонтированные, уменьшившиеся — почти рядом), схему полета и пребывания у Альтаира, лица товарищей (и его — спокойно-властное), — у него это не вызвало теплых чувств. Он был напряжен.

На вершине холма он лег удобно, головой на травянистую кочку. На днище «лапуты» показалась лаборатория, Золи, хлопочущий с тревожным лицом около опутанных проводами датчиков Ксены и этого... самозванного Дана. Арно глядел внимательно: седой, хорошо сложенное (или хорошо сделанное в машине-матке?) тело, лицо с тонкими чертами, сжатые губы... нет, это не Дан. Ничего общего с обликом погибшего товарища. Странно, что Ксена к нему потянулась. «Ну-ну, приятель, покажи, что ты знаешь и можешь. Выдавать себя за Дана мало. Быть им — куда больше». В этой мысли проскользнула затаенная надежда на провал самозванца. В конце концов, разве не он обогатил современный словарь термином «ди люге»!

К вискам и под скулы, к нервным центрам в области шеи, к уложенным на поручни кресел запястьям испытуемых лаборанты подклеивали последние биодатчики, тянули от них к аппаратуре цветные проводки. Картина напомнила Арно старинную видеохронику, в которой показывали проверку подозреваемых «детекторами лжи».

«Что ж, пусть эти аппараты окажутся «детекторами истины» об Одиннадцатой. Истины, какая бы она ни была!»

Но что он упустил тогда, что?

2. НА ОДИННАДЦАТОЙ

— Предпоследняя из дюжины планет у Альтаира, — заканчивал тем временем справку ИРЦ, — отстоит от своей звезды в семь раз дальше, нежели Земля от Солнца. Но в силу большей яркости Альтаира плотность лучистой энергии там почти такая, как и в околоземном пространстве. Год этой планеты равен четырем земным, оборот вокруг оси она совершает за восемьдесят четыре с половиной часа. Ось не наклонена к плоскости эклиптики, времен года там нет. Диаметр планеты вдвое больший, чем у Земли, но сила тяжести — видимо, из-за меньшей плотности составляющих ее пород — превышает нашу только на десять процентов.

На днище-экране в черном звездном пространстве показался оранжевый серпик планеты. Его освещало далекое, с маленьким диском, но слепяще яркое солнце — Альтаир. Арно хорошо помнил его белый, полностью лишенный солнечного тепло-желтого отлива свет.

Размытый внутри серп увеличивался — вот заслонил вместе с невидимой ночной частью планеты звезды. Массивы белых облаков почти сплошь закрывают лицо Одиннадцатой. В немногие просветы между ними выглядывают причудливые, будто нарочно изрезанные сложной береговой линией серые островки среди зеленоватой воды; выступы у некоторых входят во впадины в других, соседних — как зубья сдвинутых гребенок. Между мысами-зубьями — блики, отражения Альтаира на воде.

Арно настолько были памятливы эти кадры, снятые разведочным спутником Одиннадцатой и сбрасываемыми с него зондами, что он прикрыл глаза, зная наперед, что покажет дальше память Ксены и Дана.

Планета заполнила весь экран, быстро, смазанно мелькнули оранжево-розовые облака — это зонд, тормозя парашютами, входит в атмосферу. Туман — проходит облачный слой...

Зонды тогда передали на спутник, а тот на «Альтаир» не только виды Одиннадцатой, но и анализы состава атмосферы, воды в море, грунта в месте посадки — главное. Атмосфера содержала при обильной влажности почти в равных долях кислород, азот и углекислый газ, то есть была явно вторичной. Сам по себе этот признак обещал не так и много. Подобные атмосферы обнаружили у совер-

шенно мертвых планет Сириуса-А, Фомальгаута, Прокциона; только в окаменелых почвах там были найдены микроорганизмы, виновники выделения газов из тверди... и вся жизнь! На Одиннадцатой зонды уловили в воздухе простейшие бактерии. Вода в море была слабосоленая.

И все. Ни анализы, ни тщательнейшее, по квадратным миллиметрам, изучение снимков в персептронных распознавателях не дали признаков — это Арно знал тверже фактов автобиографии — не то что высокоорганизованной жизни, но хотя бы оформившейся в растения, в простейших животных. А вторичная атмосфера? При подходящей температуре и влажности (а там они такие и были) ее целиком могли образовать микроорганизмы.

...Новую картину показывает днище-экран: головокруглительно быстро сменяются, мелькают, разрастаются в размерах серые, желтые, опаловые пятна-острова, зеленые и бирюзовые просветы между ними — море. Потом все надвигается — до белых полос прибоя вдоль пологого берега, до длинных теней от покатых холмов. Это ракета Дана и Ксены опустилась, выбирает место для посадки. Такое Арно видел и сам, когда прилетел отыскивать их.

Ракета села на крайний «северный» остров причудливого архипелага в приэкваториальной области планеты. Вот астронавты покидают кабину, впервые ступают на сушу Одиннадцатой. Эффект присутствия, обеспечиваемый «обратным зрением», был таков, будто сам Арно сейчас шагал и осматривался там.

Мелкие зеленые волны лижут серый песок, справа у воды темные губчатые валуны (песчаник? ракушечник?), около стыка их с мокрым песком изумрудные пленки лишайника. Слева море в блестках зыби, вверху белые облака, между ними просветы густо-синего от обилия кислорода неба. Облака великолепны: причудливые многоэтажные башни, замки, горные хребты в снегах; гребни некоторых слепяще ярки от невидимого за ними Альтаира.

«Чье это зрение? — подумал Арно. — Неужели его?!»

Да, судя по неторопливым размашистым колебаниям пейзажа, это осматривался на ходу Дан: на показываемое наложилась ритм его шагов.

Так и есть. Взгляд в сторону: у валуна изящно склоненная фигурка в легком комбинезоне и прозрачном гермошлеме (страховка от избытка углекислоты и кислорода) —

Ксена. Она трогает, затем соскабливает скальпелем в пробную чашку лишайник со ржавого бока камня. Выбившаяся прядь волос сползла на глаза, мешает — она отдувает ее.

Она очень хороша сейчас, Ксена. Она красива, в ту пору была еще краше, но сейчас «обратное зрение» показывало и сверх того: будто незримое сияние от ее профиля в гермошлеме озаряет камень, песок, прибор. Это была Ксена из памяти любящего ее Дана — обволакивало ее сияние его чувства и мысли. Так исполненный художником портрет женщины всегда глубинно отличен от фотографии ее.

«Стало быть, жив Дан, есть он,— понял Арно.— Есть, никуда не денешься».

...Близится морская зыбь, поднимается. Вот она на уровне глаз: Дан входит в море. Нырнул. Зелено-белая игра света на волнах над ним. Внизу голый песок: ни тины, ни рыбешек, ни моллюсков.

Астронавты возвращаются к ракете. Вон она высится на трех стабилизаторных выступах — математическое совершенство, бросающее вызов вольной аляповатости природных линий. Верх серебристо-белый, низ, аннигиляторный отсек из нейтрида, черный.

— В первых пробах воды,— сказал из транслятора мужской голос, и Арно вздрогнул: это был голос Дана, хоть и с измененными обертонами,— мы нашли три крупинки СЗВ, синезеленых водорослей. И все.

На днище-экране Ксена в экспресс-лаборатории ракеты возилась с анализами. Смотрит на просвет пробирку, в которой оседает слабая муть. Губы разочарованно выпятились, брови приподнялись:

— Микроводоросли, лишайник, бактерии — и все?..

«Да, все, Ксена,— мысленно ответил со своего холма Арно.— Только эти данные и вывезли с Одиннадцатой».

3. ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

— С момента высадки прошли земные сутки,— сказал голос Дана.— Мы осмотрели остров, собрали немало образцов, произвели съемку местности, дважды поели, выпались... а день Одиннадцатой только склонялся к вечеру.

Растворяются в синеве облака. На краю моря, за неровной, бородавчатой от островков линией горизонта распускался немыслимой красоты закат Альтаира. Фиолетово-синий купол неба переходил там в широкую голубую арку. В нее дальше вписывался зеленый полукруг, в тот — желтый, потом оранжевый, красный, вишневый; а затем радужный набор арок повторялся, сужался — и в самом центре, в глубине этого туннеля из радуг, распускал прожекторные секторы света, пылал электросварочной дугой Альтаир.

— Это красивое зрелище свидетельствовало, помимо прочего, о большой толщине атмосферы и об обилии в ней влаги даже на больших высотах, — комментировал Дан. — Ночью следовало ждать сильный дождь.

Астронавты на стартовом выступе вверху ракеты прилаживали биокрылья. Сначала зрительная память Дана показала Ксену, потом она — Дана. (Арно скупой улыбнулся: Дан тоже выглядел куда привлекательней, чем был на самом деле. Внешность у того была простой, сердца к себе он привлекал не ею. «А этот... просто Антиной, а не Эриданой!»)

— В оставшиеся часы светлого времени, — заговорил Дан, — мы решили осмотреть еще два места. Ксена через узкий пролив направилась на соседний островок, а я полетел к замеченному еще с ракеты на подлете тектоническому сбросу на западном берегу нашего острова.

Налюбовавшись закатом так, что стало щемить в глазах (Арно их хорошо понимал: столько лет не видели никакого), они воспарили над берегом и морем. Плотный воздух Одиннадцатой держал хорошо. Внешний микрофон шлема улавливал шорох отдалившегося прибоя и свист воздуха в биокрыльях.

Дан быстро нашел место сброса, тридцатиметровый почти отвесный обрыв; пролетает вдоль него туда и обратно. Полосатая стена освещена закатом. Сброс недавний, дожди не успели еще смыть выступы слоев, сгладить резкие разломы. Нижние, самые древние пласты наискось уходят в воду.

«А вот об этом я ничего не знаю! — Арно сел, взялся за колени, глядел, задрал голову. — Не было и намека на такое наблюдение — ни снимков, ни записей...»

По колыханию на днище-экране картины сброса было понятно, что астронавт волнуется. Разбежались глаза —

и было от чего: слои были строчками, которыми природа из века в век, из тысячелетия в тысячелетие записывала историю своей планеты. И они повествовали о жизни на Одиннадцатой, о ее возникновении, расцвете — и исчезновении.

Книга бытия читалась снизу вверх, от черно-серой толщи базальта, которая только-только выступает из волн в левом нижнем краю обрыва: это застывшая миллиарды лет назад кора, монолитный фундамент суши. Над ней более легкий, искрящийся в разломах кристаллами слой гранита. А над ними — ага! — грязно-серый пласт известняка с обильными вкраплениями ракушек и мела. Выше полутораметровый пласт сплошного ракушечника — внушительное свидетельство взрывообразного и мощного развития жизни в теплом первичном океане остывающей планеты.

Черно-матовой широкой полосой косо перечеркнул обрыв слой угля: память о древних плаунах, о папоротниковых лесах, о выроставших и умиравших в ядовитых болотных туманах первых деревьях. Вот снова вернулось сюда море, залило просевшую сушу — и опять тягучие миллионы лет оседал на слой обуглившихся негнивших стволов ил, ракушки, скелеты моллюсков, рыб, голлотурий. Еще выше слои песка, мела и глины рассказывают о новом обмелении здешнего моря. А над глиной (и Арно, мысленно унесшийся за пять парсеков и на 17 лет назад, тихо ахнул) возлежал основательный, полуметровый слой почвы! Пласт тронут серым тлением эрозии, но можно еще различить в нем красноватые структурные комки, трубчатые следы от сгнивших давным-давно корней, даже какие-то беловатые клубки и нити, возможно бывшие когда-то живыми. Почва напоминает земной краснозем.

И, оканчивая немую повесть об Одиннадцатой, обрыв венчал нависший козырьком метровый слой серо-желтой глины.

— Так разрушилось наше первоначальное мнение, что жизнь здесь не поднялась выше микроорганизмов, — сказал Дан. — Я увидел, что на планете были и миновали многие стадии сложной органической жизни, подобные тем, какие были и на Земле. Непонятно стало, куда все подевалось потом?

4. МЕРТВЫЙ ПОСЕЛОК

Теперь вспоминала-показывала Ксена.

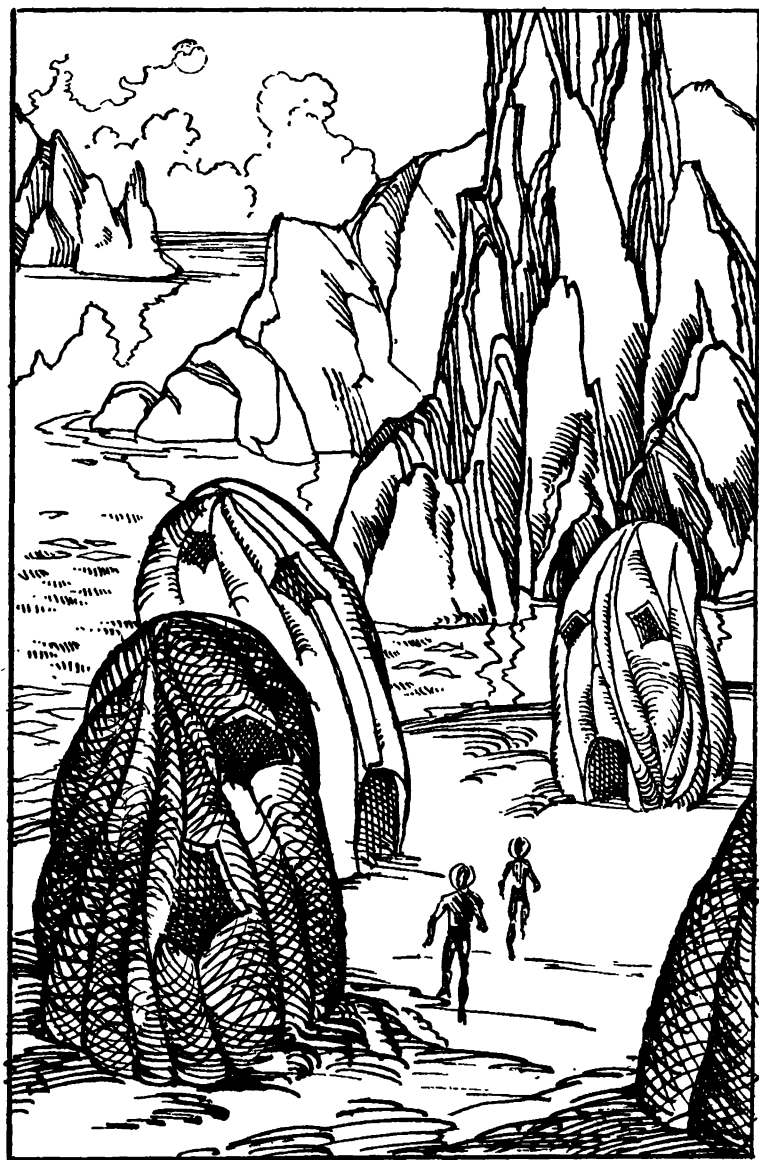
Из моря на фоне закатных радуг выступает, приближаясь, черный кляксообразный силуэт острова за нешироким проливом. На берегу его, куда летит Ксена, поднимаются невысокие скалы — причудливые, похожие на искривленные пальцы. Со стометровой высоты островок виден целиком, он похож на трезубец с толстыми зубцами. Ничего более примечательного, чем эти скалы у воды, на нем нет — и Ксена опускается возле них.

Но это не скалы вовсе: слишком округлы формы, гладка поверхность. С земли они — как огромные огурцы, глубоко воткнутые в песок вкривь и вкось. И такие же зеленые.

Ксена приближается. Нет, и не огурцы — здания. Дома. Но какие уродливые! Какая-то немислимая архитектура (если к этому вообще применимо такое понятие): ни строгих линий, ни геометрически четких сопряжений, ни плоскостей, ни углов даже... Волнистая, покрытая наплывами и оспинами поверхность округлых стен; у одних строений стены сходятся на конус, у других заворачиваются куполом, у третьих даже расходятся, образуя утолщение, — груши толстой частью вверх. Строения были разной высоты, самые крупные поднимались на три-четыре роста Ксены. Почти все стояли перпендикулярно к почве; некоторые накренились так, что было непонятно, почему они не рушатся. Эти дома расположились по берегу как попало, без намека на планировку.

И тем не менее это были дома: осмысленность их устройства не скрадывалась внешней уродливостью. У оснований стен были арочные входы (лазы?) — низкие и широкие; все, заметила Ксена, обращены в несолнечную «северную» сторону. Выше, в участках стен, выделявшихся желтизной и перламутровым блеском, находились окна разных размеров и форм; казалось, нетвердая рука ребенка вырезала в стенах неправильные овалы, оборванные внизу круги, сглаженные многоугольники. При всем том в окнах блестели мутноватые, с радужными переливами, но явно прозрачные пленки.

— На сыром песке вокруг я не заметила никаких следов, — сказала Ксена. — Поселок — если это поселок — похоже, был давно покинут. Или — мелькнула у меня и такая странная мысль — в нем и не жили?

Она пролезла под аркой внутрь ближнего домика. Распрямилась, осмотрелась. Здесь было пусто, величественно и угрюмо, как в заброшенном храме. Вдоль стен вился по часовой стрелке вверх спиралью выступ — неровный, как и все вокруг. С конического свода свисала до уровня ее плеч светло-зеленая, похожая на сталактит, колонна. Лившийся через оконца вверху свет рассеивался и как-то преобразовывался ею, мягко освещая все. Пол домика был белый и твердый, как кость, но бугристый.

— Мне очень хотелось найти что-то, по чему можно было бы судить об исчезнувших жителях поселка: утварь, орудия труда... хоть побрякушку. Я обшарила углы, по спиральному выступу поднялась к самому куполу, но не нашла ничего.

По радио Ксена связалась с Даном, сообщила о находке. Через полчаса прилетел и он. Вместе они осмотрели все дома, обшарили укромные места в них — но и в других тоже было пусто. Внимание Дана привлекло то, что все строения были исполнены без сборных стыков, разъемов, швов — будто из одного куска. Как? Произвольность форм исключала мысль о штамповке.

Наступали сумерки. Тьма густела тягуче медленно. И так же постепенно сперва затлели холодным пепельным светом, а потом и засияли изумрудно колонны-сталактиты в домах, где они как раз делали зарисовки. Выйдя наружу, они увидели, что такой же пепельно-зеленый свет льется из окон остальных домиков.

— Единственно интересное, что мы нашли в двух самых крупных строениях, на полу, под сталактитами, — сказал Дан, — это кучки плотных шариков.

Его шлемный прожектор осветил Ксену, которая рассматривает и рассовывает по карманам комбинезона пригоршни темных шаров размером с орех.

Кадры на днище «лапуты» показывают далее, как Дан (теперь его освещает прожектор Ксены) выламывает из стен и пола образцы для анализов, раскладывает их по карманам. Астронавты надевают биокрылья, взбираются, помогая друг другу, на самый накренившийся домик, стартуют с него. Обрато они возвращаются в полной темноте, ориентируясь по мигающему лучику приводного маяка ракеты. Поднимается встречный ветер. Начинается предсказанный Даном дождь: лучи шлемных фар выхватывают из тьмы блестящие водяные нити.

— В полете случилось одно пустяковое, на первый взгляд, происшествие,— сказал голос Ксены.— Я перегрузила карманы образцами и особенно шариками. На подлете к нашему острову сильный боковой порыв ветра потрянул меня — и часть шариков высыпалась.

5. НОЧНАЯ ОХОТА

Всю сорокачасовую ночь лил дождь. Люди видели эту далеко и давно минувшую ночь в сферодатчиках и на днищах «лапут»: сиреневые молнии разваливают небо на черные куски, которые тотчас срastaются; свет зарниц вспыхивает на мокрых боках ракеты, на береговых валунах, над которыми поднимается пар, выхватывает застывшие волны, густо усеянные пузырями. Люди слышали эту ночь: шум прибоя, дождя, ветра — ненастья.

Однако это был миг-пауза, короткий антракт в напряженном бытии исследователей. Пусть ночь длится сорок часов, пусть она промозгло-сырая, в неизведанном, окружающем враждебной тьмой мире,— нельзя пересидеть ее в ракете, не для того летели. Надо работать. И они надевали комбинезоны и гермошлемы, выходили в ночь, собирали для анализов дождевую воду, спектрографировали вспышки молний, записывали на пленку влажную раскатистость громов — все пригодится потом.

И смотрели. Больше всего на то, как над морем возникали, перемещались, плавали там и сям размытые фиолетовые пятна — на самом пределе различимости. Если бы смотрел один, то подумал бы: мерещится. Но видели оба — и в совпадающих местах. Пятна то опускались в воду, растворялись в ней, то поднимались ввысь будто по струям дождя, кружили в колдовских хороводах, меняли формы, увеличивались, уменьшались, сливались. Некоторые проплыли совсем близко от ракеты — их засняли.

А приблизившись к воде, увидели, что фиолетовые сгустки, опускаясь в нее, не растворяются, сохраняют свою форму — только свечение их становится тепловым.

— Мы рассудили,— сказал Дан,— что сейчас самое время взять повторные пробы воды: не порадуют ли нас чем эти комочки? Мы с Ксеной поплыли в разных направлениях, одинаково целя под скопления фиолетовых при-

зраков у воды. Однако состав проб у нас получился до удивления различным: у меня — тот же, установленный еще зондами, слабый солевой раствор, нечто промежуточное между речной водой и морской с теми же редкими крупинками СЗВ. А в колбе Ксены — жидкость, похожая на разреженную плазму крови рыб! Да еще со взвешенными частицами белкового студня... Такие неоднородности в водной стихии противоестественны — если в ней нет живых существ. Значит, они были? Ксена еще дважды, подныривая к местам танца фиолетовых пятен над морем, добыла «живую» воду-плазму. У меня же, хоть я старался не меньше, результат был прежний. Тогда я оставил колбы и решил заняться делом, достойным мужчины...

Руки в ластах, освещенные шлемным прожектором, раздвигают темную и упругую даже на взгляд воду. Вверху луч отражается от волнующейся, пузырящейся поверхности, внизу упирается в песок, впереди не встречает ничего.

Дан выключил фару и ультразвуковой датчик, посылавший сигналы о его местонахождении, — затаился. Когда глаза привыкли, увидел впереди сумеречно-тепловые пятна. Осторожно колыхнул ножными ластами, приблизился — нет ничего.

Его охватил охотничий азарт. Он освободил руки от ластов, замер, затаил дыхание. Минуту спустя два тепловых пятна показались слева и справа внизу, у самого дна. Они не приблизились, а будто проявились в воде. Но только он шевельнул ножными ластами, как пятна исчезли, не удаляясь. Что такое?! Движением затылка Дан включил прожектор: внизу, как и впереди, была прозрачная вода, луч тонул в ней.

— Одновременно мне пришлось пережить неприятные ощущения: я показался себе неуклюжим, до обидного слабым, смешным, глупым. Впечатление было, будто это вода вокруг выражает нелестное мнение обо мне. Потом пришел страх: мне показалось, что я не выберусь отсюда на поверхность. Я поспешил подняться из глубины. А когда вынырнул, стало стыдно... Решил убраться с места, где вода дразнила и пугала, поплыл дальше в море. В месте, где над водой не виднелись фиолетовые пятна, я почувствовал себя спокойней.

Дождь стихал. На востоке начал сереть край неба. Дан решил в последний раз попытать удачи, погрузился

глубоко, метров на тридцать. Тьма была абсолютной, только ладони, раздвигавшие воду, чуть светились серым светом. Дан отвел их за спину, чтобы не было помех обострившемуся до предела зрению, плыл, едва шевеля ластами. Тишина здесь была не хуже темноты. Толща воды давила грудь.

Впереди и внизу снова замерещились два тепловых комка. Дан повис в воде, задержал выдох. Под ним проплыли две размытые мутно-серые «кляксы», метра полтора в поперечнике каждая. В левой сверкнула искорка, затем целый рой фиолетовых светлячков; они, кружась, образовали причудливую мерцающую фигуру, все враз исчезли. Теперь в другом комке, в правом, заиграл хоровод фиолетовых точек; изображаемые фигуры чем-то напоминали те, которые рисует электронный луч на экране осциллографа.

Дан неслышным, нежным, как дыхание, движением отстегнул от пояса и развернул самозатягивающийся сак из невидимых в воде полимерных нитей. Правый тепловой комок плыл прямо на него. Вот он оказался над опущенным саком. В сумеречных глубинах «кляксы» снова забегали синие, зеленоватые, фиолетовые искры; они выстроились в переплетающиеся кривые... Дан плавно и сильно потянул на себя сак.

Руки ощутили трепыхание сопротивляющейся живой массы. Но в тот же миг все рассыпалось фейерверком искр и цветных пятен, стало темно, а рукам — легко. Астронавт включил фару, но не увидел ни рук, ни луча. «Не ослепили ли меня эти?» Включил лампочку внутренней подсветки в шлеме, увидел ее свет, успокоился. Но снаружи все оставалось окутано непроницаемой тьмой.

Дан всплыл, вызвал Ксену на помощь. Она нашла его, барахтающегося на волнах, в трехстах метрах от берега. От сака осталась короткая бахрома вдоль гибкого обода, остальное будто съела кислота; хотя они не знали на Земле водных реактивов, которые могли бы разрушить эти кремнийфторопластовые нити. Пластик гермошлема, не менее стойкий, сделался непрозрачным, изменив структуру. Шлем пришлось сменить.

— На утро следующего дня Одиннадцатой приходились последние часы, в которые мы еще могли связаться через свой спутник с «Альтаиром», сообщить о находках, — сказал Дан. — Далее и звездолет, и три удобные для ретрансляции средние планеты, где тоже работали наши и были спутники связи, надолго уходили в зону радионевидимости, очень обширную у Альтаира из-за его одиннадцатитысячеградусного накала и мощного магнитного поля.

«Да, так и было: разобщенность, — кивнул внизу Арно. — Что значат тридцать человек для раскинувшегося на миллиарды километров звездно-планетного вихря! Это произнести легко: «миллиарды километров», а попробуй пролети их в ракете 1Р или 2Р, попробуй держать через них связь... Тридцать человек — тридцать мошек над океаном огня, силовых полей и пустоты».

— По инструкции о Контакте, — продолжал Дан, — астронавты обязаны немедленно извещать командира экспедиции и всех, с кем связаны, о наблюдении, встрече или находке всего подозрительного на разумность. Только вот степень подозрительности-то эта замечательная инструкция не уточняет — в силу известных всем принципиальных трудностей в этом вопросе, отсутствия четких критериев; из-за этого, как известно, поиск разума во Вселенной не может быть поручен автоматам. А людям... им в каждом случае приходится решать самим: достаточно ли обнаруженная ими подозрительность, чтобы бить в колокола, или нет? Вот мы и думали: хорошо, сейчас сообщим — взбудоражим всех, ломаем уже исполняемый план исследования планет... а что мы такое, собственно, наблюдали и нашли?.. Ну, слой почвы в тектоническом сбросе — так культурность его еще надо доказать. Ну, поселок без существ... если это поселок! Пятна какие-то ночью в воде и над водой: тепловые комки с искрениями внутри... И что? Не самообольщаемся ли мы, не выдаем ли искомое за найденное?.. Рассвело — а мы все колебались.

Утро разгоралось долгие часы. Небо Одиннадцатой очистилось от туч, поражало глаз той глубокой ясной синевой, какая бывает на Земле в редкие дни бабьего лета, — только здесь она имела фиолетовый отлив. Ветер стих. На востоке за серой зыбью моря, за неровными линиями

островов возникла и расширялась радужная арка-туннель. Она медленно выдвигалась из моря, и все вокруг — ракета, камни, песок, вода — менялось, будто ожив от чудесной игры света.

Целый час вырастал радужный туннель, пока в конце его не блеснул слепящий краешек Альтаира. От зрелища трудно было оторвать глаза. Вместе со светилом высоко в небе показались первые игрушечные облака — розовые с белым; они росли.

Время было не для рассудочных мыслей. Ксена прислонилась к Дану:

— Давай останемся здесь жить, а?

Тот всматривался и вслушивался в утро. Что говорить, далеко было земным восходам до здешнего фантастического великолепия. Только чего-то явно не хватало в этом холодном пире света. Не хватало радостного птичьего щебета, веселой возни в ветвях и траве, мягкого шелеста еще влажных от росы листьев, гудения первых жуков и шмелей, даже комариного нытья... Не хватало жизни. «А ведь есть она здесь, есть. Но — какая?..»

Маленький Альтаир выкатывался из-за горизонта медленно, как Солнце. Море в той стороне засверкало так, что больно стало смотреть. Астронавты отвернулись. Ксена рассеянно скользнула взглядом вдоль берега, схватила Дана за руку:

— Смотри!

У самой воды тянулась по берегу красно-коричневая полоса почвы; вчера она была скрыта нанесенным прибоем песком, а ночью его смыл дождь. И на этой полосе сейчас... росли дома! Те, что они видели вчера на соседнем острове. Один в сотне метров от ракеты, два других поодаль за ним и вплотную друг к другу. Домики вырастали с пугающей быстротой. Оттесняя смешанную с песком почву, расширялся и сразу обрастал выгибающимися бортиками белый круг — «пол», он же фундамент и корневище. Бортики споро тянулись ввысь, становились стенами. В одном месте в них был разрыв; когда стены доросли до высоты метра, он сомкнулся — это был арочный вход.

С высоты ракеты астронавты видели, как внутри стен вырастает — будто навинчивается — спиральный выступ.

— Ох! — Ксена взялась за щеки. — Это шарики, которые я рассыпала... Они проросли!

Показываемое на экране напоминало замедленное про-

кручивание взрыва. Вот желто-зеленые округлые стены доросли до первых окон. В них образовались дыры, которые тотчас начали затягиваться от краев к середине прозрачной пленкой. Стены выше изгибаются, сходятся, образуя купол.

Через четверть часа на берегу высились три дома. Два соседних срослись стенами. Приблизившись, астронавты через респираторы гермошлемов уловили наполнивший воздух смолистый аромат. Ксена, подойдя, ткнула пальцами в стену. Пальцы провалились, оставили дыру — стена была еще рыхлая, клейко-вязкая, наподобие сосновой живицы.

Заглянули внутрь. Из купола уже свисала, нарастая вниз колонна-сталактит.

— Вот что значит тридцать три процента углекислоты в воздухе,— сказала Ксена,— да обилие света и влаги. Рекорд фотосинтеза!

— Да, но... почему мы, собственно, приняли эти растения за дома? — задумчиво молвил Дан.— Так и рост бамбука недолго истолковать как способ выращивания удилищ. Мало ли что может расти здесь, в чужой, развивающейся по своим законам природе.

Это наблюдение упрочило наше решение воздержаться, не спешить с докладами,— резюмировал голос Дана.— Да, вид домов делал их подозрительными на разумность. Но зато картина их роста была куда более подозрительна на естественность. И мы не сообщили об этом — только о благополучной посадке, начале работ.

Через несколько часов дома созрели, их стены приобрели твердость и гладкость пластмассы.

7. ВЫСШИЕ ПРОСТЕЙШИЕ

В этот полуторасуточный день они «утрамбовали площадку»: расширяли зону наблюдений, вели съемки, повторяли замеры и анализы. Искали и новое, но безуспешно. На трех ближних островках архипелага Ксены (Дан как старший своей властью присвоил ему такое название) все было такое же, вплоть до единственного вида встретившейся и там растительности: домов — где одиночных, а где зарослями — «поселками».

Снова надвинулась долгая ненастная ночь. Снова под-

нимались из моря, плясали в дождевых струях фиолетовые пятна. Астронавты засняли их широкоспектральной и селективной оптикой, просмотрели ленты. В разных участках спектра пятна выглядели различно по форме и размерам, но во всех — расплывчато.

Чтобы проверить вчерашний феномен, Ксена и Дан заплывали в море за повторными пробами воды, подбирались к местам скопления призраков. Подтвердилось: Ксена добывала «живую» воду, а Дан — обычную. Они ничего не могли понять. В истории предшествующих экспедиций на иных планетах не встречалось ничего похожего.

Ксена высказалась смутно, что-де вот это обстоятельство... наличие благодатной для жизни атмосферы, тепла, света, влаги, почв — всех условий — при отсутствии, собственно, жизни за исключением одной какой-то странной формы... оно ведь и само по себе выглядит искусственно? Дан выслушал, согласился: «Да, возможно. И что? Какие выводы?»

А какие из этого могли быть выводы!

— Так бы мы, наверно, долго еще тратили силы и время впустую, если бы одно из Высших Простейших не пожелало познакомиться с нами поближе, — сказал Дан. — В общих чертах — а в их мышлении, да и в облике общее явно преобладало над конкретным — они разобрались в нас еще по наблюдениям в первую ночь. Высшие Простейшие — это и были те фиолетовые пятна в струях дождя, размытые тепловатости, сгустки жидкой, но очень быстро организующейся в структуры нервной ткани, искрящиеся обитатели глубин... словом, Амебы. Так мы их называли потому, что в редкие моменты, когда они превращались в тела с очертаниями, то походили на полупрозрачных амеб, каких мы видим в капле воды под микроскопом, с той же изменчивостью очертаний, только метровых размеров.

Высшие Простейшие... Мы должны говорить о них как о существах, потому что можно считать установленным: у каждого такого сгустка наличествует индивидуальность и интеллект. Возможно, это единственное, что все они устойчиво имели. Обитали они не во всем море, а только в тех его областях, из которых Ксене удавалось добыть «живую» воду, а мне нет. Так получилось, снисходительно объяснили мне «туземцы», из-за того, что мужское и женское психические поля имеют разные знаки: мое, мужское,

деформировало эти области, а Ксенино — нет... Такие «живые» области были их общей базой, средой размножения и погребения останков, ассимиляции и диссимиляции, общей матерью, местом дифференциации, развития, слияния — если выделить из названных понятий чувствуемую суть, суммировать ее и взять среднее, то выйдет в самую точку. У них во всем так, у этих милых ВП, из-за примата общего над конкретным — четкие понятия не в ходу.

Любопытная Амеба наблюдала за мной, когда я перед рассветом последний раз заплыл в море, и решила привлечь к себе внимание. Я как раз погрузился метров на десять...

Кадры на днище-экране: среди темной воды засветились контуры огромной «амебы» с десятком ложноножек и бесчисленными ресничками. Призрачное тело меняло окраску по радужной гамме: из фиолетового сделалось синим, потом зеленым, оранжевым, желтым (при этом в центре тела наметилось пульсирующее ало-оранжевое сгущение), перешло в малиновое, вишневое, сумеречно-тепловое, исчезло совсем, снова появилось серой тепловатостью и принялось листать цвета в обратном порядке.

Одновременно Амеба «объяснила» мне, что так она подбирает свечение, максимально соответствующее чувствительности моих глаз. После переходов тело ее приобрело апельсиновый цвет — и это было началом взаимосвязи ощущений.

Процесс нашего общения с Амебами был своеобразен: часть того, что они сообщали, мы видели внутри их нервного студня, то, что должно звучать, мы слышали. Информацию же незрительного плана и умозаключения мы... «вспоминали» — с отчетливостью недавно пережитого. Или — особенно это касалось предлагаемых ими идей и выводов — нас «косеняло»: «Озаряло», как после долгих своих поисков и трудов. Надо ли говорить, что при этом мы нередко принимали и сомнительное, спорное, как то, в чем уверены, выношенное свое. Требовалось огромное напряжение ума, чтобы как-то отсеять это от действительно своего, противостоять мыслью их мысли. Увы, к этому мы оказались вначале мало готовы!

— По этой части они были далеко впереди, — включилась Ксена. — Настолько впереди, что нам довелось

наблюдать и «материализацию мыслей» Амебы — правда, в воде. У них это называлось иначе, проще: овеществление представлений... «Называлось»! Все названия опять-таки привнесены нами по чувственному восприятию их нерасчлененных на четкие понятия мыслей; мы как бы догадывались, что они «хотели сказать». Для них расчленение, понятийная дифференциация — лишь ступени перед тем самым овеществлением мыслей. И вообще они всё сводили к различным степеням напряжения мысли: малое напряжение — это расплывчатое, преимущественно эмоциональное мышление, среднее — понятийное, предельно высокое — овеществление. Ну, а какое же разумное существо будет сверх меры напрягаться, утомлять себя! Умный в гору не пойдет... Тысячелетия назад они умели концентрировать усилия мысли и для овеществления представлений на суше, в воздушной среде. Но в воде все получалось куда легче... Впрочем, все это мы узнали потом. В первом общении речь шла преимущественно о нас, а не о них.

— Да...— снова вступил Дан.— Когда тело Амебы приобрело оранжевый цвет, я «вспомнил», что передо мной Высшее Простейшее, один из жителей планеты,— и иных на ней нет. Да, еще «вспомнил» я, тогда своей нелепой выходкой с саком я помешал этому ВП перечислять наперегонки с другим простые числа высоких порядков: игра, в которой они соревнуются второй десяток здешних лет. Из-за меня эта Амеба сбилась, последнее крупное число назвала соперница.

Затем я неожиданно для себя ударился в воспоминания: о себе, о нашей экспедиции, вообще о людях, о Солнечной системе, Земле, о ее геологической истории, развитии жизни... Быстро, ярко, беспорядочно я припоминал галактические координаты Солнца, как бывает больно, если поцарапаешься или обожжешься, картины сборки нашего звездолета на Космосстрое, его старта, вкусовые ощущения от многих кушаний и напитков, их приготовление, виденные еще в детстве в палеонтологическом музее скелеты диплодока и птерозавра... Эти последние образы отразились-вырисовались в теле Амебы ярче других, что говорило об особом интересе. И я подробно, как только мог, вспомнил все, что знал об эволюции нашего животного мира от его зарождения в силлурийских морях до расцвета земноводных и пресмыкающихся — и далее до появления теплокровных, выделения из них приматов и че-

ловека. Так же подробно я вспомнил об обмене веществ и тепловом гомеостазе у высших животных — и временами ловил себя на изумлении перед этими азбучными фактами: вот как! Надо же!.. На самом деле, конечно, это удивлялась Амеба.

Вспоминал еще многое: облики знакомых людей, жатву пищевых водорослей в Северном море, вид прежних и новых материков Земли, эхху, нынешнюю нашу земноводную и пресмыкающуюся фауну: ящериц, лягушек, змей... Социальную историю человечества, устройство и схемы информационных систем, кристаллоблоков, работу реактивных двигателей. От зрительного представления аннигиляционных вспышек в дюзах-рефлекторах ракет — я, астронавт, видевший это много раз! — ощутил ужас и боль. Конечно, это тоже были не мои чувства.

Вспоминал еще и еще: способы размножения людей — со всей гаммой сопутствующих чувств, от влюбленности до отцовства; способы размножения иных животных — менее подробно; о взаимоотношениях людей и природы, людей и техники, людей в коллективах... Так Амеба выпрашивала-выкачивала меня. Многие видения моей памяти отражались сразу в ней; при этом у нас устанавливался приятный чувственный контакт, круговая психосвязь: если ВП что-то отражало неверно, я мысленно корректировал до точной выразительности. Это переживание было бы родственно творческой удаче, если бы... если бы не скверный оттенок, какой-то щенячий восторг у меня, когда оказывался верно понят этим нервным студнем, желание стараться и заслужить его похвалу — даже так, да! Не на высоте мы были в первых общениях с Амебами, что и говорить.

При всем том я заметил, что труднее всего моему ВП дается техника. Несколько раз подряд я вспоминал-втолковывал ему устройство колеса, подшипников скольжения и качения, зубчатых передач, резьбовых соединений — все азы механики. Не менее туго оно усваивало энергетику, автоматику, способы проектирования... Может быть, сложность была в том, что Амеба игнорировала формулы и теории, а направляла мои воспоминания — даже в самых абстрактных областях — по цепочке фактов и сопутствующих им ощущений. Умозаключения Высшие Простейшие предпочитали строить сами. Собственно, в этом у них и состояла радость жизни.

Так мы висели друг против друга в воде — человек и мыслящий студенистый комок. Наверху рассветало, поверхность моря надо мной стала сереть. Амеба начала погружаться вниз. Я, как привязанный, за ней. Чем светлее становилось небо, тем более ее тянуло ко дну. «Высшие Простейшие избегают света, — «вспомнил-понял» я. — Он — помеха, отвлекает от ясного мышления». Я же чувствовал себя неважно: и от возрастающего давления воды, и от умственного и психического перенапряжения. Когда я понял, что сейчас потеряю сознание, это же поняла и Амеба. Такое мое состояние сильно уронило меня во мнении ВП: от чего изнемог — от интересной беседы! Но Высшее Простейшее снизошло к моей слабости, отпустило с миром. И исчезло само: было — и не стало. Последнее, что я «вспомнил-понял», это — что с наступлением ночи сюда же должна приплыть для беседы с ним моя самка.

8. ПЕРЕРЫВ

Видение расплывчатого желтого комка на днищах экранов и в миллионах сферодатчиков сменил интерьер лаборатории в Биоцентре. Эоли с ассистентом высвободил из путаницы проводов Ксену, а затем Дана.

— И-и-ии!.. — ошеломленно втянул в себя воздух Фе. — Да это же наш Аль!

Команда «орлов» находилась на дисковом корабле, который дрейфовал в восточной части Среднеземного моря неподалеку от Кипра. Новый Дед — Бансуварион 107 — во всех почти своих прежних занятиях был связан с морем: ихтиолог, подводник-коралловед, штурман дальнего плавания, тренер морских гонщиков... И конечно, настырные «орлы» первым делом выдавили из него среднеземноморский круиз на дисковом катере с обучением фигурам надводного пилотажа и джигитовки.

Из-за этого занятия они и опоздали к началу передачи из Биоцентра, попали сразу на Одиннадцатую. Сейчас их корабль слабо покачивался на волне в виду кипрских скал; малыши и Дед Бан сидели вокруг сферодатчика на верхней палубе.

— Смотрите, это же Аль! — подхватила Ия.

— Наш белоголовый Аль! Вот это да!..— взволновались и остальные, глядя на встающего из кресла седого человека.

Наступила минута неловкого молчания, во время которой «орлам» как-то не очень хотелось глядеть друг на друга.

— А все ты! — Ло ткнул локтем в бок сидевшего рядом Эри.

— Это все он, да!

— Из-за него... вечно лезет!

Одиннадцать пар негодующих глаз устремились на мальчика. У того насупились брови и надулись щеки.

— А что ж он,— сказал Эри протяжно,— какую-то чепуху нам рассказывал, а не про это! Этому бы мы сразу поверили.

Перерыв... Ли в этом опыте занимала свое место на галерее у блока связи с ИРЦ. Она сразу, как увидела Дана-Берна, растерялась, взволновалась, сердце запрыгало. Ей захотелось не то убежать, не то засмеяться, подойти к нему, погладить по впалой щеке. Но она взяла себя в руки.

Потом пригляделась, несколько раз встретила глазами с ним — и не нашла в его взгляде отклика. Нет, это был не Аль! Конечно, не Аль... Даже внешность этого человека уже начала подделываться под новый склад психики, новый характер. Он весь как-то подтянулся, волевая складка залегла между темными бровями, по-иному очертились губы, иначе сжимаются — крепко и весело; как-то проще распределились складки в мимике лица, некоторые морщины совсем исчезли — около глаз, например. И сами глаза смотрят иначе: взыскательно, проникая в душу, будто требуя от человека невозможного... и вроде как имеют право требовать такое! Глаза человека, обнимавшего мысль Бесконечное — Вечное, соединенного духом не только с жизнью Земли, как обычные люди, но и с жизнью Галактики.

У Аля взгляд был мягче, неопределенней, с вопросом. А этому будто уже известны ответы на все вопросы, куда там!

Особенно размышлять и переживать за работой не приходилось. Но сейчас, в перерыве, Ли почувствовала, что как-то больше обычного устала, что ей грустно. Был

человек — и вроде не умер, а нет. Как странно!.. И поняла Ли, что до сих пор хранила Аля в сердце, тревожилась: как он там — неприспособленный, невыдержанный, самолюбивый?.. Даже, не сознаваясь себе, ждала от него весточки. Или встречи? Она ловила себя не раз на таких мыслях, на ожидании — и негодовала на себя за сердечную слабость. А теперь грустно и жаль.

Хорошо бы, если бы Аль в самом деле вернулся. Они бы по-новому, более умно поняли друг друга — и любили бы друг друга долго-долго...

А этот Дан — он ведь любит Ксену, это видно. И она его.

Вот и все, конец, надо освобождаться от этого чувства — любить уже некого. И сердиться не на кого. Да и не за что: располагая такой информацией, Аль, конечно же, не должен был рисковать, впутываться в ту историю с эхху.

И наверно, надо теперь поскорей и посильнее полюбить Эоли, который одинок и ждет. Она ему нужна. И к тому же она виновата перед ним: морочила, морочила ему голову, а потом так огорчила!

Сердце Ли само искало, кого бы ей полюбить.

... Но все равно: когда она видела на контрольном экране считанные с памяти Дана видения Одиннадцатой планеты, то для нее их выдавал Аль — ее Аль!

Перерыв, перерыв!.. Эоли вышел из корпуса, углубился по тропинке в лес, старался дышать глубоко и медленно — успокаивает. За час считывания он вымотался больше астронавтов.

Перед началом опыта его лихорадило и сейчас при мысли о том, как пойдет дело дальше, снова начинало колотить.

За Дана Эоли не беспокоился. Личность, которая после стольких пертурбаций удержалась — и даже не во всем мозгу, в пересаженной части, прижилась в новом теле настолько, что вытеснила оттуда хозяина... такой личности черт не брат, все выдержит. Но Ксена с ее предысторией!.. Дан сейчас берет основную нагрузку считывания на себя, бережет ее, дает втянуться; так заранее и условились. Но дальше-то он, хочешь не хочешь, выбывает из игры, основное слово за ней! А Ксена от этой информации год

находилась в депрессии, на грани безумия; по науке это значит, что знание повлияло на ее личность и находится теперь не только в контролируемой памяти, но и в подсознании. А это, в свою очередь, значит — по строгой науке опять же, — что при считывании возможен истерический синдром.

Точно и думать, чем все может кончиться.

Разумеется, Эоли предупредил об опасности опыта, о возможных осложнениях, предложил подумать. Но для них, астронавтов, вопрос так не стоял: закон дальнего космоса «Сначала информация...» властвовал над ними категорически. Да и то сказать, не о малом знании речь — о Контакте!

...Если к Ксене вернется депрессия, «обратному зрению» конец. Способ будет скомпрометирован навсегда.

— Э-э! — Биолог правой ладонью стукнул себя по затылку, по месту, к которому раз приложился Ило. — О чем думаешь? Эх ты! Разве дело в способе? Нельзя, невозможно, чтобы она погибла, повредилась. Пережитая драма будто озаряет ее изнутри. Это все равно, как если в опасности моя любимая, не Дана. Нельзя, невозможно! Прерву опыт, как только замечу. А не будет ли поздно, когда замечу? Прекратить сейчас? Нет, нельзя, малодушие...

Его снова залихорадило. А успокоиться было необходимо — и Эоли заставил себя думать о другом. Звездная минута человечества, а! Как долго ее ждали, как много значит: узнать об иной жизни, не связанной со здешними условиями и развившейся даже до более высоких, чем наши, форм. Высшие Простейшие, надо же! И верно, умеют такое, к чему мы еще не знаем, как подступиться. Теперь будем знать... Звездная минута — и он, Эолинг, двояко, двукратно причастен к ней: во-первых, участием в спасении Берна и пересадке ему части мозга Дана, во-вторых, его «обратное зрение» делает доступной всем сейчас память участников Контакта. А? Только сами астронавты причастны к событию больше, чем он.

«Ну, вот опять: я! Я!.. То, что я участвую в событии, важнее события. Вот наградил милый па комплексом!»

Эти мысли тоже были не к месту, ослабляли. Успокоиться и прийти в норму Эоли сейчас мог лишь в деле. Он повернул к лабораторному корпусу.

Но все равно, когда шагал, на миг — не подконтроль-

ный сознанию миг — в нем над всеми волнениями возоблададо любопытство исследователя: а что же все-таки получится?..

Дан и Ксена не ушли из лаборатории, полулежали, расслабившись, на шезлонгах в углу нижнего отсека. Им сейчас противопоставлены новые впечатления, мыслями и памятью оба были на Одиннадцатой.

Дан чувствовал на себе изучающе-вопросительный взгляд золотоволосой девушки с галереи — Ли, Лиор 18. Мечтательная, тонкая, очень добросердечная... Он помнил все, что было у них с Алем. Мог вспомнить, поправил себя Дан. Мог бы, но не станет этого делать. Было не с ним, а о других такое помнить некорректно.

Отчуждение от Ли теперь тоже входило в состав его личности. Все входило в ее состав — даже эпизодическое участие Берна в опыте «обратного зрения» теперь приобрело настоящий смысл.

А сейчас отвлекаться на Ли, на все иное и вовсе ни к чему; забота его и боль его — вот она, рядом: Ксена. Все восстановилось в нем, даже повышенное — против нормального, что ли, уровня у любящих — понимание ее. Наверно, и в этом повинно пережитое на Одиннадцатой, Амебы с их обволакивающим психическим полем. И сейчас Дан чувствовал состояние Ксены почти так же внятно, как и свое, знал даже, сколько ударов в минуту делает ее сердце. Многовато оно их делает, учащенно бьется — будто секунда в напряженных местах симфоний. И сама она напряжена, натянута: тронь — зазвенит.

Секунда, учащенная смычковая ритмика... и над ней всплывает, набирает силу мелодия. Вот и сейчас она должна возникнуть — партия Ксены.

Он единственный представлял, что ей там довелось пережить после его гибели. И восхищался силой ее души: нет, куда против Ксены была Ли и все женщины Земли — перенести такое и вернуться, вернуться «психически»!.. И Дан очень хотел, чтобы она почувствовала его восхищение, веру в нее.

Он взял ее ладони (они были как ледышки), поднес к губам, подул, сжал:

— Ну, астронавтка? — улыбнулся ей, сощурился глазами.

Она ответно улыбнулась, сощурила глаза — но лицо ее оставалось бледным.

«Мы будем с тобой всегда. От нас не удалишься ни в пространстве, ни во времени — не спрячешься, не забудешь. Ваши четыре измерения — пустяк, мы достанем тебя по пятому, по восьмому, по энному!..» — звучали в уме бесцветные голоса. Это было в памяти, в душе — и противостоять надо самой, своим рассудком и волей. Никто, даже Дан, не мог понять в полной мере муку ее знания — откуда! Вот и надо изложить все считыванием, дать почувствовать всем людям проблему и опасность.

Черноволосый длинный Эолинг появился в дверях, делает ручкой, улыбается — но в улыбке сомнение. Волнуется, боится за нее — и за свой опыт. Грозился прервать считывание, если заметит по приборам неладное. Нельзя прекращать — это поражение.

Но и впасть ей, астронавтке, в тяжелую истерию при считывании тоже нельзя. Достаточно с нее подобных состояний там, на Одиннадцатой, и целый год после. Это тоже поражение.

Направо пойдешь — потеряешь знание. Налево пойдешь — потеряешь рассудок... Вот и надо идти прямо. По струне над пропастью.

Ксена склонилась к Дану:

— Предупреди Эолинга, чтобы ни в коем случае не прерывал считывание.

9. КСЕНА И АМЕБА

— День прошел в нетерпении, — начала Ксена после перерыва. — Надо ли говорить, как мы были возбуждены и орадованы, как я готовилась.

Когда зашел Альтаир и начало смеркаться, Ксена (с учетом опыта Дана она надела глубоководный костюм) поплыла в море. Дан следовал метрах в ста позади — для страховки.

Она не знала, где искать Амебу. Но та сама ее нашла.

— Мой Контакт был и похож и непохож на Контакт Дана. Высшее Простейшее тоже исторгло из меня воспоминания — проверяло и дополняло узнанное от Дана. Сверх того, оно вникало в интимные, глубоко личные стороны человеческой жизни... а более конкретно: моей. Вероятно, и я оказалась не на высоте, вела себя слишком пассивно. Сначала я вообще чувствовала себя

будто в духовном параличе. Затем несколько освоилась, начала — хоть и с большими усилиями — оформлять в уме вопросы, свое отношение... Это не просто, когда получаешь ответ на вопрос ранее, чем он сформулирован, когда все, что сообщало это мыслящее желе, принимаешь как достоверно известное, когда задано его, ВП, отношение ко всему — даже к себе самой. Было ощущение, что Амеба препарировала мой мозг и, скучая, ковыряется в нем...

Голос Ксены слегка вибрировал.

— Был и еще специфический оттенок Высшего Простейшего ко мне: что я женщина. Дело в том, «вспомнила-поняла» я, что Амебы сплошь мужчины — ибо выразительной индивидуальностью могут обладать представители только одного (их!) пола. Женское начало для них суть синоним понятий «среда», «почва». У них это те самые базовые участки «живого моря».

Существование женщин в виде отдельных особей, назидало далее ВП, есть явный признак, что эволюция разума у нас, людей, далеко не завершена. Когда-то так было и на Одиннадцатой. «Только наши самки были куда совершеннее и привлекательней. У них был мощный хвост...» — «А чем же хорош хвост?» — несмело удивилась я. «Ну, как же! На стадии деятельного организма он не менее важен, чем ноги. Это исполнительный орган нижнего психического центра, протомозга. У вас, млекопитающихся, он находится в области копчика и крестца; ваши древние ученые называли его Кундалини. Только вы, млекопитающиеся, расходуете нервную энергию этого центра неверно». — «М л е к о п и т а ю щ и е — правильно», — робко поправила я. «Нет, именно м л е к о п и т а ю щ и е с я, — тотчас «поняла» я свое заблуждение. — Питают молоком у вас только женщины в периоды лактации, питаются же им все. Вот ты, например, своим молоком еще никого не питала». Я не нашлась, что возразить.

Я излагаю словами то, что Высшее Простейшее внушало мне — и куда более доходчиво — чувственными образами. — Голос Ксены стал спокойнее, но лицо на экранах оставалось напряженным и бледным. — В своем студне Амеба показала мне все изменения моей анатомии, нужные, чтобы стать, по их представлениям, более совершенной... Надо ли объяснять, насколько я была шокирована этой идеей и, еще более, конкретностью предложения!

И поэтому я не сдержала то, что следовало бы сдержать: чувство возмущения и брезгливости. Высшее Простейшее не стало даже дожидаться, пока ответ мой оформится в конкретную мысль. Оно было (я почувствовала это) разочаровано. Апельсиновый комок растаял в воде. Я осталась одна.

На днище-экране появился Дан.

— Оно было не так просто, их предложение,— заговорил он,— не от стремления осчастливить Землю новыми «совершенными существами». В ту же ночь ВП — другое или то самое, угадать не берусь, да в силу их информационного сходства это и неважно — сделало мне еще более далеко идущее предложение.

Показываемое и рассказываемое нами не передает и части того тона назидательного высокомерия, которого держались в отношении нас Амебы. Деятельные существа вообще были для них давно минувшей стадией, а мы так и вовсе странной, сомнительной с точки зрения эволюционной целесообразности породой. «Вы, люди, какой-то вывих природы,— без обиняков внушало мне ВП.— У вас и биологическое, и умственное, и социальное развитие ушло в сторону. Эта техника ваша: машины, двигатели, приборы... вся ваша жизнь зависит от этих громоздких, тупых, пожирающих энергию тварей! А ваш тепловой гомеостаз — зачем? Иллюзия независимости от среды... только иллюзия, не больше; не может животное не зависеть от нее. А в какие труды она вам обходится: сколько надо пищи для повышенного выделения тепла, сколько действий по добыванию и усвоению ее!.. Куда проще согласоваться как можно тоньше со средой. И вообще: вы не изучили и тысячной доли того, что надо знать о своей жизни, а летите к иным мирам, ищите встреч с иными существами!»

И воздействие на мой мозг было столь сильным, что мне показалось: лететь к Альтаиру, а тем более опускаться на эту планету, тревожить здешних мудрецов и впрямь глупо.

«Возможно, в прежние времена, в века оледенения и долгих зим, были оправданы ваша теплокровность и гомеостаз,— размышляя, вело меня к своим выводам Высшее Простейшее.— В ту пору эти качества сделали вас хозяевами суши. Но теперь, когда вашими энергичными усилиями климат потеплел, гомеостаз и теплокровность

излишни, даже вредны. Взять тех несчастных, погибших во времена Потепления, погибших только потому, что вода не была для них подходящей средой обитания,— разве для них не было бы спасением обладать качествами земноводных и рептилий?.. И темп обмена веществ медленнее, запасов пищи надо меньше — разве плохо! Может, людям стоит сейчас сделать шаги для сближения, даже биологического слияния со своими холоднокровными позвоночными братьями на Земле? С этого может начаться новая фаза эволюции жизни на Земле. Не желаешь ли?»

Я был огорошен не менее Ксены. Породниться со змеями, жабами и рыбами... всю жизнь мечтал! И я не сдержал вспышку чувств. Реакция Амебы была такой же: разочарование — и исчезновение.

Разбирая потом с Ксеной происшедшее, мы поняли то, что нам стоило бы понять раньше: эти Высшие, миновавшие все стадии животности Простейшие отнюдь не намеревались нас оскорбить и унижить своими предложениями. Им действительно было уже все равно: любовь, животные классы... И наш эмоциональный «ответ» (даже без проявления хотя бы вежливого интереса к предложенному) так же характеризовал нас, как эти предложения — их.

— А еще позже, когда было совсем поздно,— добавила Ксена,— мы поняли, что наши чувства, наши эмоциональные реакции куда полнее вырисовывали нас перед Амебами, чем фактическая информация и внешний облик. Они были тестами, такие предложения, лакмусовыми бумажками. «Вы прилетели устанавливать Контакт? Что ж, давайте». У них был свой взгляд на Контакт.

10. ПУТИ ЖИЗНИ

— Чтобы стало понятнее, почему у них такие взгляды,— вступил Дан,— надо сообщить все, что мы узнали о них, об их жизни. Мы узнавали это понемногу, в разные заплывы-встречи, часть я, другое Ксена, но покажем все по возможности слитно... Больше Амебы не набивались к нам с нескромными предложениями, но общались охотно. Узнавать и сообщать — почти единственная доступная им радость.

«А как?..» — мысленно начал спрашивать я на двад-

цатиметровой глубине в пятую ночь нашего пребывания на планете. «...развивалась жизнь здесь?» — по обыкновению закончил мой вопрос приятный, радующий глаз своей расцветкой собеседник. «Да». — «Почти как и на Земле, только естественней, плавней, без катастрофических случайностей. Собственно, сначала и на вашей планете все шло нормально: моллюски в теплых морях, на суше голосеменные растения, покрытосеменные... потом распространилась в болотах и у илистых берегов морей предвысшая форма жизни — земноводные. Они породили и высших активно деятельных существ — тех, кого вы называете рептилиями, пресмыкающимися. Ах, как субъективно, несправедливо, обидно вы их называли: пресмыкающиеся!.. Себя так небось приматами. Обижаетесь, когда ваш класс вместо «млекопитающих» поименуют «млекопитающимися», — а сами... «Пресмыкающиеся»! Они были первыми двуногими — как на вашей планете, так и у нас — и со свободными передними конечностями. Они достигали самых крупных для наземных животных размеров, пятнадцать — двадцать метров, наибольшего веса и силы. Они — птерозавры у вас — летали; вы, приматы, и сейчас это можете только с помощью искусственных приспособлений. Верно, — продолжало ВП, — ныне, в изменившихся условиях, они там у вас измельчали, приникли к земле, прячутся в норы и воду. Но неизвестно, какими станете вы, когда природа изменится неблагоприятно для вас (а первый звонок уже был — в Потеплении!) и благоприятно для них. Тогда они снова возглавят марш жизни на Земле, как возглавляли его десятки миллионов лет. Десятки миллионов лет — что против них считанные тысячелетия вашего господства в природе! Тысячелетия — часы в жизни планеты... Так что не спешите раздавать названия, самонадеянные теплокровные однодневки: еще неизвестно, кто через сотню — другую веков перед кем будет пресмыкаться!»

Очень уж уязвило Амеб наше название родственного их предкам класса, ВП даже утратило на минуту бесстрастно-назидательный тон. «Расхождение путей эволюции у вас и у нас, — продолжило оно, — началось с эры, которую вы называете мезозоем. Что-то тогда стряслось с вашей планетой. Что — понять трудно, ваши сведения об этой эпохе крайне скудны. В атмосфере и на суше произошли резкие, губительные для крупных звероящеров

изменения: исчезло обилие влаги, болот, углекислоты в воздухе, похолодало. Произошло и более четкое разделение стихий: тверди, вод, газовой оболочки. Жизни же наиболее благоприятствует их умеренное смешение, недаром она наиболее обильна в прибрежных зонах, у линий стыка воды, суши и воздуха. И тогда нормальная жизнь — земноводных, рептилий — пошла у вас на убыль. Утвердились ваши предки, существа с гомеостазом, повышенной прожорливостью и расторопностью — теплокровные... У нас же здесь не было мезозоя — нашей планете вообще чужды скачки — катаклизмы. Поэтому наш путь и более нормален, закономерен».

И вот какова была эволюция животных, а затем и мыслящих обитателей Одиннадцатой планеты...

Сейчас в лаборатории пошло самое важное. Ксена и Дан застыли в креслах, устремив неподвижные взгляды на алый огонек индикатора считывателя.

На весь экран распространился, слегка пульсируя и меняя зыбкие формы, полупрозрачный оранжевый комок. Внутри вырисовались контуры существа. Комок расширился за пределы экрана, осталось только существо — это стоял, опираясь на широкий хвост и толстые задние лапы, звероящер. Синеватая кожа его усеяна желтыми и серыми, маскирующими под местность, пятнами. Вокруг неземного вида растения: мясистые бочонкообразные стволы с веерами извилистых листьев и бородавчатых побегов. Животное передними лапами с длинными когтями притягивает и рвет побеги, подносит их ко рту треугольной формы — питается. Тупо глядят с днищ «лапут» на жителей Земли три глаза посреди широкого плоского черепа: два по бокам, как у лошади, третий — повыше и в середине лба. Ритмично шевелятся, перемалывая побеги, костистые челюсти.

Вот животное оглянулось, отвлеченное чем-то, замерло в полуобороте — помесь ставшей на дыбы коровы с крокодилом — и стало меняться на глазах. Амеба показывала ускоренную эволюцию своих предков. Животное начало уменьшаться и стройнеть; опал, подтянулся раздутый от силоса живот, раздвинулась круглая бочонкообразная грудь, выгнулся полукольцом мускулисто-гибкий хвост; удлинились и выразительно налились передние лапы, ког-

ти на них укоротились — зато вытянулись семь изящных сильных пальцев; массивные, все перемалывающие челюсти тоже уменьшились, втянулись в череп; запали под надбровные дуги два крайних глаза, глазница среднего ушла под один уровень со лбом, прикрылась обширным веком.

Через несколько минут на днище-экране красовалось, замерев в той же позе настороженного внимания (только теперь спокойно-умного), двуногое существо с пропорционально, хоть и не по-человечьи сложенным телом — с округлой спиной, из которой мелкими зубцами выпирал хребет, переходящий в хвост, и с прямо посаженной на толстой шее крупной треугольной головой. В боковых глазах, смотревших на землян, теплился уныло-сосредоточенный «коровий» рассудок; но в расширенном среднем глазе, глядевшем из-под приподнятого вверх серого века, таилось что-то иррациональное.

— Амеба уверяла, что средний глаз их предков был связан с нижним нервно-психическим центром, с Кундалини, и поэтому воспринимал мир иначе, чем два других, — сказал Дан, — проникал якобы в суть вещей... Мы не только видели, но и «вспоминали» внушаемое нам. «Вспомнили-поняли», что в силу отсутствия катаклизмов эволюция Деятельных Рептилий и формирование их мышления длились миллионы лет — это была основательная, тщательно подбиравшая благотворные изменения эволюция. Результаты ее были стойки и надежны.

По странному для нас развивалось общество разумных ящеров Одиннадцатой. На всех ранних стадиях они не знали... огня. В болотно-тепличном климате материков планеты (тогда еще были материки) пожары не возникали. Куда больше, чем от горения, выделялось тепла от гниения органических остатков. По тем же причинам они не ведали о температурах ниже точки замерзания воды — да и о самом факте замерзания ее. Поэтому-то такое болезненное впечатление произвело на Амеб (наравне со сведениями об огне, ядерной и аннигиляционной энергии) узнанное от нас о морозах, снеге, льде... Но зато в пределах привычного диапазона температур и давлений они знали и умели все; куда больше нас, во всяком случае. Знали и умели, не обладая ни техническими средствами познания, ни даже орудиями труда сложнее палки, используемой в качестве рычага.

Прикладных наук — в нашем понимании — у них не было. Математика была развита и всеми почитаема — но, скорее, как область искусства, эстетического виртуозного упражнения в области чисел; применять ее в делах им представлялось столь же нелепым, как нам, к примеру, применять музыку для проектирования мостов... Причиной этому было то, что познание у них носило куда более интуитивно-чувственный, чем логико-аналитический характер. «Странно, что вы вообще достигли стадии разумности!» — заметило по этому поводу одно ВП.

Чувственная мудрость, мудрость древних ведунов, йогов, суфиев... а также и ящериц, которым она помогает в опасности оборвать хвост, а потом вырастить новый. Что ж, тоже познание. Вероятно, из-за такого крена разумные ящеры и исполняли свои практические дела сплошь биологическими и химическими способами. Оно было и легче в основной среде их деятельности — воде. В ней они строили-выращивали замки и лабиринты, выделяли из солей металлы, газы, образовывали дамбы и туннели для морских течений — и все это не прикладывая, как правило, рук...

На экранах и в сферодатчиках снова появились зримые воспоминания Амеб о своем прошлом: толпа ящеров бредет в зеленой, пронизанной лучами Альтаира воде; растянулись в цепь, огибают высокий серый утес. Непонятен смысл уверенных движений и сложных жестов существ — но ясно, что он есть, смысл. Цепь замкнулась вокруг утеса, ящеры сходятся к нему — и все враз, мелькнув блестящими спинами, уходят под воду; на их месте темное маслянистое кольцо. Когда оно достигает камня, утес начинает оседать, заваливается, обломками осыпается в воду.

— Однако стремление создавать свое через разрушение сотворенного природой было чуждо им в той же степени, в какой оно свойственно нам. «Природа творит вещественные образы, несравнимо более сложные и универсальные, чем можем мы и чем нужно нам, — гласил принцип практической философии рептилий. — Необходимое нам осуществимо как частные случаи универсальных решений природы — упрощением естественных процессов и образований». Не сокрушать природу, а воздействовать на нее изнутри — кто скажет, что это плохой принцип! Но с него все и пошло: вместо того, чтобы, изме-

няя среду, согласованно приспособливать ее к своим нуждам, они стали изменять себя.

— Может быть, не нам их и судить, — задумчиво дополнила Ксена. — Начальные шаги коллектива мыслящих существ определяют не провозглашаемые ими принципы, а могучие веления природы. Кто знает, в какую сторону устремилось бы развитие людей, если бы у них был задан примат интуитивного мышления над логическим, да еще если бы они были наделены способностью регенерации органов, способностью к анабиозу при похолодании или засухе, могли одинаково обитать в воде и на суше...

— Короче говоря, если бы они не были людьми, — заключил Дан. — Что верно, то верно: природа задарма отдала рептилиям Одиннадцатой большие знания о жизни и себе. Может быть, слишком большие — или, может, такие знания лучше добыть трудами и поиском, чтобы знать им цену?.. Менять себя им было легче, чем природу. Предки людей употребили много сил и хитрости, чтобы беречься и отбиваться от хищников, — а эти рептилии влиянием на гены придали своим тканям ядовито-мерзкий вкус... и не надо пещер, не надо костра или оружия — и так никакая тварь их мяса в рот не возьмет! И отношение к еде у них развивалось противоположно нашему. У людей век от века все возрастала разборчивость, кулинарный изыск, тяга к компактно-калорийному питанию — теплокровность обязывает. А предки Амеб — рептилии все упрощали способы ассимиляции веществ (у них он и не называется питанием) до того, что в конечном счете могли потреблять все органическое. Недаром, считывая у нас информацию о разнообразном питании, об искусстве приготовления пищи и напитков, Высшие Простейшие в ужасе меняли цвета от красного до синего! Почти единственным памятником преобразования ими природы на этой стадии и остались те найденные Ксеной дома-растения. Это в самом деле были дома — только культура их за тысячулетия запустения одичала, выродилась.

11. ЭРА РАЗНООБРАЗИЯ

— Постепенно вся интеллектуальная мощь рептилий стала направляться на усовершенствование себя. И оно пошло в том же нарастающем темпе, как

у нас развитие техники, совершенствование среды обитания,— продолжал Дан.— Рептилии овладели своими генетическими процессами настолько, что они перестали быть наследственными, для этого уже следовало придумать другое название. Наследовалась теперь, собственно, только эта потрясающая способность изменяться. В течение жизни они производили над собой такое множество преобразований, что, вероятно, и сами не помнили, как выглядели в детстве, в юности или на прошлой неделе. Так наступила Эра Разнообразия...

Картины, считываемые сейчас, были похожи на сатанинский шабаш, плод воображения средневекового художника-монаха. Вот из моря вынырнула рептилия с лобастой треугольной головой, перепончатыми, каких раньше не было, лапами и небольшим тельцем в обильных складках синеватой кожи. Оно повертело головой — на шее под челюстью обнажились розовые полудужья жабр — и начало надуваться. Складки кожи на спине и боках развернулись в продолговатый баллон, который разбухал все больше и больше, пока не растянулся до полной прозрачности: сквозь пленку просматривались ребра, легкие, пульсирующее сердце. Ящер-аэростат поднялся над водой, полетел по ветру в сторону берега и белых облаков.

Вот по кромке берега ковыляет на тонких лапах, волоча сморщенный хвост, рептилия-мыслитель о двух головах: лица обращены друг к другу, беседуют, жесты правой руки ящера подкрепляют доводы правой головы, но левая их отметаает.

Плывет в ясной воде, импульсами выталкивая ее из сизого медузного «зонта», существо, отличающееся от медуз только треугольной головой. Последний рывок — выбросилось на береговую отмель. Студенистая масса на глазах преобразуется в туловище и конечности, приобретает рельеф, жесткость, кожу; конечности, правда, кривые, но — на раз сойдет! — ковыляет на них по суше.

Вот голова — настолько большая, что контуры ее выходят за пределы днища-экрана,— смотрит в упор средним расширенным едва ли не на весь лоб глазом: в фиолетовой тьме зрачка мерцают-фосфоресцируют фигуры существ и растений, пейзажи, червячки символов, многокрасочные абстракции. Голова отдалилась, виден весь этот

ящер-головастик — настолько головастик, что один излучающий изображения глаз его сравним с головами толпящихся вокруг рептилий-зрителей. Из себя ли выдает этот монстр зрелищную информацию, улавливает ли ее в небесных сферах? Пророк ли он или живой телевизор?.. Но внимающих ему много, даже ящеры-аэростаты витают около.

— «Чем вы так поражены? — откликнулась Амеба на наше изумление.— Разве есть здесь принципиальное отличие от вашей эры технического изобилия? Внешне — да: у вас оно реализуется в среде обитания, у нас по принципу: «Все свое ношу с собой». Но не по существу. Ведь и ваша техника и технология развивались сначала для того, чтобы помочь разумным существам выжить, закрепиться и распространиться в среде, потом — для удовлетворения их потребностей (как дельных, так и пустых, мимолетных, которые и без удовлетворения прошли бы), а затем и вовсе для всего, что в голову взбредет,— лишь бы реализовать возможности, куда-то девать свою активность. Только и того что у нас здесь активность эта проявлялась более естественно и свободно... Познание накапливает возможности — глупость расходует их!» При всем том,— продолжал Дан,— у них было чувственное «коллективное мышление», аналог наших коллективных исследований. Посредством него они выходили мыслью за пределы планеты, составляли свои представления о мироздании. Они, правда, не знали, сколько планет вращается вокруг Альтаира, но имели понятие о нем, как об огромном, несущем тепло и жизнь теле; имели представление и о существовании других звезд и планет у них. Все это чисто качественно, конечно. Иные представления им были ни к чему, они не собирались путешествовать в пространстве. Почему? «Нас вполне устраивает наше путешествие во времени,— пояснило ВП,— полет-течение в огромном потоке его, который равно несет и нас, и вас, и все сущее, несет так долго и так далеко, с такой громадной скоростью, что в сравнении с этим движением ничтожны любые пространственные перемещения. Даже в ваших звездолетах». Замечательно, что эта их мысль интуитивно близка к идеям теории относительности.

В конце Эры Разнообразия посредством «коллективного мышления» были найдены самые главные способы общения и преобразований — сперва способ прямого обмена мыслями и ощущениями, а затем и концентрация чувств и мыслей до степени овеществления представлений. Это были способы, решающие все проблемы — и отстраняющие от них. Освобождающие от забот и труда. У них это так и называлось: Эра Полного Освобождения. «Вы к тому же придете, — обнадежило нас ВП, — вероятно, более сложным путем, чем мы, но придете, это неотвратимо. Созданное искусственно отличается от природного на вложенные в него мысли; и на труд тоже — но он ведь от неумения. Чем далее вы движетесь по пути своего технического прогресса, тем больше вкладываете в свои создания мысли, информации, умения — и тем меньше труда. Сейчас это скрыто от вас обилием операций, деталей, материалов, но — прозреете. Финал будет тот же...»

Заговорила Ксена:

— В один из последних заплывов мы с Даном отправились вместе и вместе общались с Амебой, вникали в финал их истории... Куда идти дальше? Возможно, такой вопрос стоял перед рептилиями времен открытия Универсальных Способов, но для нынешних Высших Простейших он уже не стоял. Выбор был давно сделан. Дейтельное созидание доказало всемогущество мысли, освободило от усилий, от труда — и тем исчерпало себя. Теперь жизнь могли наполнять только творчество и познание — даже не само созданное и узнанное, а сопутствующие переживания: вдохновение, чувство новизны, догадки, озарения, интеллектуальная удовлетворенность, превосходство над другими... Овеществление представлений и то шло больше для подтверждения идей или доводов, как иллюстрация к ним.

Путь был выбран, смысл жизни найден. Осталось освободиться от того, что препятствовало погружению в Творчество Неважно Чего и в такое же Познание. Именно тогда, около миллиона планетных лет назад, и был исполнен единственный, но радикальный проект преобразования планеты. Правильным оказалось мое смутное

предположение в день второй: не сама, не по своей охоте и не от стихий сникла на Одиннадцатой обильная флора и фауна. Вся биосфера — растения, животные, рыбы, насекомые, птицы были приведены к общему знаменателю, преобразованы в однородную биомассу, а она в виде разжиженной протоплазмы составила основу «живого» океана. «Представляю, сколько было на планете писку, крику, воплей, стонов, когда делали это», — подумала мимолетно я. «Да уж...» — откликнулась Амеба.

Ни протоплазма эта, ни океан живыми, в нашем понимании, не были — они были п а с с и в н о ж и в ы м и, могли быть посредством коллективного нервно-психического поля рептилий организованы в существа, в системы их, в предметы... в управляемые квазицельности. Слредством такого океана, его мощных ж и в ы х волн и течений были размыты, обрушены в воду все материки Одиннадцатой. Материал пошел на засыпку глубин, которые, как и материки, были теперь ни к чему, и на образование множества нынешних островков с извилистыми берегами. Наиболее подходящая среда для жизни — мелководное побережье; они и сделали его, сколько хотели.

В воде было хорошо жить: постоянная температура, не надо напрягать тело даже для противоборствования гравитации, нет хищников, острова-дамбы погасили все течения. Состав «живой» воды-плазмы навсегда решил вопрос о питании-ассимиляции. Вода смягчила резкий свет Альтаира, защитила от ультрафиолетовой составляющей. Тихо, сумеречно, тепло, сытно... Их уже нельзя было назвать рептилиями, скорее, по образу жизни, — земноводными. Мускулы, органы, формы — все расплывалось. Первыми за ненадобностью атрофировались конечности, вернулись в хрящевидное состояние кости. Исчезла нужда в легких, жабрах: кислород высасывался из воды всей кожей. Потом наступила очередь пищевого аппарата. Развивался один мозг — и ему стала тесна черепная коробка; избавились и от нее. С деятельным организмом было покончено.

— Новый и последний принцип их философии гласил: «Мысль обнимает все — поэтому надо наращивать мысль!» — снова вступил Дан. — Наращивать, накапливать, тренировать... К мысли они применили те же понятия, что спортсмен к мускулатуре. И вот мы, два существа иного мира, висели в глубоководных костюмах напротив сту-

денистого комка в воде — и нам казалось, что все у них, обитателей Одиннадцатой, хорошо и правильно. Именно их путь эволюции естествен, магистрален, а наш, земной, сомнителен.

Их, наших холоднокровных родичей, дело правое: болотная размытость, смешение, слияние со средой более нормальны в натуре, чем наш порыв к выразительности, противопоставление себя стихиям. Напрасно мы суеتمدимся — тем же кончим...

— Да, велико было психическое очарование Высшего Простейшего,— подтвердила Ксена,— хотя вроде бы нам только показали и рассказали свою историю, а выводы предоставили делать самим. Не предоставили нам это, нет!.. Однако то, что Амебы неявно внушали, доказывали нам, настолько противоречило нашему характеру, складу мыслей, историческому опыту — самой природе человеческой, что в глубинах душ у нас накапливался неподвластный никакому телепатическому влиянию протест. У Дана, вероятно, побольше, чем у меня, поэтому он первый и начал.

«И что же вы познали и сотворили сверх упрощения самих себя?» Мы были в общем психическом поле, я равно с Амебой поняла его вопрос.

«А что еще нужно сверх этого! Мы творим возможности, этого достаточно. Знаем же все!»

«В пределах от плюс пяти до плюс сорока пяти градусов,— полемически уточнил Дан,— в воде и при малом освещении».

«Нам не нужны иные пределы. И эти вполне достаточны, чтобы создавать куда более сложные и гармоничные образы, чем умеет простушка-природа».

«А где же они, почему мы их не видим? Почему нет соответствия между вашими богатыми возможностями и их реализацией? — не унимался Дан.— Вот, даже напротив,— и «живой» океан свернулся до пятнышек-баз!..»

«Мы можем снова сделать весь океан живым — но зачем? Областей-маток нам — утончившимся, почти неведущественным — вполне достаточно».

«Да-да... И овеществлять представления в воздушной среде вы можете, только почему-то давно не делаете этого!»

«Во избежание лишних усилий. В воде — легче».

«Ага, а на суше, значит, все-таки не просто, трудно?»

Вот ты ... ты могло бы исполнить на нашем острове какое-то представление, материальный образ? Столб, например, или лягушку?»

«М-м... Так сразу — нет. Надо время, чтобы вспомнить, восстановить в себе это умение. Мы не склонны загружать память ненужной информацией. Достаточно помнить, что есть такая возможность».

«Понимаю: теперь вас удовлетворяет сознание того, что вы можете восстановить в себе какие-то способности, как ранее удовлетворяло сознание обладания ими, а еще раньше — сознание использования своих возможностей, так?»

Это было приятно, просто здорово — воспринимать мысли не только Амебы, но и Дана. Раньше я не воспринимала так его мысли, как и он мои, — по той простой причине, что их у нас не было, не появлялись. А теперь... даже излишне напористая манера Дана выражать свое мнение, которая нередко коробила его товарищей, огорчала и меня, теперь радовала, ибо в ней проявлялось его мнение и личность.

«Ты несколько утрируешь, но так», — согласилось ВП.

«Ну, ясненько; еще некоторое время спустя вы удовлетворитесь сознанием того, что могли бы вспомнить, как восстановить в себе те или иные прекрасные способности-возможности. Затем для душевного комфорта вам окажется достаточно сознания, что в ваших мозгах могли бы возникнуть воспоминания о возможности вспомнить о чем-то таком... о чем бишь? А не все ли равно. Так вы необратимо утратите и способность овеществлять в воде, как утратили ее для суши, утратите память, самосознание — и впадете в предсмертную спячку!»

«Мы не утратим память и не впадем в спячку, — надменно помыслило в ответ ВП, — мы устойчивы и бессмертны. И все вместе, и каждый в отдельности — мы храним информацию как об общем, так и об индивидуальностях своих. Овладев изменчивостью, мы перестали быть подвластны носителю ее — времени — и можем всегда вернуть себя в любое прежнее состояние».

«Мы можем... Да вы перезабудете и эти знания, как пере забыли от безделья уже многое! Да и ни к чему они вам: вы замкнулись на самих себе, вам некуда стало развиваться. От вас и так мало, что осталось, а скоро и совсем растворитесь в своей водичке!»

Пришло время и Амебе пережить оскорбленность, а нам — почувствовать силу ее. Высшее Простейшее издало беззвучное: «Да как вы смеете?!» — силы, можно сказать, фугасного взрыва. Сначала его ощутили наши головы, потом оно сотрясло судорогами туловища и напоследок отдалось в пятках. Амеба вскипела — почти в буквальном смысле: из желтого студня повалили обильные пузыри. Последнее, что мы «вспомнили», это что мы еще несмысленны так рассуждать, что слово «млекопитающиеся» родственно с «молокососы», что прежде чем утверждать такое столь категорически, недурственно бы нам прожить свои миллионы лет, — тогда будет видно, на что и как замкнется человечество. Амеба исчезла. У нас с Даном из носа текла кровь.

13. АТАКА ПРЕЗРЕНИЕМ

— Нас ободрила эта прорезавшаяся возможность противостоять телепатическому напору Амеб своей мыслью, — заговорил Дан. — Она обуславливала диалог, спор, сопоставления точек зрения — все, от результатов чего должны выиграть и мы, и они. Поэтому во второй половине ночи мы, отдохнув в ракете, снова поплыли в море. Искать общения. Мы не понимали, насколько это было легкомысленно и опасно.

Кадры памяти: темное море опалесцирует тысячами пятен-бликов — над водой фиолетовыми, в ней оранжево-серыми. Иные пятна поднимаются по блестящим струям дождя, проплывают над островом и ракетой, кружат над медленно плывущими во тьму астронавтами. Много собралось здесь Амеб!

— Теперь, плывя, мы чувствовали-знали, что о содержании нашей последней беседы с тем вскипевшим ВП известно им всем — и даром нам это не пройдет. Нам стало не по себе. Но показать это, дрогнуть, повернуть вспять — тоже было ни к чему. Мы прибыли на планету с добром, явились какие есть, со своими взглядами на жизнь, искали не выгод для себя, а общения и взаимопонимания — чего же нам опасаться!

В двухстах метрах от берега мы начали медленно погружаться, ожидая, как водится, что какое-то ВП неподалеку от нас осветится, вступит в Контакт... Но не тут-то

было! Их много было окрест: серые тепловатости плавали вверху, внизу и по сторонам. Но все они расступались при нашем приближении, смыкались за нами — и безмолвствовали. Чем глубже мы погружались, тем более чувствовали какой-то гнет... Какой диалог, какие споры — они нас в упор не видели! Точнее, воспринимали нас, надерзавших, — и презирали! В жизни не чувствовал ничего противнее и тяжелее этого концентрированного презрения: надменного, холодно испускаемого на нас со всех сторон. Мыплыли будто не в воде, а в море презрения... не дай бог еще пережить! — Дан впервые за передачу сорвался с ровного тона. — Я показался себе таким ничтожным, глупым... и вроде уже раскаивался, что осмелился перечить — и кому?!

— Со мной происходило похожее, — вступила Ксена, — но только с моей, учитываемой Амебами спецификой. Они все вокруг обменивались быстрыми и невероятно сложными мыслями, касавшимися меня и интересными мне. Однако мои бессильные попытки их понять только забавляли Высших Простейших, усиливали их презрение. «Пустяковые организмы, примитивы, — заметило одно ВП слева. — Я бы взялся овеществить в тех же объемах куда более совершенные. Для этого надо...» И в глубине его сумеречного комка возникли упрощенные фигурки Дана и меня, преобразуемые в более совершенный вид. Соседние ВП молчаливо одобряли, только одно помыслило: «Да самку-то зачем и совершенствовать — слить ее с нашей базой-маткой, чего проще!» Другие и это одобрили. Но самое страшное было то, что... — Ксена замолкла на секунду, — что и я это одобрила. Сама вдруг захотела, чтобы меня слили с их базой-маткой, полуживой пассивно-чувственной жидкостью! Неодолимо захотела, мечтала: нет для меня большей радости, чем слиться с нею и служить Высшим... Конечно, и это было наведено.

— Мы находились в общем психополе, — заговорил Дан, — и я чувствовал, что с Ксеной неладно. Мне тоже доставалось, но ей было вовсе худо...

— Мне было не худо, — с невеселой улыбкой возразила та, — мне было очень хорошо, когда на пятнадцатиметровой глубине я принялась расшивать стык гермошлема с костюмом, чтобы слиться. Мне было просто замечательно.

— Я увидел, закричал: «Что ты делаешь?!» — подплыл к ней, схватил за руки...

— А я сопротивлялась что было сил, кричала: «Пусти! Не хочу жить, не хочу с тобой, противно! Хочу с ними!...» — отбивалась и вырывалась...

— Это не ты сопротивлялась, это они заставили тебя раскрываться и отбиваться — для забавы, для удовлетворения мстительного чувства. Чтобы унизить нас. Я понял это, понял, что бороться надо не с тобой, с ними. Как? Вспомнил: Амебам очень не по душе пришлось мои знания об огне. И я стал таким огнем! Мыслью и чувствами я был всем сразу: дюзами разгоняющегося звездолета, степным пожаром, тритиевой термоядерной плазмой, Альтаиром во всем его блеске, пылающим вулканом, вспышкой «сверхновой»!.. А сам тащил тебя к поверхности и к берегу. Мимолетно ощутил: подействовало, Амебы ошеломлены, растекаются от нас подальше. И ты перестала сопротивляться, обмякла. Мы выбрались...

14. АМЕБА-«РЕГРЕССИСТКА»

Кадры памяти: вращающийся луч маяка ракеты выхватывает из тьмы то полосы дождя, то ряды волн, косо накапывающиеся на берег, то нелепо сросшиеся дома-растения вдаль. Потом — Ксена в каюте, полулежит в кресле. Лицо осунулось, глаза большие, углубившиеся; в них обида и тоска.

— Я готовил ракету к отлету, рассчитывая на рассвете стартовать, — сказал Дан. — Оставаться далее было рискованно, да и время подпирало. Время в дальнем космосе — это горячее: если затянуть со стартом, то наверстать опоздание можно только удвоенной скоростью, вчетверо большим расходом аннигилята. Потому что на звездолет надо прибыть все равно час в час. А запас топлива один — на все про все...

«Да, — кивнул внизу под днищем-экраном Арно. — Час в час — потому что время отлета звездолета тоже задано, рассчитано, спланировано. Продиктовано космической погодой. Путешествие с околосветовой скоростью — не безмятежный полет в «пустоте», а плавание по бурному морю меняющихся полей: и тяготение от окрестных звезд, и магнитных, электростатических, корпускулярных... Та еще «пустота»! Задержка сверх расчетного времени резко уве-

личивает шансы не вернуться в Солнечную. А пришлось задержаться, перерасходовать горючее на рейс к Одиннадцатой, опускаться на нее — мне в одноместной разведочной. Моя IP, вероятно, и сейчас торчит на том острове. И все было наспех, скорей-скорей...»

— Но все-таки было досадно улетать так, не поняв друг друга, — продолжал Дан. — Будто бежать... Возможно, если бы Контакт осуществился обычно, через видимые и слышимые сигналы, мы не так прикипели бы душой к этому странному миру. При обычном общении всегда есть дистанция отчуждения, которой не было при здешнем, чувственном. И мы выходили на площадку ракеты, глядели во тьму, вслушивались в шум дождя и прибоя — с чувствами людей, которым не дали дочитать интересную книгу. Неужели все? Неужели встреча, которую так искали, закончится на скверном эпизоде?

Фиолетовое пятно появилось передо мной так неожиданно, что я отшатнулся. «Нет, не все, улетать рано, — «понял» я. — Надо, пока ночь, вырыть на острове бассейн десять на тридцать метров, глубиной пять, накрыть светозащитной пленкой и наполнить водой. Возможно это?» Это было вполне в наших возможностях — а для Ксены, чтобы прийти в норму после пережитого, даже и полезно.

Мы трудились часа четыре. Я управлял универсальным автоматом, она возилась с пленками, насосом. Когда на востоке засерело небо, бассейн за ракетой был наполнен и накрыт. В него фиолетовым призраком метнулась та Амеба; в глубине засветилось ее желтоватое тело. Мы плавали над ней у поверхности.

Первое, что мы «поняли-вспомнили», это унылое, подавленное настроение этой Амебы. «Я ведь только и подумала: все-таки они к нам прилетели, а не мы к ним!.. И сразу — отчуждение, холод. Вам трудно понять, какая это опасность: отчуждение и холод в мире, где каждая мысль, каждый оттенок настроения просматриваются всеми. Возвращение к Единому — процесс не только биологический, касающийся универсализации и упрощения структур; он, к сожалению, возвращает и к единомыслию. Мыслить иначе, чем все, допустимо только в узких пределах, не касаясь основного, в чем все молчаливо согласны, как бы сомнительно и спорно ни было такое согласие. Холод и отчуждение по отношению к помыслившему не так — почти

смертный приговор ему. Существа, умеющие наперегонки вычислять тридцатизначные простые числа, могут далеко наперед проникать и в поступки, вытекающие из недозволенных мыслей и настроений. Так что они, вероятно, уже догадываются, что я с вами, и этот мой поступок — последний».

— Оказывается, — вступила Ксена, — среди Амеб чуть ли не с первого дня шел интенсивный обмен мнениями о нас. По мере накопления впечатлений мнения ухудшались, а полемический выпад Дана и вовсе настроил Высших Простейших... не то чтобы враждебно (им ли унижаться до вражды!), а на нежелание иметь с нами, с людьми вообще, дело. Более всего Амеб пугала и шокировала наша избыточность, чрезмерность; по их меркам мы, люди, слишком активны, суетны, примитивны. «Даже эти двое нарушили мудрую безмятежность нашего бытия. А что будет, когда их появится на планете много? Для утоления своей чудовищной прожорливости они примутся создавать на островах и побережьях уголья для производства злаков, водорослей, живности — пищи. А их примитивно громоздкая техника, испепеляющая энергия!.. Нет, от них лучше подальше. Или — еще лучше — чтобы они навсегда оказались подальше. Деятелей — значит, глуп, этим все сказано».

Вот тут эта Амеба и помыслила ставшее для нее роковым благожелательное суждение о нас... Далее мы «вспомнили», что сказанное Даном тому ВП об угасании разума на Одиннадцатой хоть и было мало аргументировано и до смехотворности самонадеянно, но глубоко задело всех. Удар попал в больное место. В силу застойного единомыслия никто не рискует об этом отчетливо думать, но факт остается фактом: максимум развития далеко позади, идет спад.

«Десять — двенадцать тысячелетий назад это еще осознавали, это беспокоило, — продолжалось наше озарение. — Тогда группа Высших Простейших из Южного полушария решила начать обратное развитие, вернуться к формам и образу жизни деятельных существ, чтобы от него исполнить иной, не ведущий в тупик вариант разумной жизни — более с креном в преобразование природы, а не себя. Тридцать пять тысяч инициаторов (остальные Амебы именовали их «регрессистами») восстановили себе скелет, туловище, конечности, органы универсального

(в воде и на суше) дыхания, пищеварения — превратились в высокоорганизованные существа, способные деятельно жить в воде, на суше и в плотной атмосфере. Эти существа, — внушала наша Амеба, — создавшие себя на основе биологического знания, были венцом, потолком возможного в органической жизни. У них, кстати, были и ваша теплокровность и гомеостаз — качества, необходимые для желающих освободиться от гнета среды и изменять ее».

Но при перевоплощении в деятельный организм размеры мозга необходимо уменьшались. Пришлось расстаться со значительной долей знаний, телепатических и телекинетических свойств ВП. Это действительно был изрядный регресс. Исповедовавшейся нам Амебе в последний момент стало жаль этих способностей и знаний — и она отошла от «регрессистов». Но самое печальное то, что откат назад погубил и все движение...

«Регрессисты», чтобы быть подальше от враждебно настроенных Амеб, переселились на сушу и в замкнутые водоемы. Там они принялись создавать свою технику: летательные аппараты, гальванические энергобатареи, электронно-познающие машины из искусственной нейронной ткани. Конечной их целью было переселение на соседние планеты, поскольку было ясно, что развернуть здесь деятельно-разумный вариант жизни из-за отношения консервативных ВП не удастся. Но не вышло и с переселением: в разгар работ, изысканий, проектов среди «регрессистов» начался мор. Причиной его были выпущенные в атмосферу и воду закрытых бассейнов вирусы, созданные Амебами. Эпидемия вызывала ослабление рассудка и нервно-мышечный паралич. И без того интеллектуально попятившиеся существа не смогли, просто не успели найти способы борьбы с вирусом раньше, чем мор выкосил их.

«Вы, мыслящие млекопитающиеся, дерзки и наивны, — продолжала Амеба. — Вы носитесь по Вселенной, полагая, что тысячи пройденных парсеков пустоты приблизят вас к самим себе. В одном важном отношении вы еще в самом деле, не обижайтесь, молокососы: в том, что не понимаете, в какой мере вы — не вы, не сами по себе, а порождение вашей Главной Индивидуальности — мира, в котором развилось и живет человечество. В вашей части галактического потока, в Солнечной системе и особенно на Земле эволюция материи достигла — без участия людей — огромной, экстремальной выразительности. Там у вас все будто более

отчетливо наведено на резкость, чем здесь, более четко разделено. Мы до встречи с вами и представить такого не могли! Эта выразительность и пошла у вас с того мезозоя, подавившего рептилий и выделившего теплокровных. Но столь крайняя выразительность, экстремум материального всплеска, на гребне которого мчит ваша цивилизация, стихиям не нужна, долго они ее поддерживать не станут. Мир размытости, болота, смещения все-таки более вероятен — таков наш жизненный опыт, наше историческое знание... Однако (они этого не допускают, а я допускаю) возможен и иной опыт, иное знание: ваши, например, опыт и знание. Опыт дерзкий, опыт активного напора. Развитие этой тенденции поможет вам не только удержаться на гребне космической выразительности, но и, кто знает, может быть, поднять его еще выше. Ведь и то сказать, все-таки вы к нам прилетели!.. Вы на взлете, люди. Вам кажется, что так будет всегда. Не будет — в той мере, в какой это зависит от природы вещей. А вот в какой мере это зависит от вас?..»

И, сделав паузу на этом полувопросе, Высшее Простейшее предложило передать нам свои знания. «Есть немало областей, где вы впереди нас. Но о законах, свойствах и глубинной сути органической жизни вы знаете маловато. Хотя это надо понимать как можно полней, ведь о самих же себе. Правда, наши знания таят и опасность более легкого пути: многое, достигаемое вами посредством сложной техники и больших энергий, можно достичь быстрее, проще. Но это уж сами смотрите в оба, выбирайте. У вас и наш путь теперь перед глазами. Да и... не пропадать же им, этим знаниям, тут!» — закончило ВП совсем откровенно.

Наши кристаллоблоки памяти Амеба заполнила за час. Затем потребовала, чтобы мы хорошенько перемешивали воду в бассейне: поглощаемые водой газы и муть со дна служили ей материалом для создания кремнебелковой нейронной ткани, а из нее сфероматриц памяти. В воде один за другим возникали беловатые шары. Каждый шар рос, будто наматывался клубок из тончайших нитей; и в нитях, в каждом сантиметре ее была структурно закодирована информация. Так прошел весь день.

«Вот и все,— «услышали-поняли» мы за час до заката Альтаира.— В кристаллоблоках знания, которые люди смогут понять при нынешнем уровне развития. В нейронных сфероматрицах — те, к которым вы сможете подсту-

питься, освоив первые... Теперь вам лучше поскорей покинуть планету».

«А как же ты?» — спросила Ксена.

«Какое это имеет значение! — беспечно помыслило в ответ ВП.— Я пережила лучшие часы в своей слишком долгой и унылой жизни, отдавая вам полно, без остатка, то, что не теряешь отдавая: знания. Даже самые сокровенные, святая святых Высших Простейших. Теперь я вернусь в море и с удовольствием понаблюдаю за их реакциями!..»

«Но ведь тебя ждет смерть?»

«Что есть смерть! По-настоящему это знают лишь те, кто знает, что есть жизнь. Вы этого еще не знаете». В мыслях Амебы появился свойственный им всем оттенок высокомерия.

— А мне было жаль ее, жаль расставаться и отпускать на погибель, — говорила, появившись на экране, Ксена.— Я даже подумала: нельзя ли и ее поместить в ракету, увезти с собой? «Зачем! — помыслило напоследок ВП.— Я и так с вами — лучшим, что было во мне. Освоив эти знания, вы даже сможете разводить Высших Простейших в земных морях. Только — не советую». Было светло, мы ничего не увидели. Просто почувствовали, что этой Амебы с нами больше нет.

В последний раз заговорил Дан:

— Мы перенесли кубы памяти и сфероматрицы Амебы в ракету, подготовили ее к старту. Сгоряча мы хотели немедленно последовать совету Амебы, но одумались; очень уж это выходило не по-людски: после всего пережитого и узнанного здесь покидать планету, будто улепетывая... Сейчас можно только гадать: в какой мере это настроение было наше, а в какой навеяно по-быстрому готовившими свой заговор Высшими «простачками», — но я и сейчас не жалею об этом решении. Мы не сделали ничего худого, ничего не похитили — та Амеба верно ведь мыслила, что знания не теряешь, отдавая. Да и не такая штука первый Контакт, чтобы допустить в нем то, что мы и в обычных отношениях между собой не допускаем: фальшь, передергивания, корыстные ходы... Верность себе всегда окупится, я так считаю.

И не хотелось нам расставаться наспех с этим миром: красивым, своеобразным, чем-то грустным в своем увядании — и теперь для нас не чужим. К тому же разгорался феерический, ни с чем не сравнимый закат Альтаира. И мы

поднялись на биокрыльях — попрощаться, бросить последний взгляд на море, на архипелаг Ксены, на все.

— И только с большой высоты, — вступила Ксена, — мы заметили на восточной оконечности нашего острова скалообразный выступ с острыми, как у ножа, гранями. Его не было раньше, он вырос за этот день. Заметили — но не придали значения: если на этих островах сами вырастают дома, почему бы не вырасти и скале! Вероятно, и эта наша беспечность была уже не наша — потому что это выросла та самая «нож-скала»...

Э П И Л О Г

1. АРНО, ЭОЛИ, АСТР

Арно досматривал передачу из Биоцентра под аккомпанемент мыслей, начинавшихся с «вот оно что», — и каждая приносила облегчение. Он лежал на холме, глядел на днище «лапуты» — но и без показываемого уже понимал все.

...А на экране метались фантасмагорические видения, динамики транслятора несли в ночь торжественно-зловещие хоры. Они переходили то во व्यужный свист и улюлюканье, то в издевательский хохот — раскатистый, с затяжной реверберацией. Видения сплетались знакомыми лицами, фигурами; все они искажались, переходили одно в другое, растекались. Все — и картины, и звуки — доказывало призрачность бытия, отрешало, уводило от привязанностей, от долга, подавляло... Это там, на Одиннадцатой планете, Высшие Простейшие обрабатывали Ксему: подавляли личность, внушали покорность, чувство ничтожества и вины — и это она передавала сейчас, передавала с самого донышка предельно напряженного сознания.

«Вот оно что...» Нет на ней вины, на Ксеме. Все суждения о долге и нарушении его выработались у людей для психических воздействий и обстоятельств в пределах некоей жизненной нормы. А там она попала под психические влияния, сравнимые по мощи разве что с силой гравитации, — попала в психическое поле; и падение ее, сдача после гибели Дана были так же неизбежны, как и механическое падение тела, лишившегося опоры. Главное, одна, совсем одна... бедная Ксена!

«Вот оно что...» Арно смотрел на экран, но видел-вспоминал иное — лицо Ксены, когда, прилетев на Одиннадцатую, нашел ее: измученно-отупелое, постаревшее, худое, с застывшим в глазах и складках у рта отчаянием. Ксена, которую сломили, — бедная Ксена!

Не совсем, однако, сломили, не до конца: голову Дана она спасла. Сохранить Дана, хоть его голову, — это, наверно, стало у нее пунктиком, соломинкой для утопающего. И пред этим спасовали все психические атаки Амеб; а ведь как, поди, старались! Сфероматрицы инакомыслящей Амебы она уничтожила; и кристаллоблоки, образцы, снимки, записи — все, где хоть намеком могло обнаружиться

существование на планете этих далеко не простых Высших Простейших... А с головой Дана вышла осечка. Или решили не отнимать последнюю игрушку у забитого, но упрямого ребенка: пусть, мол, тешится, что это изменит!.. Недооценили знания и волю людей.

Ага, вот и его, Арно, лицо появилось на экране, оттеснило видения. Но какое странное: зловещее, холодно-властное! Это, наверно, тот момент, когда он мягко и настойчиво пытался отобрать у Ксены сосуд-гермостат с головой Дана. Она не отдавала. Даже он тогда показался ей чужим, враждебным, выдуманным Амебами... Бедная, бедная Ксена!

«Вот оно что...» Зря пострадали те психологи: не слаба была Ксена, не слабее других. Не горе от гибели Дана ввергло ее в депрессию и невменяемость — а то, что причиной этой гибели и ее горя оказались в ы с о к о р а з у м н ы е с у щ е с т в а, выше людей по знанию и историческому развитию, что использовали они для убийства и порабощения ее психики самые высокие свои знания, надругались жестоко и расчетливо — ради стремления к болотному покою. Именно это убило в ней веру в разум, в людей, в себя — и хорошо, что удалось восстановить все, вернуть.

«Вот оно что...» Да и ему ли удивляться, что Амебы так ее подчинили? Он и сам в те считанные часы на Одиннадцатой находился в их психическом поле. Эта «нож-скала», орудие убийства — он ее даже не осмотрел как следует, не заснял. Не придал значения. И тому, как удивительно мало данных собрано за пять недель работы на планете, тоже. И легковесная версия, что Дан «фигурял» и допустил оплошность, подсказалась ему там... Сейчас Арно было неловко видеть на днище-экране высвобождающегося из кресла и проводов седого, с чужим обликом, но все-таки Дана, своего товарища, которого он, получается, опорочил.

Планета с психополем — новое в астронавтике! Вот как их всех там обставили: и причины не те, и версии ложны.

И приговор ему, выходит, ошибочен.

Арно почувствовал, как внутри у него все расслабляется, размякает. Передача кончилась, квадрат на днище «лапуты» погас. Ярче стали видны обильные звезды и огни Космосстроя. Но вот и они расплылись все вдруг. Арно тронул пальцем мокрые глаза, потом лизнул палец: и верно, соленые... «Ничего,— утихомиривал он себя,— раз в жиз-

ни можно. Зная слабость, буду потом там еще крепче. Ничего...»

И понял он, что жил все эти годы будто со стиснутыми зубами. Понял, как трудно с ним, затаившимся, зажавшим душу в кулак, было Ксене. «Кто кого больше поддерживал: я ее или она меня?..»

Нет его вины — и будто не было этих трех лет! Арно упруго поднялся. Да теперь дело и не в том, не в мере вины: вон ведь что замаячило в далекой перспективе — такой, как у Амеб, финал спокойной жизни человечества. Нет, подобный финал — не для людей. Теперь астронавты очень даже будут нужны; такими, как он, кидаться на-кладно.

Он пошел, будто побежал изящно-стремительной походкой вниз, к берегу, к пристани дисковых катеров. Катер домчал его к сверкающим огням на мысу, к станции общепланетной хордовой подземки. У спуска, возле шеренги сферодатчиков, он замедлил шаг, остановился в колебании: «Связаться с Ксеной? Надо ли? Хватит ей на сегодня переживаний... Спасибо тебе, Ксена, боль моя!.. А, свяжусь с Луны». Он направился к эскалатору.

Не было уже боли, исцелился. Не Ксена нужна была ему, не теплая лирика, душевная благодать — звезды.

Через две минуты вагон подземки нес Арнолита — астронавта, командира — к Гималайской катапульте.

Эоли сразу после конца считывания ушел из лаборатории, предоставил помощникам закругляться, приводить все в порядок. Он прогулялся по лесу, вернулся в свой коттедж, взял биокрылья, стартовал с вышки и все поднимался кругами, пока не заломило в ушах от уменьшившегося давления. Сегодня он был на высоте, сегодня он должен держаться на высоте — сегодня его день!

Сейчас — он чувствовал это почти осязательно — во всех краях Земли и Солнечной люди обдумывают увиденное, обмениваются впечатлениями, спорят. Летят к чертям сотни концепций, меняются миллионы — да какое! — миллиарды взглядов на свою жизнь, на роль и цели Разума во Вселенной. История Амеб лишь затравка, печка, от которой будут танцевать.

...И ему надо многое обдумать, определить свой личный

путь. Пора становиться зрелым и дальновидным. «Не человек, а стихия в форме человека» — прав был Ило и в этом прав.

...А ведь тоже незрелость проявили там, на Одиннадцатой, эти двое — при всех своих отменных людских и астронавтических качествах. Философскую слабину. Чувства их понятны, но человеческая ограниченность — тоже ограниченность. «Эх, меня там не было!»

...А за концепцию «предельной наводки на резкость», за замеченную со стороны выразительность образований и процессов в Солнечной — это им спасибо. Имея, не понимали и не ценили, думали везде так — ан нет. И дальше надо развиваться так, самим нести, если вселенские процессы не потянут, эту выразительность. Разум — тоже вселенский процесс.

...Активный разум. Название надо уточнить: не «гомо сапиенс», а «гомо сапиенс активус». Те тоже были «рептилис сапиенс», а что толку! Для разумной жизни разума мало.

...Распространение — самый простой вид активности. И надо распространяться, не повторяя ни прежних ошибок, ни проблем. Именно так, Ило! Глобальная встряска человечеству — потепление, образование новых материков по Инду, твои идеи Биокolonизации, Трасса от Тризвездия, узnanное сейчас о пути жизни на Одиннадцатой... — все это удары, направляемые с разных сторон на одно: на разрушение человеческой мелкости.

Близится время, Ило, когда для подъема на более высокую ступень надо будет превзойти и человека, да! Другое дело — как превзойти! Не борьбой одних против других — а свободным сотрудничеством в исполнении замыслов вселенского масштаба. Ибо человек живет не на Земле — во Вселенной.

Вот и конец нашему спору, Ило: хороша Земля, да одна — тем и плоха, что одна. Распространение, экспансия — вот решение спора! Распространяться не только по Солнечной, но и на тысячи, десятки тысяч планет у иных звезд. При таком размахе, Ило, поселение на новую планету не может выглядеть ни «битвой с природой», ни «историей»... Смешно! Элементарное дело — в самый раз для двух операторов и пяти комплектов ампул.

Конечно же, дураками были и есть (если еще есть) эти семи пядей во лбу Высшие Простейшие, полагая, что

в ограниченном мирке, в питательном бульоне своего моря они постигли истину и могут назидать другим. Истина бесконечна и вечна, всемогуща и всевозможна, всеобразна — только распространяясь в бесконечно-вечном мире, реализуя наличные возможности и тем добывая новые, более обширные, можно приближаться к ней.

...И пусть у разных звезд развитие людей пойдет по-разному: где больше изменение природы, где приравливание к ней, без чего тоже нельзя, где бурно, где замедленно — не будет в этом драматического фатума Истории для человечества, идущего многими и разными путями.

Эоли летел, парил в теплых воздушных потоках, смотрел на леса, квадратами уходявшие к дымке горизонта, на озера, поля, сады, ленты фотодорог, на мосты через реки, вышки, россыпи разноцветных коттеджей в живописных местах... И для него это уже была не Земля; это проплывали внизу пейзажи Сатурна, Нептуна, Урана, Ио, Титании, множества иных планет и их спутников — будущее. Они будут такими!

Человек, который хлопотал вокруг проблемы Дана-Берна, дела Арно и загадки Одиннадцатой более всех других (хотя и принес своими хлопотами пользы меньше других), узнал об отчете Ксены и возродившегося Дана позже всех других — на целый год. Именно столько времени несли эту информацию радиосигналы до того участка Трассы, где он, двигаясь в сторону Тризвездия, проверял и отлаживал порошковые роботы-гонщики. И если мы сразу вслед за описанием переживаний Арно и Эоли даем и его реакцию на узнанное, то исключительно потому, что согласно теории относительности все, связанное между собой распространяющимися со скоростью света сигналами, фактически происходит одновременно.

Непосредственная реакция Линкастра 69/124, вернее, теперь уж 70/125, была, конечно, эмоциональной. Только излить свои чувства было некому, ближайшие контролеры-наладчики находились далеко впереди и позади по Трассе. А старый астронавт очень, очень хотел бы — даже и не им, а лучше бы тем, с кем общался и спорил по этому делу: Ило (он не знал, что того уже нет), членам Совета Космо-

центра — сказать небольшую речь, что-нибудь в духе монолога гоголевского городничего перед купцами:

«Что, соколики? Чья взяла, а?.. Не я ли чувствовал, что тут все не гладко! Даже Арно, барбос рыжий, запутался и других запутал. И поделом ему досталось!.. Не я ли пробуждал общее внимание к этой загадке?»

Сгоряча Астр едва не послал на Землю по соответствующим адресам язвительную радиogramму. Но вовремя вспомнил, что с момента события на Земле уже минул год, да пока радиogramма долетит, еще один пройдет. Посвежему оно было бы уместно, а так... Там все будут морщить лбы, вспоминать, о чем речь. Еще, чего доброго, обеспокоятся, не спятил ли старый Астр и не убрать ли его с Трассы, пока он там не наделал дел.

...Да, вот так: по теории относительности все одновременно — что сигналы туда, что обратно. А все равно выходит два года. Красноречивая иллюстрация другого неизбежного положения той же теории: что время суть пространство. Устранить противоречия между первым и вторым положениями автор охотно предоставляет читателям.

Астр удовлетворился тем, что исполнил вокруг роботогонщика пируэт в обзорной ракете, и махнул рукой. Главное, все выяснилось. И он помог, оказался прав в своем беспокойстве. Совершенно необязательно давать волю мелким чувствам и тяжелому характеру. Тем более, что здесь, на Трассе, он делает главное для идеи распространения и выразительности — обеспечивает человечество космической энергией.

Ее теперь понадобится — только давай!

2. ВСЕ ВПЕРЕДИ

Мужчина и женщина идут по тропинке на обрывистом берегу. Внизу широкая река — Волга в нижнем течении, места разинской, пугачевской и многих иных вольниц, родные места Дана. Другой берег едва виден за блеском солнца на водной ряби. Веет ветерок.

Они идут, думая каждый о своем. «Как хорошо, что все позади, — думает женщина. — Весь ужас, который годами стыл в душе, неверие в себя, в людей, в жизнь... И снова есть Дан. Пусть внешне непохожий, но — настоящий он. Как теперь легко и спокойно!»

Она поглядела на мужчину. Пожалуй только седые волосы и остались у него в память о Берне: изменилось лицо, осанка, все... Она вздохнула полной грудью, улыбнулась ему.

— Что? — рассеянно спросил он.

— Я подумала: как хорошо, когда все позади.

— Позади?..— удивленно переспросил он.— Ты говоришь: все позади? Ну и ну!..— Он вдруг подхватил ее, поднял на вытянутых руках и понес, смеясь, по кромке обрыва; из-под ног осыпалась глина.

— Что ты делаешь, сумасшедший,пусти!..

— Позади! Да у нас же все впереди! Мы сейчас и представить не можем, сколько у нас всего впереди!

За перевалом следует спуск в долину. Затем подъем к новому перевалу, откуда открываются более обширные виды. Новый спуск и новый подъем...

Дорога ведет в бесконечность.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нередко можно услышать вопрос: как в конце концов называть фантастику? Научной? Социальной? Просто-напросто современной сказкой?..

Досужие «фантастоведы», которых — к счастью или к сожалению? — не слишком-то и много, до хрипоты спорят: был ли Свифт фантастом? Не отнести ли к разряду социальной фантастики Гаргантюа с Пантагрюэлем?..

Старая русская поговорка о горшке и печке вполне применима и в данном случае: жанр можно назвать как угодно, но не надо выделять его в нечто особое, наглухо отгороженное от писанных и неписанных литературных законов, не надо превращать фантастику в некую островную империю, отгороженную от Большой Литературы бурным морем непонимания.

Подобные мысли изложил я как-то на встрече со студентами-физиками, произнес страстно и получил ожидаемую порцию «бурных аплодисментов». А после официальной части подошел ко мне один из грядущих Ландау и заметил не без ехидства:

— А море-то существует. И бури в нем наличествуют — еще какие неслабые...

Он был прав, этот юный реалист, воспитанный одной из самых фантастичных ныне научных дисциплин, он умел мыслить здраво и не выдавал желаемое за действительное. Море (да простит мне читатель сей «высокий штиль»!) и в самом деле существует, но море, как пишут в газетах, рукотворное, создано оно руками самих фантастов.

Давайте вспомним тот фантастический бум (право, не подберу иного слова), который начался в пятидесятые годы вслед за появлением ныне классического романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Издательства — и столичные и провинциальные — охотно стали издавать книги с заманчивым грифом «НФ», возникали новые и новые писательские имена, одни прочно вошли в литературу, другие канули в безвестность.

Время — не только строгий, но и справедливый судья. (Истина, конечно, весьма банальная, но и банальную истину никто не отменял...) Сегодняшние немногие и пишут интереснее, самобытнее, глубже, и сам жанр расширился — по форме и содержанию, фантастика перестала занимать пусть хитроумным, но, в общем-то, пустым изобретательством и начала исследовать Человека, другими словами, делать то, чем вот уже который век занимается литература.

Но...

Без «но», как водится, не обойтись, несмотря на радужную картину, нарисованную мной. Дело в том, что кое-кто до сих пор — по инерции или по здравому убеждению? — считает фантастику жанром особенным, где и законы свои, и задачи ни на что не похожие, а посему, мол, и судить фантастические произведения следует не так, как, к примеру, роман «производственный», «военный» или «бытовой».

Печальное заблуждение!

Если в те, далекие уже, пятидесятые годы фантастика и впрямь была только научной, а любители устного счета всерьез прикидывали, сколько изобретений Жюль Верна обрело жизнь в технике и науке, то сегодня уже мало кто рискует подходить к жанру с арифмометром и линейкой, даже логарифмической. Суть фантастики, как и всей литературы, показывать человека — не только таким, каков он есть, но и таким, каков он будет, каков он должен быть.

Этот современный и будущий человек! Что только не говорилось о нем!

Многие образцы дешевой западной фантастики, наводнившей книжный рынок, знакомят нас с так называемыми героями будущего, людьми «непонятными, неврастеничными». Само будущее в этих, с позволения сказать, романах представляется мрачным, беспросветным, авто-

матизированным до предела, обезчеловеченным. До человека ли там!..

И словно в противовес этому прекрасный фантаст Рей Бредбери пишет:

«Я не вижу ничего важнее Человека с большой буквы. Разумеется, я подхожу пристрастно: ведь и я сам из этого племени...»

Человек с большой буквы живет в лучших книгах лучших писателей Запада. Человек с большой буквы — главный герой повестей, рассказов, романов писателей-фантастов Советского Союза и социалистических стран.

Владимир Савченко тоже написал роман о Человеке с большой буквы. Я имею в виду не главного героя, а тех, кто его окружает в недалеком, в общем-то, будущем. Неподдалеком-то неподдалеком, но как же изменившем не только науку и технику, не только социальные отношения, но и психологию людей. Иными словами (если прибегнуть к классической терминологии «фантастоведов»), перед нами — утопия. Еще один вариант будущего.

Мне вспоминается разговор с покойным ныне писателем, крупным специалистом детективного жанра Романом Кимом. Он утверждал:

— Если ты пишешь вещь, где действие происходит в любой западной или восточной стране, сделай героем советского человека. Иначе будет «развесистая клюква».

Перефразируя слова Кима в применении к фантастике, попробую тоже утвердить: если ты хочешь написать роман о будущем, помести в него современного человека, опиши будущее его глазами, и мы поймем то, что он смог понять, и не поймем или не примем то, что он не смог понять и принять.

Герой Савченко — наш современник, волею собственного опыта попавший в будущее, совершивший скачок лет эдак на двести. Правда, и здесь Савченко делает «хитрый» ход: он совмещает сознание героя с сознанием погибшего космонавта, то есть создает некий симбиоз человека Сегодня и человека Завтра. Или даже Послезавтра. И смотрит: чье сознание окажется сильнее, кто станет «лидером» в этом симбиозе...

Не стану пересказывать то, что вы только что прочитали. Подчеркну лишь необычность и благодатность для писателя подобного приема, который, к слову, Савченко неплохо отработал. Думается, роман займет достойное

место в советской фантастике, о нем станут спорить, у него появятся апологеты и противники. Но даже последние, как бы строги они ни были, не смогут утверждать, что прочитанное — нечто с «островной империи». Нет, роман Владимира Савченко — именно о Человеке. Или так: сначала — о человеке, а потом — о Человеке, и вот это крохотное изменение строчной буквы на прописную и делает роман литературным произведением, ибо автора, в первую очередь, интересует психология героя, становление его как Личности — в новом мире.

Другое дело, что автор порой как бы возвращается к тем временам, когда фантастика была только наукой, и поэтому роман, пожалуй, излишне перегружен описательными подробностями завтрашнего бытия, технических изысков и т. п. Все это несколько снижает художественные достоинства вещи, уводит в сторону от главной задачи, которую я уже назвал.

Перечитал написанное и сам удивился: странное получилось послесловие, ведь в послесловиях вроде бы положено главным образом хвалить книгу... Но в том-то все и дело, что В. Савченко написал хороший роман, и поэтому мне, естественно, хочется, чтобы он был безупречен во всем: это во мне читатель пополам с критиком заговорил... И да простятся мне мои замечания — они не умаляют достоинства книги.

Сергей Абрамов

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог	5
КНИГА ПЕРВАЯ. ПЛЮС-МИНУС СОВРЕМЕННОСТЬ	
Часть I. Включая Большой Мир	31
Часть II. Грядущее озаряет настоящее	71
КНИГА ВТОРАЯ. ПЕРЕВАЛЫ ГРЯДУЩЕГО	
Часть I. Крутой подъем	118
Часть II. На планете Амеб	226
Эпилог	276
<i>Сергей Абрамов. Послесловие . . . . .</i>	<i>283</i>

Для
среднего и старшего возраста

Владимир Иванович Савченко

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Научно-фантастический роман

ИБ № 5235

Ответственный редактор *В. А. Анкудинов*

Художественный редактор *В. А. Горячева*

Технический редактор *Е. М. Захарова*

Корректоры *Г. В. Романова* и *Э. Н. Сизова*

Сдано в набор 04.01.84. Подписано к печати 27.07.84
А13052. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт
литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт.
15,96. Уч.-изд. л. 16,37. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4464.
Цена 80 коп. Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знаме-
ни фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский
вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

- Савченко В. И.**
С13   За перевалом: Научно-фантастический роман/
Рис. А. Лебедева.— М.: Дет. лит., 1984.— 286 с.,
ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики).

В пер.: 80 к.

Научно-фантастический роман, рассказывающий о судьбе немецкого ученого, оказавшегося в обществе будущего. Писатель показывает, каких огромных успехов добилось человечество не только в освоении Земли, но и космического пространства, насколько полно люди научились использовать свои возможности.

